

АЛЕКС ЭЛМОТТ

18+



ОНА – КЕННЕДИ.  
ОН – СЕНАТОР США.  
ВМЕСТЕ,  
ОНИ БУДУТ ТВОРИТЬ ИСТОРИЮ!

# СОБЛАЗНЕННАЯ СЕНАТОРОМ

СЕРИЯ «ГРЯЗНЫЕ МАЛЕНЬКИЕ СЕКРЕТЫ»

Какой твой грязный маленький секрет?

У каждого он есть.

Для Ксавии Кеннеди, это была свобода. Вдали от ее элитарной и знаменитой семьи. Когда ее друг Джон Рихтер завершает стажировку в парламенте, она получает «вызов» присоединиться к самому сексуальному сенатору, по мнению «Космо», решив, почему бы не побыть его ученицей!

Кроме того, сенатор Беннетт Стоун не совсем незнакомец. Он умный, великолепный, и он скрывает чертовски грязный маленький секрет.

Кса и Бен встречались в Бостоне, и обнаружили, что хранят общую историю.

Однозначно не политическую.

Никаких имен; горячий, влажный, агрессивный, лучший, почти-публичный-секс.

Вспышка безумия в Нью-Йоркском клубе.

Ночь, которую они помнят уж очень хорошо.

Последняя задержка на предвыборной кампании сенатора Стоуна оказывается проходом в умопомрачительный декаданс... или дорогой к разорению.

Ксавия и Беннетт не могут сопротивляться.

Она — Кеннеди.

Он — Сенатор США.

И вместе, они на вершине проблем.

---

---

**Алекс Эллиотт**

**Соблазненная сенатором**

СЕКРЕТЫ. СЕКРЕТЫ. Не так уж и весело, как об этом говорят. По крайней мере, так устроено в моем мире.

После моего рождения мама отказывалась говорить, кто мой настоящий отец и мне пришлось принять в качестве отца ее мужа номер три. Кеннеди. Вы, конечно же, знаете, кто это. Как и моя мама, я держу свою личную жизнь под замком, будто старый скряга. Я научилась не делиться личной информацией без видимой необходимости. Как там говорится? Голь на выдумки хитра. Звучит правдоподобно, особенно в нашей семье.

— Давайте, еще один раунд! — Брук забарабанила руками по столу. Она только что вернулась с танцпола и плюхнулась на стул рядом со мной.

— Как насчет мятного «Шнапса»? — предложила Равенна.

— Еще один коктейль? Думаю, не навредит, — сказала я, в ответ на предложение выпить еще один стакан яркого ликера. Мы пили все: от «Хлопушек Алабамы», до пылающих «Б-52», и мы все еще в норме. Пока.

На этот раз заказывает Брук.

— Кто-нибудь требуется встряска? — спрашивает она, доставая пузырек с коксом. Я мотаю головой.

Мы были на верхнем этаже, с видом на танцпол, в клубе ее дяди. Лицом к лицу с толпой людей и в то же самое время в безопасности. Техно гремит из динамиков, и я не могу удержаться от отбивания ритма ногой...

— Разве это не Джордж Клуни? — спрашивает Равенна, указывая на мужчину, стоящего рядом с привлекательной женщиной.

— Да. Он. И его новая жена, — отвечаю я. — Боже, какая удача!

Веселая Катрина тянет меня за руку и кричит:

— Ксавия! Пойдем танцевать!

Я оглядываюсь на танцпол, а потом задумчиво смотрю на подругу.

— Если ты обещаешь не оттоптать мне ноги. — Я поднимаю перед собой бокал.

— Согласна! — отвечает она.

— За удачу! — Брук чокается со мной рюмкой, прежде чем опрокинуть шот.

Я и Кэт на высоченных каблуках, которые должны быть предостережением от пьянства и танцев.

— Это моя любимая песня, — заявляет она.

— Ты уже говорила это, как минимум три раза, — смеясь говорю я ей, и мы спускаемся по лестнице, пробираясь к танцполу, сквозь толпу.

Мы вчетвером прилетели в Нью-Йорк на выходные и уговорили отца Брук отпустить нас в клуб на всю ночь. Меня не волнует, что за последние два дня я выпила, наверное, несколько литров алкоголя. На дворе июнь, занятия закончились, мне двадцать четыре и на этот раз я не собираюсь сидеть и переживать о будущем. Только не тогда, когда вокруг столько красивых мужчин. Они улыбаются мне, заставляя поверить, что я способна сделать что-нибудь сумасшедшее... например, потерять моих друзей в Нью-Йорке и затем потеряться самой.

*Однажды в Риме — я права?*

Мужчины, которые улыбаются мне, понятия не имеют, кто я такая и им насрать! Вот

почему, меня манит идея уехать из Бостона и затеряться.

— Мы почти бежим! — кричу я.

— Не хочу пропустить слишком много, — не останавливается Катрина, пока мы не оказываемся в середине танцпола. Вскоре, она уже зажата между двумя парнями и кричит:

— Присоединяйся к нам!

— Мне и так хорошо. — Я закрываю глаза. Вот что значит быть свободной! Я поднимаю руки, делают поворот бедрами, музыка ревет вокруг, и, когда я открываю глаза, то вижу его. Я будто падаю с высоты.

Мой мозг кипит.

Я смотрю через весь танцпол на человека, который больше похож на какого-то мистического охотника... Ориона.

Я дрожу от его власти. Силы. От его взгляда.

Его глаза ярче, чем мерцание звезд.

Они поглощают меня.

Уничтожают мои мысли одну за другой.

Я сглатываю и понимаю, что он не просто лакомый кусочек. Его взгляд проникает сквозь толпу, закручиваясь в самом центре моего существа. Я хочу отвести взгляд.

«Господи, — говорю я сама себе, — отведи чертов взгляд», но я не могу. Вместо того чтобы возмутиться тем, что мистер Великолепие скоро прожжет во мне дыру, я рада. Он сидит, может, в шести метрах за оцеплением в VIP-зоне, за одним столом с тремя мужчинами в костюмах. Кажется, он совсем не слушает, о чем те говорят. Нет, он сосредоточен на одной цели... на мне.

Он подносит бокал ко рту и наблюдает поверх его края, как я танцую. Он кажется мне очень знакомым. Вряд ли мы могли встретиться на одной из наших семейных вечеринок. Он не просто великолепен, он чертовски притягателен. В доказательство того, я осознала, что танцую практически всю песню только для него.

Я зачарованно отступила, будто зная, чего он хочет. Под его взглядом я не чувствую себя дешево и неловко. Он порождает желание быть смелой. Провоцировать. И я, в свою очередь, хочу соблазнить его так же, как он меня. Я провела своими пальцами вниз. Вдоль груди. Медленно двигая плечами в такт музыке, представляю его рот у себя между ног, он пьет меня и заставляет сходить с ума. Лучшее в моей фантазии то, что ему плевать на то, из какой я семьи в тот момент, когда он разводит мои ноги шире, накрывая меня собой, заставляя забыть обо всем, кроме того сумасшествия, которое он заставляет меня ощущать.

Мое платье — маленький клочок блестящей материи, подол которого поднимается вверх по моим бедрам, щекоча кожу. Слава Богу, что вокруг много людей, сплошь клубится дым, и нет людей, которым интересно будет заполучить снимок того, как мало одежды на мне может быть. Как я только догадалась, кто из всей толпы решил подсмотреть за моими грязными танцами? Мой поклонник наклонился, опустив стакан ниже, и я поняла, что он только что получил панорамный обзор на ту полоску кружева, которую я называю стрингами.

Он разорвал зрительный контакт. Сказав что-то своим собеседникам, он поднялся со стула и вышел. Теперь я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, не уходит ли он. Я слежу за его движениями, мое сердце колотится, и я покидаю танцпол. Он на голову выше всех остальных и легко проследить, как он покидает VIP-зону. Даже в темном пространстве между баром и столами легко отследить его передвижения. Когда он вступает в более

освещенную зону, наши взгляды встречаются. Мы близко и от этого чувства я не могу даже пошевелиться. Или думать. Или дышать. Яркие вспышки света не помогают мне очнуться.

— Простите меня! — прокричала какая-то женщина.

Черт, я застыла. Сейчас мне необходимо решить, остаться ли мне на танцполе или уйти. Я больше не танцевала и мои ноги сами понесли меня к нему.

«Хорошо, подожди», — говорю я сама себе. Я больше не могу следить за ним, должно быть он направился к главному выходу.

— Вы идеально танцуете, — говорит он низким голосом, с легким южным акцентом, вырастая, словно дерево передо мной.

Моему мозгу потребуется год на восстановление, я поднимаю лицо, чтобы видеть его и говорю:

— Спасибо. — И продолжаю смотреть на него в оцепенении.

Что.

За.

Херня!

Его взгляд выбивает все мысли из моей головы. Этот непроницаемый человек не похож на тех маменькиных сынков, которых я знаю. Так близко, я смотрю в его, подернутые дымкой серо-зеленые глаза, которые не просто рассматривают, они пожирают меня. Он улыбнулся, оглядывая меня сверху вниз и слегка наклонив голову. Тут же мне захотелось запустить пальцы в его густые, темные волосы, которые обрамляют его потрясающее лицо. В этот момент появилось ощущение, что весь алкоголь, от выпитых за выходные шотов, прилил к моей голове, и меня пошатнуло.

— Эй, — он схватил меня за руку. — Ты в порядке?

Его прикосновение было необычным. Прикосновение его пальцев к моей руке вызвало море мурашек, будто меня бьет током. Яркая искра удовольствия взрывается у меня в животе.

— Э-э... тут очень многолюдно. Мне просто душно, — промямлила я. Я загораюсь рядом с ним и, чувствуя прикосновение его руки к моей коже — это все, что я могу сделать, чтобы не упасть.

— Пойдем, поговорим. Сюда. — Он тянет меня за руку, кивая в сторону темного пространства, и я разрываю зрительный контакт, чтобы посмотреть, куда он указывает.

— Хорошо. Конечно. — Я надеюсь, что говорю, и кнопка отключения звука не нажата. Так и есть.

Он ведет меня к нише за танцполом, о существовании которой я и не подозревала. Несмотря на то, что бывала в этом клубе раньше. Я ошеломленно слеую за ним, а тоненький голосок у меня в голове спрашивает: — *не должна ли я бояться?* Мы одни и, несмотря на то, что он одет в дорогой костюм, он не похож на человека, который днями напролет занят вычислениями.

— Почему ты танцуешь одна? — Он смотрит на меня сверху вниз, задумчиво оценивая, ждет, пока я отвечу.

Я задыхаюсь, кровь стучит в ушах. Должна ли я поверить в то, что мужчина, на голову выше любого качка. Хочет со мной просто поговорить?

— Кто ты, черт возьми? — спрашиваю я, игнорируя его вопрос. Мой язык онемел, вместо того, чтобы развязаться после выпивки. И я находилась слишком близко к этому источающему мужественность человеку, если взглянуть правде в глаза, он слишком... Я не

могла подобрать правильных слов, но он *слишком*...

Придвинувшись ближе, он прошептал мне на ухо:

— Я твой самый страшный ночной кошмар. — Он смеется, его голос становится ниже.

Он сильно отличается от тех мужчин, которые у меня ассоциируются с Нантакетом. Каждый принадлежит какой-то женщине, рожден и воспитан так, чтобы стать следующим в поколении властных магнатов.

Каждая женщина должна носить одежду в пастельных тонах, любезно улыбаться и носить жемчуг.

— Поверь мне, — отвечаю я. — Ты не...

Чтобы наши взгляды снова встретились, он наклоняется ближе.

— Я хочу *поцеловать* тебя.

Хорошо, он не кошмар, но, безусловно, мысли о нем трогают меня больше, чем то, что он делает сейчас. Это сочетание сводит с ума. Однако, вместо того, чтобы по-настоящему испугаться, мои мысли полны похоти. Я уверена в том, что, несомненно, хочу все, что он только может мне предложить.

— Только поцелуй? — спрашиваю я.

— Только поцелуй, — обещает он и мое сердце колотится в груди. Я не закрываю глаза, но тянусь к нему. Он тот, кто мне нужен. Может быть, это просто поцелуй, но стоит вспомнить о том, что я не хочу впустую провести еще одно лето в Новой Англии, считая дни, часы и минуты.

Я хочу жестокости, грязи, бури.

Шторма.

Опасности.

Я не могу стать такой, какой хочет меня видеть моя семья. Предсказуемой. Скрытной. Еще одним винтиком в колесе.

Один поцелуй, который я запомню. Я должна запомнить эту ночь. Наши губы встречаются, и его теплый рот захватывает меня так, что становится сразу ясно — он знает, как надо целовать... и как делать другие вещи.

Он скользит рукой к затылку, заключая меня в объятия. На самом деле, он освобождает меня, взяв бразды правления, направляя таким образом, что наши рты сливаются под совершенным углом. Он проводит кончиками пальцев по моей скуле.

Без предупреждения, он засовывает язык мне в рот, оттягивая пальцами волосы, запорокидывая мою голову назад, заставляя поднять подбородок.

Я хватаюсь за его сильные руки, отправляясь в свободное падение в океан желаний, где его горячий, бархатный и очень дикий рот манит меня. Он зажимает мою нижнюю губу зубами, прикусывая и оттягивая вниз, толкая меня обратно, пока я снова не окажусь вплотную к прохладной стене. Господи, как этот человек может целовать!

Его тело напряжено, так сильно напряжено, что я застонала ему в губы. Я перевожу дыхание, и запах его одеколona проникает в мои легкие, оседая глубже, чем самые страшные тайны. Я вдыхаю, плотая стон, ощущая его дыхание. Возбуждение, словно мощный снаряд пронзает меня, оседая между ног.

Он обхватывает мое лицо ладонями, снова целует и шепчет.

— Откройся мне. Полностью.

— Пожалуйста, — шепчу я, приближаясь к его лицу.

Он целует меня жестче на этот раз, разводя мои губы. Его язык проникает глубже. Он

немного груб. Не слишком сильно для поцелуя, но это дает понять, что он контролирует наш поцелуй, контролирует то, насколько его язык погружается в мой рот. Он наполняет меня... Искры наслаждения, покалывают тело от сосков до кончиков пальцев, от моего рта, до места между ног. Он дал мне почувствовать, что мы могли бы сделать, если бы он хотел большего. И вот, чего я хочу: БОЛЬШЕГО! Я хочу ощущать его руки на своем теле, грубее, чем поцелуй, требовательнее! Я прогибаюсь ему навстречу, пока он держит мое лицо и ласкает языком мой рот. Наши бедра встречаются, и его возбужденный член вдавливаются мне в живот. Я поднимаюсь на цыпочки, стараясь быть как можно ближе, поднимаю колени, чтобы дать ему больше доступа.

Он перестает терзать мой рот и его губы проходятся вдоль моего подбородка, а моя грудь болит от жажды его прикосновений. Я прижимаюсь к нему. Поднимая руки вверх над головой.

— Ты представить себе не можешь, что мы могли бы сделать, — шепчет он. — Как бы ты себя чувствовала, если бы отдала мне себя.

— Если? — спрашиваю я, шокированная тем, что он только что сделал.

— Да. Если. — Он опускает руки и разворачивает меня лицом к стене. Упираясь руками в стену, он ногой раздвигает мои ноги и тянет бедра на себя. Тянет вверх мое платье, задирая его до спины.

— Сколько тебе лет? — спрашивает он, в то время как его пальцы поглаживают мою попку.

Я полностью открыта для него и готова позволить ему взять меня так, как он этого пожелает. Я оглядываюсь через плечо и смотрю ему в глаза.

— Достаточно для того, что ты хочешь сделать.

— Это не ответ, — отвечает он, а его пальцы проникают в меня.

— Я не пользовалась фальшивыми документами, чтобы попасть внутрь. Этого достаточно? — Я кусаю губу, чтобы не застонать, когда он отталкивает мои бедра, позволяя моему платью прикрыть мой зад.

— А ты любишь спорить. — Он трет свою щекой о мою, будто наказывая меня за то, что не дала ему прямого ответа.

— Тебе, кажется, нравятся женщины, способные постоять за себя.

— Мы идеально сочетаемся. Ты и я. — Он прикусывает мою кожу, перемещаясь губами к моей шее, посасывая ее так, что у меня закатываются глаза. Я хочу бурно кончить с этим мужчиной, который целует меня в темноте зала.

В шуме клуба я решила, что вот он, мой момент для нарушения привычных правил. Я выдвигаю бедра назад, чувствуя его мощную эрекцию напротив моей задницы. Он придвигается ближе, кладя ладони мне на бедра, вдавливая в меня свой член. Мы в двух шагах от перехода от сухих толчков к публичному сексу, я слышу, как с его губ срывается низкое рычание.

— Это было что-то вроде поцелуя, — ворчит он. — Мы увлеклись.

Я ошеломленно поворачиваюсь к нему. Он наклоняется вперед и целует меня в губы в последний раз. Сладкий поцелуй, затянувшееся противостояние его и моих губ, а затем он отпускает меня.

— Мне проводить тебя обратно к твоим друзьям?

Он больше не трогал меня. Не целовал меня. Просто пара никчемных слов.

— Мои друзья..., — Не так я представляла наш разговор; мы не должны разговаривать, а



должны быть наполовину голыми. Очевидно, что это все, и я чего-то не понимаю. Он отступает, запустив пальцы в волосы, и смотрит на меня сверху вниз тем же безжалостным взглядом, каким он смотрел на меня впервые. — Ты не один, не так ли? — Наверное... так кажется. Я качаю головой, и мой щеки пылают от смущения. Может я была слишком сумасшедшей? Слишком легкомысленной? — Я в порядке. Пожалуй, мне надо в дамскую комнату. — Я показываю жестом на лестницу клуба.

— Это было... невероятно, — говорит он низким глубоким голосом, но даже несмотря на музыку, отражающуюся от стен, я слышу, как его слова отдаются эхом в моем теле. Он не предлагает большего, повисшее молчание звучит громче, чем песня «А потом ты уходишь». Слова вырываются из моего рта прежде, чем я успеваю их обдумать:

— Не говори.

— Я просто зашел выпить. День рождения друга. Тут слишком опасно. — Он позволяет себе скользнуть взглядом по моему телу, а потом посмотрел в лицо. — Слишком опасно, чтобы совершать ошибки.

*Ошибки?* Мое сердце сильно стучит в груди. Он словно окатил меня водой, сказав это. Я возвращаюсь на землю на автопилоте, который придает мне ощущения, будто я в кругу семьи.

— Это было весело, но я лучше тоже пойду. — Если я не остановлюсь, то скажу что-нибудь невероятно глупое. Я смотрю в его глаза. Словно в глаза хищника, затем разворачиваюсь на каблуках, отрываясь от его лица.

Подальше от самой горячей ошибки в моей бледной жизни.

***Я нашел свой рай... И свой ад.***

**Беннетт Стоун.**

ЧТО ЗА?.. Я дважды моргаю. *Кто эта девушка?*

Я заметил ее на танцполе и не смог отвести взгляд. Я пожирал ее взглядом дюйм за дюймом, и мой член становился тверже. Что мне не нравится? Ни черта, за исключением того, что она не моя постоянная партнерша, в ней есть нечто невинное, чего нельзя касаться.

Светлые волосы, длинные ноги, покачивающиеся в такт музыке бедра. Ее соски проглядывают из-под блестящего материала, обтягивающего ее невероятную грудь. Она без бюстгалтера и я представляю, как мог бы посасывать ее груди и скользить членом между ними часами. Такое ощущение, будто эта девушка знает секретный код, который, кажется, услышал мой член. Этот ублюдок тверже гранита и продолжает твердеть, пока я смотрю на нее.

*Дерьмо! Это ОЧАРОВАНИЕ должно прекратиться.*

Я отвожу свой взгляд, имитируя интерес к разговору между Ноем, Джексом и Итаном — моими коллегами из Конгресса парламента, они обсуждают внешнюю политику после войны, а я уже в сотый раз ловлю себя на том, что смотрю на то, как танцует девушка, будто она во сне.

Моя.

— Бен, — говорит Джекс. — Ты выпьешь рюмку?

Я возвращаюсь мысленно к нашему столу.

— Чтобы поздравить твою задницу с днем рождения, черт возьми, да!

Официант улыбается и ставит на стол бутылку «Бурбона» и рюмки. Мы выпиваем раз, потом другой и я оглядываюсь на танцпол. В это время девушка открывает свои невероятные глаза и наши взгляды встречаются. Мое сердцебиение ускоряется, и адреналин бежит по

венам. Я поднимаю свой бокал и изучаю ее. Каждая новая деталь подбивает меня пойти к ней! Как можно скорее!

Я сижу здесь с почтенным Джексоном Картером. Он же спикер Палаты.

Джекс — человек из клубной команды, или по-другому «*Дома*», это частный клуб недалеко от парламента.

Этот парень смешает меня с говном, если я поведусь на эту невинность, ведь мы оба знаем, что это не более чем способ для того, чтобы дразнить мужчин, таких как мы, кто командуем и управляем женщинами, которых мы трахаем.

Он и остальные парни за этим столом. Мы все члены нашего *Дома*.

Уже многие годы в одной упряжке, мы контролируем каждый аспект наших жизней.

Наша публичная и личная жизни никогда не пересекаются. Мы жестокие, расчетливые параноики. Настолько, что три года назад мы составили свод правил в письменной форме, когда открыли наш элитный частный клуб, в которых прописано: никаких случайных интрижек за пределами *Дома*. Вот так. Но сегодня, я не в ладах с головой.

Глядя на эту девушку, я быстро прикинул, что я могу сделать и насколько быстро. Сбоку от танцпола есть пустой коридор, который служит секретным ходом для владельца клуба. Я знаю владельца, он представитель четырнадцатого района и хочет стать новым членом *Дома*, когда наступит время открыть двери нескольким избранным, кто-то получит доступ. Это был наш план — неожиданный визит, чтобы проверить место и решить, имеет ли он право стать членом. Он ушел через двадцать минут после того, как мы приехали.

Когда мы разговаривали ранее, он сказал, что у него есть маленький грязный секрет. Потайная комната, которую он использует для своих утех, и пригласил нас посмотреть на него в деле в эти выходные.

Это не мое дело, теперь меня волнует вопрос, могу ли я получить ключи. Я знаю, что не могу. Это против правил нашего *Дома*, что означает, либо я должен обрубить фантазии об этой девушке на корню, либо держать их в тайне. Я представляю, как развожу ее ноги, связываю лодыжки и обладаю ей целиком и полностью на протяжении всей ночи. Фантазии о том, что я хочу сделать с ней, заполнили мою голову. Я не чувствовал себя таким, черт побери, возбужденным — никогда.

Из этого ничего не выйдет, напоминаю я себе. Девушка может быть здесь с парнем или мужем, но почему тогда она танцует так... в одиночку? Она не похожа на ту девушку, которую когда-либо связывали, но черт, ее надо связать.

Мои мышцы напряжены. Решение принято. Мое желание почувствовать ее побеждает здравый смысл. Не описать насколько сильно зашкаливает уровень интоксикации, распространяясь по моим венам, от созерцания этой взрывной блондинки.

— Мне нужно идти, — говорю я, опуская свой стакан.

— Что за хрень, Бен? — отвечает Ной. — Мы только пришли сюда!

— У Джекса другие планы на вечер. Разве, нет? — спрашиваю я друга, зная, что он договорился с двумя сабами и частный самолет ждет его наготове, чтобы вернуться в наш клуб в Вашингтон.

— Пусть котик идет, — ответил Джекс. — Ему нужно выспаться. Не хорошо, самому красивому Сенатору ходить с кругами под глазами.

— На самом деле, я собираюсь пойти найти девушку и трахнуть ее возле стены, если вы, три придурка, не против.

Они засмеялись, считая, что я шучу.

— Хорошо, если тебе насрать на себя! — фыркнул Джекс, критически глядя на меня. Больше он ничего не сказал — никто не сказал. Что они могут сказать? Я был адски затрахан и решил передохнуть, чтобы подумать о своем будущем. У меня была саба, которая чуть не толкнула меня под автобус, вот почему мы теперь развлекаемся только в пределах нашего клуба.

— Неужели, вы согласны? — спрашиваю я, глядя на них. Они также принимают участие в управлении клубом и сегодня. Я впервые ощутил желание сделать что-то за пределами правил.

Итан откидывается и смотрит в сторону танцпола. Я тут же чувствую, будто мне в грудь вогнали нож. Я не хочу, чтобы кто-то еще смотрел на эту девушку. Он щурится, но больше ничего не делает. Он помахал рукой, чтобы привлечь мое внимание.

— Да. Это отличное место. Нет сомнений, здесь классно. Значит, мы принимаем конгрессмена Лоу или нет?

Джекс и Ной кивают. Я стою, будто отгороженный от них.

— Я хотел бы ограничить то, что происходит в этом баре. Послушайте, что говорят, поспрашивайте. Лоу должен согласиться, больше не устраивать развлечений в своей пещере — в этом баре. Если он согласится, то нет проблем.

— Чертовски хорошая идея, — говорит Ной.

— Наслаждайтесь, — говорю я, встаю и ослабляю галстук, затем лезу в карман, чтобы вытащить пару билетов.

— Счастливого дня рождения, сосунок!

Джекс обожает джаз. Хороший джаз. Он улыбается.

— Иди ты, мальчик, — говорит он и его голос наполняется протяжным тexasским акцентом, я смеюсь.

— Пока, — говорю я на прощание.

В округе Колумбия мы — лицо Конгресса. Еще трое, не столь важных, отсутствуют сегодня вечером. Вместе, нас нарекли мальчиками с обложки. Фотограф сделал для нас фотосессию и разместил фото на сайте. Это превратилось в блиц-пиар Белого Дома. С обложки журнала мы обращались к людям, мы хотели популяризовать политику. Фигня с пиаром прокатила!

Всемером мы были, как один. Мы не проталкивали наверх ничью задницу, мы были слишком заняты собой. Мы те, кого вы выбираете и, если повезет, никогда не встретите. Да, вы ошибаетесь, если думаете, что мы готовы принять любую вашу идею, а то, что вы можете выписать чек, дает вам безграничную власть. Заткнись и плати — мой неписанный девиз. Мы ценим только один вид контакта — молчание. Вклад без каких-либо обсуждений. Открой депозит. Оставь чек. Черт, деньги работают. Конечно, есть и то, о чем мы действительно заботимся. Избирателям не интересно, что у нас на душе, они пытаются сделать из нас политических марионеток. Эти люди шагают вперед.

Я, как и другие уважаемые конгрессмены, сидящие здесь, имею множество сотрудников и стажеров, которые занимаются вопросами избирателей, отвечают на их письма и звонки. Тонны писем приходят каждый день. Лишь на мгновение, на одну ночь я забываю о политике.

Я выхожу из-за стола, вижу, как девушка удаляется с танцпола. Черт возьми! Она уходит? Я ускоряю шаг по мере того, как в моих брюках становится все жарче. Когда я подхожу к ней, то говорю первое, что приходит мне в голову, а не то, о чем на самом деле

думаю.

— Вы отлично танцуете.

Ткань ее платья натягивается в области груди и плотно прилегает к ее сиськам, и я думаю о том, как мог бы посасывать их, втягивая каждый сосок по очереди в рот, как сжимаю рукой ее волосы и хорошенько шлепаю ей по заднице. Боже, дотронуться до ее щеки жестко или нежно... На этой мысли мой член становится тверже стали.

Она благодарит меня. Черт, я никогда раньше не видел таких кристальных глаз, теперь моя очередь что-нибудь сказать. Сделай что-нибудь. Действуй по плану. Я должен увести нас из поля зрения столика, и когда она соглашается пойти со мной, я не могу сопротивляться желанию прикоснуться к ней. Я тяну ее за руку. Ощущение ее атласной кожи заставляет напрячься все нервные окончания, кажется, она слишком молода... слишком невинна для того, что я хочу с ней сделать. Слишком идеальна, и это проблема.

— Кто ты, черт возьми? — спрашивает она меня.

Момент истины. Я отвечаю честно:

— Твой ночной кошмар.

Когда она говорит, что это не так, я думаю, какая же она. Невинные не должны быть охвачены тьмой. Я должен уйти и оставить ее в покое, но черт, я не могу. Будто от этого зависит моя жизнь.

Мы заходим в коридор, и я говорю о том, чего так хочу. Совсем немного. Поцелуй. Она соглашается, и я уговариваю себя действовать медленно, но черт, когда наши губы встретились, я засунул свой язык ей в рот, стягивая пальцами ее шелковистые волосы оттягивая их.

Обладать ее ртом — изысканное ощущение и это сводит меня с ума. Черт возьми, я готов расстегнуть свои штаны и взять ее прямо здесь. На глазах у гребаной общественности.

Я приказываю ей:

— Откройся для меня. Полностью.

На самом деле, я слетел с катушек, но я должен обладать ею. Минуту я упиваюсь ею словно наркотиком, будто лекарством от страшной болезни. Ею болею только я, и только она может вылечить ее. Это разрывает меня на части! Я знаю, что вкус этой девушки также опасен, как и удовлетворение. Я еще не пересек черту, что-то останавливает меня...

— Пожалуйста, — стонет она, и ее волшебный голос отражается в моей голове. Ее мягкость заставляет меня пылать от желания.

— Ты не можешь себе представить, что мы могли бы сделать, — бормочу я. — Как бы ты ощущала себя, если бы отдалась мне.

Обладать этой девушкой — полнейшее безумие, когда она энергично отвечает мне, слушает меня. Подняв ее платье, я смотрю на ее совершенную попку. Разведя округлые ягодицы, я представляю, каково это было бы — проникать в нее.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я, а она отвечает мне, что достаточно взрослая. Стиснув зубы, я сказал ей, что это не ответ.

Закрыв глаза я ищу в себе силы на то, чтобы не поддаться и не трахнуть ее прямо у этой стены, в то время как каждая клеточка моего тела жаждет этого.

Обладать ею.

Укусить ее.

Оставить след.

Я убеждаюсь в том, что она понимает, как хорошо, опасно и идеально то, что мы можем

сделать, если поддаться нашим желаниям. Я не могу подавить эту безумную жажду — обладать ею.

Черт! Она снова противоречит мне и я все ближе к точке невозврата. Ее острые замечания заставляют меня терять самообладание. Я вдавливаюсь в ее задницу, упирая член между ягодиц не касаясь ее киски.

Если я сделаю это, то обратной дороги уже не будет. Я так близок к тому, чтобы расстегнуть брюки и взять ее.

Черт, у меня даже нет презерватива!

Будучи неуверенным в том, что она достаточно взрослая, я рискую своей карьерой. Может разразиться скандал. Уже одно мое нахождение в этом зале представляет угрозу для моей карьеры. Я опускаю ее платье и отступаю назад... во всех смыслах. Я признаю, что хочу ее, но сделать это на публике было бы огромной ошибкой. Так много шансов на скандал. Если она знает, кто я, она погубит меня. Я могу уйти сейчас, и она ничего не сможет сказать. Мы разорвали поцелуй. Это не может стать заголовком статьи. Я тверже титана и мои инстинкты заполняют меня в прямом смысле этого слова. Было бы здорово погружать мой член в нее снова и снова. Запустив пальцы в волосы, я киваю, пытаюсь скинуть наваждение.

— Думаю, мы увлеклись, — говорю я и понимаю, что это полная фигня.

Она смотрит на меня своим ангельским личиком, и мой взгляд снова скользит по ее телу. Мне нужна эта девушка. Почему? Я не имею понятия!

Если бы я не сказал нечто невероятно глупое, то мог зажать ее в этом углу на всю ночь. Я мог трахать ее пока она не закричала, вгоняя в нее член до упора.

Я признаю, что это ОШИБКА. Произношу это слово вслух, а мысленно проклиная себя Она расстроена, вероятно, ей больно, я хочу как-то сгладить это. Взять ее голой, утолить голод и заботиться о ней. Держать ее до тех пор, пока первые лучи рассвета не разгонят тьму в душе, отражаясь в небе, а затем начать все снова. Снова. И снова. И еще.

Вместо этого, я смотрю, как она разворачивается и уходит. Лучшая *ошибка*, которую я когда-либо совершал. Я повторяю себе, как мантру, что это для моей же пользы. Ведь я не просто кто-то там, я тот, кто баллотируется на пост Вице-президента Соединенных Штатов.

# Глава 1

## Все кого-нибудь используют

Я ПРИПАРКОВАЛАСЬ У ОБОЧИНЫ и вышла из машины, свистнув Джону, выходящему из южного входа.

— Эй, пойдём. Мы опаздываем. Мы едем в Нантакет. Три часа езды к моим бабушке и дедушке.

Пикник в честь окончания лета, после чего они закроют свой дом и вернутся обратно на Манхэттен.

Я стараюсь обойти его, но он хватает меня и сжимает в объятиях.

— Не так уж и опаздываем, чтобы не обняться!

Я вскрикиваю и колочу его по спине, зажмуриваясь от осознания того, как по нему соскучилась.

— Ты засранец.

— Я скучал по тебе, Ксавия. Ужасно.

— Тогда, почему ты не появлялся так долго? Поездка на поезде. Не так уж и долго.

— Детка, поезд ходит в обоих направлениях, — издевается он надо мной. — Тебе нужно чаще приезжать в Колумбию. Я устроился на работу. А ты — вольный студент.

— Студент, да. Свободный — это не факт. — Возражаю я, вырываясь из его рук и изображая, будто у меня в руках пистолет.

Джон обходит меня и идет вдоль капота моей машины, напевая что-то себе под нос. Оказавшись внутри, он открывает сумку и дьявольски хохочет.

— Тогда помоги мне и помоги себе.

— Что ты сделал? — спрашиваю я, с подозрением глядя на него. Мой лучший друг имеет склонность верить в невозможное и совершать дикие поступки на ровном месте.

— Добро пожаловать, госпожа Кеннеди, — говорит он и протягивает мне конверт. — Там три копии и номер телефона. Твое контактное лицо — Нора Свон. Позвони ей!

Я перевела взгляд с конверта на него.

— У меня есть контактное лицо? Что ты... Мать божья.

— После этого ты должна поблагодарить меня. Черт, скажи — спасибо!

— Очевидно, что мы по-разному смотрим на мир, — бормочу я, открывая конверт и аккуратно вытаскивая пачку документов. — Приложение. Стажировка в Сенате США? О, нет!

— Закрой свой рот и читай, — командует он, переключая коробку передач.

Я ненавижу водить, и когда он в городе, то за рулем он, но сейчас я думаю иначе. Я хочу занять себя чем-нибудь, что не даст мне возможность уделить этим документам и йоту внимания. Я не знаю, в каком направлении хочу пойти после выпуска, а все эти благие намерения, предложения, связи... душат меня, вне зависимости от их предназначения.

— Я не поеду в Колумбию. Особенно не хочу приближаться к Конгрессу США. Мне достаточно лицезреть этих политических кровососов там, куда мы сейчас направляемся.

— Но ты поедешь, — отвечает он. — Это миссия по вытаскиванию твоей задницы из этого всего и сваливанию из Доджа. — Ты тонешь здесь, и я вижу это. Мне просто нужен помощник — правая рука.

— Поправка. Помощница. У меня есть влагалище, и я могу доказать это.

— Милая, я не тот, кто нуждается в подобных напоминаниях. Это одна из тех вещей, которые не нуждаются в обсуждении. Тем не менее. Я слежу за тобой. Вернемся к приложению, которое ты держишь. Нора ждет твоего звонка. Она сумасшедшая и готова даже прыгнуть с моста ради своего босса, Беннетта Стоуна.

Я смотрю на приложение. Вздыхая, я просматриваю страницы и останавливаюсь на фотографии великолепного и незабываемого мужчины, изображенного в нижнем углу листа.

— Черт! — шиплю я.

— Что случилось? — Джон смотрит на меня. — Ты его знаешь?

*Да, я знаю этого мужчину, точнее его рот. Незабываемые руки, его член и его способность мучить меня в течение семи недель и двух дней. Но кто же знал!*

— Знаешь его?

Я не могу подобрать слов, чтобы признаться в том, что это парень из клуба. Еще в июне я сказала Джону, что встретила кое-кого. Больше, чем встретила, во всех смыслах. Он остановился не закончив начатое — о чем мы вместе с ним сожалели, обсуждая произошедшее.

Но если он узнает, что тем парнем был этот конгрессмен... сенатор!

Что подумает мой друг? У него будут неприятности.

— Алло? — говорит он, сделав тише музыку.

Погрузившись в воспоминания, я вновь окунулась в бездну моего стыда от того, как потеряла голову там, в темноте коридора. Вместо того чтобы выдать мой маленький секрет, я сжала губы, отказываясь говорить правду.

В течение нескольких недель я понятия не имела, кто был тот хищник из клуба, но теперь я знаю. Тот, кто целуется лучше всех на свете, носил имя *Сенатора Беннетта Стоуна*. Мой ночной кошмар. *Незабываемая ошибка*.

— Нет. Нет, конечно, я его не знаю! — Это была правда. Я на самом деле его не знала. Он был незнакомцем, который посасывал мои губы во время поцелуя. Парень, с которым у меня был самый сумасшедший и страстный секс в моей жизни. Исключая сам секс!

— Отлично. Тогда взгляни. — Он достает журнал.

Теперь я понимаю, почему Стоун показался мне таким знакомым. Я смотрю на обложку и бормочу.

— Он политик, побывавший на обложке «Роллинг Стоун» прошлой весной.

— Он потрясающе красив! Дерьмо, если бы он был геем, я бы сам пошел на стажировку к нему.

— Хорошо, Эйнштейн, почему ты хочешь, чтобы я была в команде у одного из самых горячих сенаторов? Он шишка и вероятно, у него очень много стажеров-цыплят, которые смотрят ему в рот и готовы бежать исполнять его приказы. Это похоже на... *ошибку*. — Это слово пульсирует у меня на языке, и я вспоминаю, каково было целовать сенатора Стоуна, когда он толкнул меня к стене и схватил меня за волосы.

Джон качает головой.

— Хорошие сенаторы не такие. Стоун дотошный бизнесмен. Он только начал набирать свою команду. Мало того, что у него просто убийственный взгляд, он еще и выпускник «Гарварда», что помогает ему быстро продвигаться в Белом Доме. У тебя есть связи, которые он сможет использовать. Вы двое похожи. Стоун был немного импульсивен, и некоторое время посещал юридическую школу.

— И Мистер Красивое Личико нуждается в моей помощи? — прищурилась я, глядя на

Джона.

— Точно! Независимая двойная политика — главная цель. Я начал прощупывать «Гарвард», и они тоже ждут твоего звонка. Все, что тебе нужно сделать — дать этому делу ход. Поговорить с ним, как студент из кампуса.

— Ты говоришь о том, что провернул Клинтон? Ты под таблетками? — Это правда, у меня был опыт стажировки в «Гарварде», я писала колонку для их газеты, но она была не о политике. — Что в нем такого особенного, кроме того, что он великолепный, популярный, привилегированный?

— Этот красавчик метит в кандидаты в президенты, так написано в этой агитационной программе. И не только это. Разговоры идут из кабинета Вице-президента. Глядя на нее, есть огромный шанс, что Стоун станет ее напарником.

*Человек с лицом, заставляющим выпрыгивать из трусов, за которое убили бы многие мужчины-модели — больше, чем просто милое лицо.* Я просмотрела приложение с его фотографией и девизом: «Собрать единомышленников». Звучит, как двойной выстрел. Чем больше я смотрю на лицо сенатора, тем более чувствительной становится моя кожа. Тепло окутывает мою шею, она буквально вспыхивает. *Хватит этих глупостей.*

Собравшись с мыслями, я читаю список доступных должностей в команде Стоуна. Все, начиная от военной реформы, заканчивая окружающей средой, образованием и внешней торговлей. Джон говорил о моем появлении в Вашингтоне для практики в конгрессе, на протяжении всего лета. Мой последний год в Бостонском колледже и мне уже пора думать о стажировке, составлять резюме.

— Еще один в команде Мистера Популярность. Не знаю. Ты понимаешь, что я еще учусь?

— Закрой свой рот. У тебя достаточно баллов для выпуска и это поможет тебе. Поработай и это поможет тебе понять, где ты хочешь быть. Надо ли напоминать тебе, что это поможет убить время? Грейс и Стен Стиллман только и ждут того, чтобы вцепиться в тебя. Ты собираешься им это позволить?

— Черта с два! Я не приму помощи от бабушки с дедушкой. Как ты можешь шутить об этом дерьме?

— Потому что, если у тебя не будет плана действий, то они превратят тебя в Монику и Джанис. Ты этого хочешь?

— Мои двоюродные сестры — идиотки. — Я качаю головой, думая о том, что моя семья готова продать душу за то, чтобы выбрать мой карьерный путь за меня. Будучи связанной с Кеннеди и Стиллман, непрерываемой задачей становится — остерегаться их. Властные родственники не остановятся ни перед чем. Пытаясь распорядиться моим будущим. Когда я поступила в Бостонский колледж, я смогла увильнуть от их попытки указывать мне, что и как делать.

В отличие от моих двоюродных сестер, которые сейчас работают в банке Мидтауна. Джанис и Моника не были податливыми, они умные и способные, но им не хватало силы воли, чтобы пойти собственным путем, не поддавшись. Зная способность моей бабушки, Стиллман, вмешиваться во все: двадцать четыре часа семь дней в неделю. Теперь мои кузины прозябают на пятой авеню с нехилым хомутом на шее.

Я трясусь конверт, будто это мой злейший враг.

— А как по-другому? Будто вместо вмешательства бабушки я должна радоваться твоему.

— Ш-ш-ш. Я слышал, что ты мне говорила, когда думала о переезде отсюда по



окончанию учебы. Туда, где весело и интересно и что-то происходит. Ты не можешь быть уверенной, что Вашингтон — это не твой путь. Ведь я ничего не получу взамен, кроме возможности быть все время рядом с тобой.

— Боже ты мой! — вскрикиваю я. — Я не такой политический наркоман, как ты!

— Ладно тебе, Кса, — произносит он мягче. — Ты делаешь вид, что не любишь политику из-за твоих бабушки и дедушки, но у тебя есть свое мнение. Почему бы не узнать, что, черт возьми, происходит в кулуарах — это ведь твое? Не позволяй своей гордости встать у тебя на пути.

Он ведет грязную игру, используя мое давнее прозвище — Кса — сокращение от Ксавия Стиллман.

Не нужно напоминать мне о тех днях, когда я высоко летала, и адреналина было в избытке. Перед окончанием школы, я была близка к нарушению законов и катастрофе. Не спрашивая разрешения, мои бабушка и дедушка вступили в игру, сделав пару звонков, организовали мое поступление в Бостонский колледж, убивая мою мечту о переезде в Лос-Анджелес, подальше отсюда.

Один звонок, и мои документы, поданные в колледж Лос-Анджелеса, как и во множество других колледжей, были отклонены или оставлены для дополнительного рассмотрения. У меня не осталось выбора, кроме как остаться в Новой Англии. С момента поступления в Бостонский колледж, мне пришлось сократить мои ночные похождения, чтобы завершить обучение и покинуть этот чертов город. Я проводила много времени в библиотеке и это в конце лета. Под конец, я была внештатным репортером в газете «Глобус», но на самом деле, я ждала начала занятий в следующем месяце. Однако, пропуск за кулисы — это билет к событиям вне сцены... Я не уверена. Скептически пожимаю плечами.

— Я не знаю. Ты на самом деле лучше разбираешься в этом.

— Именно. И это хорошо. Что ты теряешь? — Он смотри на меня, приподняв бровь, трепая мои волосы.

Я со стоном закатила глаза и выдохнула.

— Хорошо. Я подумаю об этом. Даю слово, подумаю. — Я прочитала приложение, Джон перечислил мой опыт из колледжа. Затем я читаю ссылки, которые он приводит. Грейс и Стен Стиллман. Патрик Кеннеди. — Имя так много значит? Тебе надо оторвать яйца. Что будет, если из офиса Стоуна позвонят моей бабушке?

— Это не такое уж и безумие — отметить твою семью. Кроме того, посмотри на телефонные номера.

Я смотрю на цифры. Я не помню наизусть номер отчима. Один из номеров — номер бабушки и дедушки.

— Ты вписал и свой номер. С ума сошел?

— Ничуть. Я уравниваю чашу весов. Если Нора позвонит, я прикрою тебя, и твоя семья ничего не узнает.

— А Пат? Чей это номер?

— Родерика. Он готов.

— Твой брат готов прикинуться Патриком Кеннеди? — Его брат был моряком, но вернулся с военной службы из-за посттравматического шока. Ему было так плохо, что он вынужден был лечь в реабилитационный центр.

— С ним все хорошо. Сейчас он проходит курс и у него есть время. Он наконец-то

найдет себе занятие, кроме того, как сидеть в центре, покуривая сигару и проходя групповую терапию.

— Попахивает сумасшествием, — говорю я, запихивая бумаги обратно в конверт.

— И? Что?

— Это все сработает тебе в пользу, но я немного сомневаюсь насчет себя. Я говорю об удаче.

— Возможность не имеет ничего общего с удачей! Речь идет о твоих связях. У тебя есть неиспользованные таланты.

— О да, и что же это?

— Харизма. Когда ты решишь ее использовать. Боже, ты знаешь, сколько людей готовы убить за то, чтобы иметь твою внешность, твои связи, и те эlegantность и шарм, с которыми ты родилась?

Я выдыхаю.

— Если ты хочешь знать правду, это больше похоже на проклятье.

— Черт, Ксавия. Не упусти то, что у тебя есть. Мне пришлось отдать все, чтобы достичь того, что я имею сейчас. Мы могли бы быть ближе, и мне не надо было бы возвращаться сюда, чтобы проведать тебя!

— Я слышала, что ты сказал. — Я поморщилась, глядя на человека, который всегда был рядом, когда я нуждалась в нем, но это очевидная дилемма и он не знает, насколько трудная. Там, в Вашингтоне, Джон работал последние несколько лет, как энергичный журналист. И это правда, что он был освобожден от необходимости нянчить меня и смог посвятить больше времени карьере. Он уверен, что я могу с головой уйти в стажировку у Беннетта Стоуна, я открываю браузер на телефоне. Так как я не собираюсь рассказывать Джону свой маленький секрет, мне нужно быть немного более убедительной, поэтому начинаю искать в «Google» сенатора с горячими алыми губами и требовательными руками.

Во время поездки, мы с Джоном обсуждаем Вашингтон. Стажировку в парламенте и его опыт пребывания вблизи Четверки из Конгресса. Все, кроме того, что я так и не рассказала ему о том, как сенатор прижимал меня к стене.

Я разозлено спрашиваю Джона:

— Как часто мне надо будет видеться с ним?

Он потирает лоб.

— Я не знаю. Если ты находишься в его близком окружении, то я думаю, часто. Кроме того, ты единственная из всех, кто провел годы бок о бок с мужчинами, обладающими властью. Что происходит в твоей голове?

— Ничего! — Я перевожу взгляд вперед, интересно, во что, черт возьми, он собирается меня втянуть, мы подъезжаем к дому моих бабушки и дедушки.

\*\*\*

ПИКНИК СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ — это что угодно, но не хот-доги и гамбургеры! Официанты в белых перчатках разносят на подносах шампанское, разлитое в пластиковые фужеры, бокалы со «Скотчем», как я понимаю, еще и Маргариту, учитывая мерцающую неоновую жидкость и соленые края.

Несколько мужчин в черных костюмах и солнцезащитных очках расположились по периметру, чтобы скрыть собой гостей из правительства.

Бабушка подходит и обнимает меня, я прижимаюсь щекой к ее гладкой коже, вдыхая аромат «Дух Времени» [ «L'Air du Temps» Nina Ricci. — прим. ред. ]. Она берет меня за руку и отступает назад.

— Ксавия, дай я на тебя посмотрю. Все так выросли! Где твоя мать?

Ах. Пусть игра начнется. Невинные заявления о том, что она действительно оценивает меня, позже превратятся в список претензий, которые, я уверена, она уже приготовила. Список все растет и растет по мере моего приближения к выпуску. Все, что мне нужно сделать — это согласиться на то, чтобы они с дедом сделали *пару звонков*, но этого не произойдет.

— Мама улетела в Сиэтл. В последнюю минуту. Как ты? — Лучший способ защиты — ответить ей и задать следующий вопрос. Управлять разговором, задавать направление. Журналист 101 уровня, детка.

Она отпускает меня и мягко улыбается.

— О, ты знаешь, в конце сезона мне всегда немного грустно. Мы закроем дом на следующей неделе..., — И вот оно, время для приглашения на ланч или обед.

— Я хочу, чтобы ты пришла на обед на следующей неделе.

Бинго! Мой ход. Мне не пришлось отвечать.

— Ты помнишь Джона? — спрашиваю я в ответ.

— Здравствуйте, миссис Стиллман. Отличная вечеринка. Вкусные моллюски, — отвечает он дружелюбно. Джон так спокоен, почему бы и нет. Он находит контакт с любым политическим деятелем или бизнесменом. Черт, может он получить возможность выбраться из Доджа.

— Спасибо, — отвечает бабушка, делая паузу. Она считает, что мы с Джоном тайно встречаемся, а секреты не очень хорошо уживаются с моей бабушкой, если это не ее секреты. — Ты все еще работаешь журналистом в Вашингтоне? — холодно спрашивает она его.

— Да, — отвечает он. Напряжение становится ощутимым, я не дам бабушке запугивать моего лучшего друга, поэтому резко задаю вопрос.

— Где тетя Бриджид? Я видела, как она поднималась вверх. Она в порядке? — спрашиваю обеспокоенно бабушку, зная, что моя тетя находится внутри и наверняка достает кого-нибудь из обслуживающего персонала, как она всегда делает. Либи́до тети Бриджид является проклятием жизни в Нантакете для моих бабушки и дедушки. Каждое лето они отваливают немалые суммы адвокатам, чтобы замять ситуацию с жалобами от персонала. Моя тетя любит сплетни — я дам ей повод для них. Мы все слышали слова бабушки о том, что Стиллман никогда не раздувают скандалов. И конечно, они достаточно платят, чтобы поддерживать этот статус.

— О, ты знаешь, Бриджид не любит солнце и жару, — отвечает бабушка, бросая встревоженный взгляд на верхний балкон.

— Принцесса, — кричит старик, приближаясь к нам с любимым напитком в руке и приветствуя гостей вокруг. Лед позвякивает в стакане моего деда, и он подзывает официанта, чтобы наполнить его. Он обнимает меня и меня тут же окутывает аромат его лосьона после бритья, а его уложенные воском усы щекочут мою щеку. Я чувствую, что это уже не первый его стакан «Бурбона». Отстраняясь от меня, он смотрит на бабушку. — Грей, Кеннеди и президент только что прибыли.

Я напрягаюсь при упоминании семьи моего отчима, но бабушкино лицо моментально просияло, она смеется. Ноль, вот, сколько бы я дала за то, что президент находится здесь, но

это по крайней мере объясняет такое количество охраны.

— Стен, я пойду встречу их и покажу дорогу, присоединяйся к нам минуты через две, дорогой. — Она снова смеется.

— Да, комендант. — Старик салютует ей и подмигивает мне.

— Ксавия, чуть позже найди меня. Нам надо поговорить, — говорит мне бабушка и смотрит немного сурово. Затем сжимает мою руку и уходит прочь.

Я обмениваюсь взглядами с Джоном, в то время как официант приносит ему пиво и закатывает глаза по мере того, как удаляется бабушка. Господи, что она задумала?

— Хорошо проводишь время? — спрашивает старик, доставая платок и вытирая пот со лба и шеи. — Сейчас жарче, чем в прошлом году. Эль Ниño [ El Niño — климатическое явление имеющее заметное влияние на климат. — прим. ред. ]... Я прав?

— Да и да, — отвечаю я.

— Мистер Стиллман, — Джон улыбается и пожимает дедушке руку. — Поймали что-нибудь на рыбалке в этом году?

Мой дед смотрит на Джона и хмурится.

— Ничего. Ничего запоминающегося.

— Будет следующий год, — произносит Джон, поднося к губам пиво.

— Так и есть, — соглашается он, поглаживая мою руку. — Я лучше пойду, исполню свою миссию. Не красиво заставлять твою бабушку ждать. Кто-нибудь наверняка захочет остановиться и поговорить, пока я буду идти. — Теперь я вижу недовольство в глазах деда. Или может это просто жара. Его кожа покраснела, и он весь покрылся потом.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — спрашиваю я.

— Словно под дождем. Если не считать этой жары. — Он наклоняется и шепчет мне на ухо. — Твои двоюродные сестры здесь. Иди, поговори с ними. Пусть они расскажу тебе о последних новостях. Ты уже выпускаешься и должна начать думать о карьере.

Мой желудок сжимается, когда я вижу своих двоюродных сестер на другой стороне бассейна. Те, кто работает в «Ситибанке». Те же, кто живет в Мидтауне, и Моника помолвлена с кем-то малоприятным, на ее пальце красуется обручальное кольцо с камнем величиной с гору.

Милая, обаятельная, хорошо упорядоченная жизнь.

Я бы послала все.

Я оглядываю толпу и натякаюсь взглядом на двоюродного брата, о котором дедушка не упомянул. Он темная лошадка. Колин. Хотя, он больше похож на пиявку, чем на лошадь.

— Конечно. — Я киваю головой, хотя сама думаю, что не сделаю этого. Вся искусственная сестра из Мидтауна или паразит-братец — нет. Я могла бы раскатать лодку, но зачем? Я готова спрятаться за каменной дамбой. Я готова раздеться догола и уплыть так далеко, лишь бы быть свободной от всего этого, от этой жизни в клетке, которую ведет каждый, присутствующий здесь.

Дедушка скрывается в толпе, и я обращаюсь к Джону. Он опрокидывает банку пива и опустошает ее. Он красивый мужчина, шесть футов [ примерно 180см. прим. ред. ] роста, мускулистое тело, руки в татуировках, начинающих от запястья и исчезающими под белым поло. Он красив и многие девушки вокруг строят ему глазки, несмотря на то, что он гей. Просто в постели он играет за другую команду.

— Что ты пьешь? — Он запрокидывает прядь волос мне за ухо так, как умеет только он, в то время, как я вся горю и не от жары, а от нахождения в кругу моей семьи дольше шести

минут.

— Не важно, — отвечаю я, когда ловлю официанта. — Прости.

Джон делает заказ.

— «Хайнекен», а она будет...

Я смотрю на поднос официанта, делая свой выбор. Какого черта? Я поднимаю бокал, чтобы понюхать его содежимое.

— Это подойдет.

Официант отходит, и Джон качает головой.

— Почему тебе так важно. Кто и что здесь подумает? Твои глаза смотрели на шампанское.

— Потому что, — говорю я. — Я не отношусь к ним! — Тогда я поднимаю свой бокал и улыбаюсь. Я никогда раньше не пробовала «Скотч», но многие мужчины пьют его, так что я делаю глоток... На вкус похоже на жидкость для заправки зажигалок в моей сумке. Вот дерьмо! Я схватилась руками за губы. Что, черт возьми, я только что взяла в рот? Я дрожу, а спиртное уселось на моем языке и сложило руки.

— Что случилось? — спрашивает Джон. Глядя на меня с беспокойством. — Тебе плохо?

Хорошо, я могу выплюнуть эту дрянь или проглотить ее. Я окидываю взглядом людей, все очень красивые, ведут интеллигентные беседы. Одетые в летние костюмы и белые лодочки. Дерьмо, выплюнуть «Скотч» будет крайне бестактно, поэтому мне приходится заставить себя проглотить его. Черт! Лучше бы не глотала. Я задыхаюсь, а затем начинаю кашлять. Джон хлопает меня по спине.

— Нет, я уже пьяна и хочу чего-нибудь другого!

\*\*\*

ДВУМЯ ЧАСАМИ ПОЗЖЕ, я роюсь в кошельке в поиске ключей. Я выполнила свой долг и продержалась столько времени, сколько просила мама и скользила между людьми, не глядя на них, пока мои босоножки не ступили на пол в патио, и я не увидела, как Джон разговаривает с каким-то высоким человеком, на одежде которого была эмблема команды «Нантакет Редс».

— Простите, — обращается ко мне один их охранников.

— Да, — отвечаю я, глядя через плечо. Джон и его собеседник смеются, на секунду наклонив головы друг к другу. Я узнаю в собеседнике Джона одного из руководителей из Манхэттена. Какой-то крупный адвокат, кажется, также в памяти всплывает, что у этого адвоката есть жена и дети.

— Президент хочет поговорить с вами, мисс Кеннеди.

— Со мной? — Я перевожу взгляд на охранника, интересно, что президент Габриель Норс хочет от меня.

Должно быть, это дело рук моей бабушки. Десять к одному, что она ищет выгоду в общении с президентом Норсом. *Ах, да — и — о, нет!*

— Президент ждет в библиотеке. — Он кивает в сторону дома. — Пойдемте со мной.

Он разворачивается, чтобы уйти, будто я тут же с радостью последую за ним.

— Простите, сэр. — Я складываю руки на груди в ожидании.

Он перестает говорить в рацию и отдавать кому-то команду «держат позиции».

— Да?

— Я не могу сейчас. Пожалуйста, скажите президенту, что я встречу с ним позже. — Я нахмурилась, поджимая губы и кивая.

Охранник смотрит на меня поверх очков, его зрачки становятся шире и он выглядит так, будто не знает, что ему делать. В то время пока он пытается понять, как не потерять свою работу, я пытаюсь обойти его.

— Добрый вечер. — Я направляюсь к Джону и его приятелю. Оба смотрят на меня, а затем переглядываются. Я направляюсь к ним. Улыбаюсь Джону и зову его, чтобы привлечь его внимание.

— Уделишь мне минутку?

— Чтобы спасти тебя от охраны? Что, черт возьми, это было? — спрашивает Джон. — Что он хотел от тебя?

— Просто бабушкин заговор, — издеваюсь я.

— Ксавия, приятно видеть вас снова. Давно не виделись. — Высокий блондин и женатый адвокат протягивает мне руку. Я не могу вспомнить его имя, но протягиваю руку в ответ.

— Взаимно. К сожалению, я вынуждена вас покинуть.

— Без проблем, — отвечает он.

Я улыбаюсь им обоим. Потом сосредотачиваю взгляд на Джоне.

— Ты готов ехать?

— Более чем готов, — отвечает Джон и переводит взгляд на своего нового друга. — Митч?

Теперь я смотрю непосредственно на Джона, пытаюсь поймать его взгляд и понять, едет ли с нами Митч, но мой лучший друг игнорирует мой взгляд.

— Вам нужно вернуться обратно в город? — спрашиваю я Митча. Беря быка за рога.

Зрачки Джона расширяются, и он шепчет мне на ухо:

— Обратно я еду с ним.

— Ты это серьезно...

Он дергает меня за руку и крепко сжимает ее, я хочу рассмеяться и спросить, не сумасшедший ли он. Но он смотрит на меня таким взглядом «Я-убью-тебя-когда-ты-будешь-спать».

Я чувствую леску, сжимающую мое горло. Я не хочу, чтобы он ехал с Митчем.

Я ревную Джона?

К этому блондину?

Из-за того, что они могут быть вместе? В постели?

Черт, да.

— Абсолютно готов. После Вас, — произносит Митч, и его улыбка становится шире. Он оставляет свой напиток, и ядвигаюсь к задней части дома. Я хочу уехать как можно дальше, и я ненавижу это чувство. Вместо того чтобы выйти через зал внизу, где, я уверена, находится бабушка. Я иду по боковой дорожке.

— Подожди, Ксавия. — Джон окликает меня, и я понимаю, что практически бежала. Мои ноги горят. Я притормаживаю и ступаю на траву, чтобы отдышаться, оглядываюсь через плечо, и наши взгляды встречаются. Я заставляю себя улыбнуться, чтобы показать Джону, что я не против его друга.

— Детка? — Джон подходит ко мне, его глаза светятся беспокойством. Мой желудок сжимается. Я эгоистка.

— Ты знаешь, каково это... Видя выход. Я не могу остановиться.

— Тогда позвони Норе, — шепчет он, прежде чем встать рядом с Митчем. — Хорошо? Я вздыхаю, глядя в его темные глаза.

— Я подумаю... Помнишь? Мне нужно кое-что проверить.

Мы обходим дом бабушки и выходим к саду. Вместе мы шагаем по асфальтированной дорожке, пересекающей газон и аккуратно постриженные живые изгороди. Я иду медленно и слышу, как шепчутся Джон и Митч. Они тихо болтают и смеются, а я чувствую себя одиноко и обвиваю руки вокруг своей талии.

Я продолжаю идти, пока мы не дошли до парковки, стараясь не подслушивать их разговор, от чего меня не покидает ощущение, будто я — «третье колесо». После того, как мы оказываемся снаружи, лицезрею вереницу машин, растянувшихся по дороге. Я пожимаю плечами.

— Эй, я думаю, что доберусь сама, слишком большая очередь!

Рядом стоят несколько других пар, ожидая своих водителей.

Джон кладет руку мне на плечо.

— Ты сможешь вести машину?

Я чувствую, как онемели мои губы от невысказанных претензий, но я стараюсь улыбаться. Я хорошо оцениваю уровень своей нетрезвости.

— Да, я в порядке, просто жарко. — Он нахмурился.

— Я всегда могу отвезти тебя...

— Нет, — упрямо шепчу я. Джон всегда был рядом со мной. — Иди, повеселись. Чем дольше, тем лучше. С криками и тасканием за волосы. Ты заслужил это. Позвони мне завтра.

Оба мужчины смотрят на меня удивленно, как будто их связь — нечто скрытое даже для меня. Я научилась читать невербальные знаки, пока работала редактором.

— Встретимся завтра. Мы должны обсудить твою работу в Вашингтоне, — говорит Джон, подмигивая.

Мы обнимаемся, целуемся и обмениваемся дежурным «Пока».

Одна, я иду к машине, глядя на ночное небо. Интересно, где мой путь, который поможет мне изменить все.

Я оглядываюсь через плечо, как только подхожу к дверце машины. Джон снова смеется со своим новым приятелем. Новым знакомым. Этот урок стоит запомнить. *Новые связи. Новые возможности.*

Я передергиваю плечами, что, черт возьми, такое? Может, небольшое проникновение в парламент и старт в Вашингтоне — как раз билет для меня.

Завтра я собираюсь позвонить Норе и обсудить сотрудничество с Сенатором Беннеттом Стоуном и его незабываемой... личностью.

## Глава 2

### Дорога в Ад...

— Я опаздываю. Где? Как зовут ее? — кричу я в телефонную трубку прямо на ухо своей ассистентке, уже думая о том, что взять нового стажера в разгар кампании было не самой лучшей идеей. — Зал прилета похож на сумасшедший дом, я не вижу ее.

Я забираю свой багаж с ленты конвейера в углу. Мне нужно несколько мгновений, чтобы успокоиться и собраться.

— Не удивительно. Сегодня в Бостоне открывается технологическая конвенция, — невозмутимо отвечает Нора. — Вышел последний «Айфон».

— Как она выглядит... стажер?

— План поменялся, — сообщает мне Нора спокойным голосом. — Вы встретитесь с мисс Кеннеди снаружи. Подождите... она только что прислала сообщение. Она около терминала, ждет вас возле тротуара. Черный «Форд Бронко».

Я смотрю на ноги девушки, идущей впереди меня, обутые в такие туфли, которые будто шепчут *«следуй за мной и трахни меня»*. Такое ощущение, будто она чувствует мой безжалостный взгляд и смотрит на меня поверх своих хипстеровских очков, с тихим обещанием чего-то темного и забытого. Наши взгляды встречаются — ее пронзает мой мозг, зажигая огонь, который отдается куда-то ниже. Эта лиса в туфлях резко разрывает зрительный контакт, мой член вздрагивает и твердеет у меня в штанах. Длинные ноги, упругая попка и уверенная походка этой девушки заорожили меня. Я заинтригован, я хочу, чтобы она обернулась, чтобы она вернулась, черт возьми.

Какое-то время я смотрю на ее убийственные ноги и бедра, грациозно покачивающиеся при ходьбе. Затем она пропала, поглощенная толпой.

— Беннетт Стоун, ты слышал меня? — Громкий голос Норы напоминает мне, что у меня в руке телефон.

— Что ж... Ладно. — Я переключаюсь, привыкший к резким переменам и поворачиваю голову к главному выходу. Вращающиеся двери показываются в поле зрения, и я продолжаю путь. — Так как это последняя точка, есть ли еще какие-то изменения, о которых мне надо знать?

Нора смеется.

— Бен, такое ощущение, что ты ворчишь.

— Так и есть. Это последняя остановка в нашей предвыборной гонке и наш бюджет истощен. Очень.

— Взбодрись. После встречи в кофейне ты окажешься в своем отеле, не позже девяти. Отдохнешь. Завтрашний день у тебя полностью расписан.

— Как ободряюще, — бурчу я, натягивая ремень своей багажной сумки, расстроенный вынужденной остановкой перед посещением бара в отеле. — Так важен стажер со связями? Дерьмо. Прямо то, что мне нужно.

— Эй, ты тот, кто распустил свою команду двумя днями раньше, не делай больше так...

— Для протокола. Ты та, кто подбила меня взять мисс Кеннеди под крыло. Я думал, что у нас есть позиция. Видимо, мы оба тупим в важных решениях.

— Не умничай. Она твое такси на сегодняшний вечер и плюс есть выгода. Суть в двух



словах: окупаемость, польза.

— Эти слова мы не говорим вслух, а ты произнесла. Ты начинаешь меня пугать, Нора.

— Босс, тебя вообще никто не испугает. Кроме того, как много неприятностей может создать один стажер? Она вдвойне полезна, так как ей симпатизируют, покровительствуют акулы мира сего. Я уже упоминала, что она имеет связи с Стиллманс из Нантакет и Мидтаун? Нужно ли напоминать тебе, что делает клан Кеннеди гранитом концентрации межпартийной власти и поддержки?

— Спасибо за напоминание. Теперь я всерьез думаю о том, как отшить ее.

— Бен, пожалуйста. Это только на месяц.

— Только? — Как попугай повторил, размышляя, как девушка, связанная не только с семьей Кеннеди, но также с древнее-чем-грязь банковской семьей Стиллман, будет работать. Возможно, она будет воплощением напыщенной принцессы и, скорее всего, появится с ее собственной свитой во всей своей хихикающей, гламурной красе. Кто не видел этих, с монограммой женского сообщества, сестринств, шныряющих вокруг студгородков? Я, например, всегда избегал подобных девушек, как чумы, за исключением времени кампании по переизбранию, когда я проявил слабость и продавал свою душу кусочек-за-кусочком.

— Это более чем реально. Двадцать восемь дней — это не вечность, — быстро повторила Нора.

— Будем надеяться, что нет, ради тебя. Что еще ты хочешь подсунуть мне в последнюю минуту?

— Есть кое-что. Ты запрашивал видеоконференцию с Бостонскими представителями в «Гарварде» — в некогда твоей альма-матер переговоры пройдут завтра. Отметь это дело, как сделанное!

— Ты лезешь в мои дела? — Несколько месяцев моя команда пыталась наладить контакт с независимой Лигой Плюща, чтобы привлечь на нашу сторону избирателей, но они постоянно отвергали меня. Точнее, Дин Нолан, мой бывший советник закрыл двери прямо перед моим носом.

— Нет. Верить ты или нет, но за это надо благодарить твоего нового стажера со связями.

Я ухмыльнулся.

— Да, конечно.

— Кроме шуток, больше никаких глобальных изменений в расписании до твоего возвращения в Вашингтон в четверг. В целом программа все та же. Союз учителей. Посещение фабрик и ланч. На этот раз в Истоне. Профессиональные переговоры с «Бостон Джeneral». В «Гарварде» встреча со студентами и преподавателями, которая будет записываться, поэтому не вздыхай так. — Нервно смеется она.

Я стою в середине прохода, не обращая внимания на то, что толкаю всех вокруг, мое внимание сужается. Меня передергивает и я возвращаюсь к реальности.

— Что ты сделала, Элеонора?

— Ошибочка... Я внесла небольшие поправки. У тебя добавилась встреча за коктейлем и ужин в «Хаятте».

— Подожди, когда это произошло? Из-за этого мне пришлось задержаться на день? Из-за чертова ужина?

— Боже, Бен, не заводись и не строй из себя рок звезду. Есть масса сторонников с ВИП-билетами, которых можно привлечь в последний момент. Люди просто взорвали нашу

страницу на фейсбук, и мы внесли эти коррективы, чтобы угодить твоему фан-клубу. Ты не умрешь, если посетишь одну вечеринку.

Я снова начал идти. Досчитав до пяти, я ответил:

— Хорошо. Что еще?

— Звонила вице-президент, хотела договориться о встрече. Кажется, это очень важно.

Я молча иду по переполненному коридору, сосредоточившись на вечеринке, запланированной на завтрашний вечер... в «Хаятте».

Нора способна выжать кровь даже из камня, если это сможет привлечь новых избирателей к нашей кампании. К сожалению, она закрывает глаза на финансовую сторону моей кампании и на то, сколько стоит мне каждое мероприятие и это значит, что пока я выступаю в роли сенатора, я буду подписывать кровью чеки с политическими обещаниями. Чувствуя напряжение, я сжал зубы и ответил.

— Перезвони ей и узнай, что она хочет. Все, что исходит от нее — приходит с ценником.

— Не волнуйся. Я выясню и дам тебе знать. Ты вылетаешь в четверг утром, после короткой утренней пресс-конференции. Поверь мне, это будет твоя последняя остановка перед тем, как ты сможешь выспаться.

— Сон. Это лучшее, что ждет меня дома. Я буду на связи. — Я нажимаю «отбой», убирая телефон в карман пиджака, представляя свою пустую квартиру. Меньше — пустую кровать и отсутствие действий, но для начала меня ждет отель.

— Здравствуйте, сенатор Стоун. — Привлекательная и явно знакомая женщина улыбается мне, протягивая руку. — Мне понравилось ваша речь, с которой вы выступали на прошлой неделе в Коннектикуте. Вы только прилетели?

— А, Миссис Хендерсон, — киваю я, вспоминая ее и ее мужа, пожимая ей руку с платиновым кольцом на пальце, но она не отпускает меня.

— Зовите меня Эбби, пожалуйста.

— Рад видеть вас снова, *Эбби*.

— Если у вас есть время, я живу недалеко. Мы могли бы поужинать. Выпить. Узнать друг друга. Это совсем рядом, я на машине.

Ясно.

Роман.

Ни за что.

— Прошу прощения, но я направляюсь на переговоры, а затем у меня встреча поздно вечером в городе. Водитель ждет меня снаружи. — Муж Эбби — медиа-магнат — новый спонсор, но эта игра стара, как мир.

Это, черт побери, старо, как мир. Но я, мать вашу, в игре и слишком поздно пытаюсь сойти на полпути. Я улыбнулся, давая ей намек на нечто более интимное и доверительное — спасибо долгим тренировкам.

Держа ее за руку, я притягиваю ее к себе поближе, окидывая взглядом ее тело, будто я собираюсь принять ее приглашение. На самом деле — нет. Если честно, меня интересует только то, есть ли в мини-баре отеля «Скотч» хорошей выдержки. Черт, мне нужно выпить, прямо сейчас, я вновь встречаюсь взглядом с глазами женщины.

— Я буду думать о вас. Могу ли я позвонить вам?

Ее губы открылись, и она уставилась на меня. Она из тех женщин, которую я могу трахнуть и свалить, не задумываясь ни о чем. Эбби завелась, и я вижу это. Умная. Красивая.

Богатая. На самом деле, ей не много *надо*. Она просто хочет трахаться всем своим существом. Я видел таких сотни. Тысячи. Не то, чтобы я спал со многими; не теперь. Ее история не возбудила меня, но Эбби совсем не обязательно знать об этой мелочи.

Я прикусил свою губу и одна томно вздохнула.

— Конечно. Все, что угодно. В любое время. У меня есть частный самолет.

— Звучит неплохо. Я буду на связи. — По правде говоря, я никогда не свяжусь с ней, не считая почтовых посланий, для поддержки моей следующей пиар кампании, передавая все через моих сотрудников. Нет, я не жестокий, я реалист и немного манипулятор, но я черт побери, политик и для меня важен бюджет и аудиторы, которые могут вытащить мою задницу наверх. В этом нет ни грамма притворства. Холодный расчет и только, я с этим не спорю.

Здесь прекращу тему «прозрачности» политики, я тот, кто я есть. Забудем о Вашингтоне. Конечно, я — хищник, но на самом деле, еще хуже. Я порочен, и мои единомышленники такие же и нам нечего делать в Вашингтоне. Если Эбби или кто-то вроде нее переступит порог моей спальни, она же — моя пещера, то я буду вынужден совершить жестокое убийство. Если она когда-нибудь узнает, каков я на самом деле, то она побежит к ближайшему выходу.

Эбби улыбается и отвечает.

— Я буду ждать.

— Пока, — сказал я ей, подмигнув. Я разворачиваюсь на пятках, желая поклониться и представляя, что кто-то кричит «Снято!» *Вот и сыграна игра этой кампании, леди и джентльмены.* Я иду прочь, надев солнечные очки, и цинично покачиваю головой, поправка — моей, осознающей реальность головой.

Снаружи у обочины стоит заведенный черный Бронко. Водитель болтает без остановки, облокотившись на капот. Я прочищаю горло от удивления.

Он смотрит на меня и сразу хмурится.

— Сенатор Стоун? — спрашивает он, убирая в карман телефон.

— Вроде того.

Водитель смотрит куда-то в сторону, он выглядит скорее, как рок-звезда, нежели как водитель и я понимаю, что планы Норы поменялись — стажер по-прежнему очень важен. На его бейджике написано «Джон» но мое внимание привлекают его татуированные руки.

— Давайте ваш багаж, — говорит он.

— Ты отвезешь меня сегодня в кофейню и в отель? — спрашиваю я коротко, передавая ему свой багаж.

— Да, и весь следующий день буду это делать. Давайте я открою дверь. — Подавшись вперед, он практически врезался в меня, но я успел увернуться влево.

— Без проблем. Я могу сам открыть дверь. Побеспокойтесь о том, чтобы доставить меня в два следующих места, и мы поладим.

— Конечно. Хорошо.

Ослабив галстук, я хватаюсь за ручку двери. Где-то рядом с неприятным шумом проезжает грузовик. Я стискиваю зубы, потянув на себя дверь и напоминая себе, что я еще не вошел ни в какой политический список. Пока не вошел. Я открываю дверь машины, глядя на людей, несущихся по тротуару. Слишком много «Старбакса». Я выдыхаю и опускаюсь на заднее сидение. Оглядывая обтянутой кожей салон, я натываюсь на женщину, которая встречает меня удивленным взглядом. Тише, кто же она...

*Вот Черт.*

Это те ноги, из коридора аэропорта.

*Туфли и все остальное.*

Но, черт побери, я знаю эту девушку... эти потрясающие губы.

— Добрый вечер, Сенатор Стоун. Извините за опоздание. Возникли небольшие проблемы с арендой машины. Конвенция «Эплл» — это грандиозно для Бостона, но город переполнен. Но есть и хорошие новости. У нас есть машина и водитель. Доброволец. Я сообщу Норе. — Она наклоняется вперед, облизывая розовые губы и протягивая конверт. — Ваш билет на самолет. Вы возьмете его или хотите, чтобы он пока остался у меня? У меня есть все, что миссис Свон прислала, касаясь завтрашнего маршрута.

*Миссис Свон?* Ах, да. Фамилия Норы, после свадьбы.

— Хорошо, — отвечаю я, мой мозг напряжен, в то время как я смотрю поверх оправы очков.

В вечернем свете ее светлые волосы светятся местами, прячась за очки. Я смотрю на девушку, которая представляет собой версию той дикой штучки из клуба. Вряд ли она очень взрослая для того, чтобы быть стажером. Не старше, чем другие.

— Сенатор? — спрашивает она, и взгляд кристально голубых глаз встречается с моим.

Воспоминания о той ночи в коридоре врезаются в сознание, словно метеорит. Это правда? Она действительно та кокетка из клуба.

Та, на которую я смотрел, как голодный шакал, а затем целовал у стены. Я был на волоске от того, чтобы трахнуть эту девушку после «сухого» контакта с ее грудью и попкой.

*Боже... Я хочу вернуться к тому, на чем мы остановились.*

Этой детке лучше не быть моим стажером. Я чувствую ее за милую, и она заставляет мой член твердеть, а мою кровь кипеть.

Я неделями не мог забыть ее. Каждый день после той ночи я просыпался, и мой член был тверже камня. Я вынужден был дрочить, чтобы преодолеть желание обладать ею. Я хотел отшлепать ее. Пометить ее. Оттрахать до беспомыслия. В ней было... что-то... невинное.

Я смог сдержать себя той ночью, но я не уверен насчет сегодняшнего дня.

Не в моих правилах встречаться где придется. Обычно общение с потенциальными партнерами происходит через интернет, либо в моем клубе. Никогда за все мои дни в роли Доминанта девушки не появлялись в моей жизни из неоткуда. Дважды.

Однако я сижу рядом с ней и гадаю, играет ли она со мной или я становлюсь параноиком?

— Я возьму его, — говорю я хрипло.

Может это и правда забота стажера — беспокоиться о подобных глупостях. В любом случае, эта девушка долго не продержится. Не дольше, того времени, что займет устранение беспорядка.

— А вы... — прохрипел я, черт, как там сказала Нора? — Мисс Кеннеди?

— *Мис* [ форма «Ms» ( мис или миз ) употребляется по отношению к женщине безотносительно к факту ее семейного положения ( как у мужчин Mr ), в отличие от Miss ( мисс ) — незамужняя и Missis ( миссис ) — замужняя. — прим. ред. ] Кеннеди, — ответила она, улыбаясь и продолжая протягивать мне конверт.

Я должен был забрать его, вместо чего, выбил этот чертов конверт из ее рук. Теперь мы вместе тянулись к нему и, в конце концов, наши руки столкнулись.

— Хорошо. Оставьте его у себя, — сказал я, скользя по ее ноге к туфлям на высоком каблуке, которые ни один нормальный стажер носить не стал бы. Не важно.

Мис Кеннеди подносит ближе конверт и держит его между нами. Наши лица в нескольких дюймах друг от друга. Так близко, что я могу видеть сквозь ее очки глаза цвета льда. Они настолько неземные, что меня пронзает, словно током, только от одного взгляда в ее глаза. Я снова вспомнил, как мы впервые поцеловались несколько недель назад, и ощущение той ночи опять настигло меня.

— Возьмите, сэр.

*Сэр?* Одно это слово, слетевшее с ее губ, заставило мой член встать. Если бы она произнесла «Мастер Стоун», то мы бы забыли про то, что помимо нас в машине еще и водитель. Я бы прижал ее лицом к сиденью, схватив волосы в кулак и трахал бы ее так, как никто другой. Либо она профессионально играет со мной, либо она получит неплохой удар по чувствам, прежде чем укажет на дверь. Кроме того, я должен спросить ее о нашей последней... *встрече*.

Подключиться к ее игре — это слишком просто. Слишком просто, чтобы вспомнить ощущения от ее незабываемых губ, груди и этих ног. Я бы узнал ее, даже если она была в маске.

— Откуда ты взялась, черт возьми? — спросил я, забирая конверт из ее рук.

*Красиво сказано, Бен.*

Вопрос сорвался с губ, пока я подсчитывал расстояние до отеля и сколько времени займет — уложить ее на сиденье, снять брюки и вставить в нее член.

Она нахмурилась.

— Я родилась в Фениксе, потом переехала в Калифорнию, Сан Диего. Недолго жила в Чикаго и Атланте. — Ее голос звучал мягко, пока она жестами показывала за окно с ее стороны. — Моя мама вышла замуж второй раз, и мы переехали в Бостон, когда мне было пять. Я пожила во всех Штатах, я настолько же Американка, насколько Американским является яблочный пирог.

— Нет, — качаю головой я, чувствуя, что меня переполняет желание, и двигаюсь назад на сидение. Я всячески пытался скрыть то, что у меня встал.

— Нет? — мягко повторила она, подняв брови.

*Она испытывает меня?*

Поговорим о переключении чертовых передач. Эта девушка заставляет меня видеть все во всех цветах радуги. Красный — цвет отпечатка моей ладони на ее заднице. Белый — цвет ее нижнего белья, которое я срываю с ее тела. И синий — цвет моих яиц, потому что ничего из вышеперечисленного не произойдет.

Она, безусловно, знает, с кем вызвалась играть и прячется за завесой невинности. Глядя в ее глаза, я могу видеть что-то темное и увлекательное в этой невинности. Я хочу ее. Я хочу вернуть ту ночь, которая захватила меня, словно стихийное бедствие.

*А что насчет нее? Я готов поклясться, в ней есть что-то сабмиссивное.*

Я медленно пытаюсь собрать в единое целое мозг, чтобы внятно заговорить:

— Я не имею в виду историю твоей жизни, как ты получила место для стажировки у меня? У тебя же есть семейные связи. Кеннеди и Стиллман. Демократы, связи которых не изменились за последние двадцать минут. Однако ты решила пройти стажировку у меня? Несмотря на нашу предыдущую встречу.

Неожиданно появился водитель и сообщил с улыбкой:

— Все готово.

Я хмуро и коротко кивнул и он ответил:

— Ох... Извините.

Я снова посмотрел на Кеннеди, встречая ее выжидающий взгляд.

— О, это не трудно понять, — отвечает она, выпрямляясь и разглаживая ткань платья на коленях.

Я должен понять, почему она так тронула меня, ведь дело не в ее образовании. Я встречал множество умных принцесс, сводящих с ума.

— Объясни мне. — Я поднимаю очки на голову, а она следит за моими движениями, как одна из тех кошек, которых так любит моя сестра. И я засомневался.

Не считая пары вызывающих мест, в целом ее костюм выглядит достаточно консервативно, но на ней он смотрится, как на сексуальной секретарше из кино. Я наблюдаю; теперь я, наконец, могу контролировать свой мозг.

Вместо ответа она прикусила губу. Ту, которую кусал и посасывал когда-то я. Мягкие как зефир, и не менее сладкие. Я хочу ощутить ее вкус снова. Мы смотрим друг на друга, казалось бы, целую вечность.

— М-м-м... Я не... — бормочет она.

— Ты собиралась что-то сказать? — подтолкнул ее я, в то время, как мой член в состоянии гипер-реакции и живет своей жизнью и я не могу заставить этого ублюдка расслабиться. *Она просто девушка.* Не важно, сколько раз я повторю себе это, в глубине души что-то реагирует на нее, прерывая любую попытку абстрагироваться. О-о-о... Черт. Правдоподобно.

— Сенатор, — говорит она и замолкает, и я хочу попросить ее...

*Не называть меня так,* но я сжал челюсти и молчу.

— Я думаю, мы оба можем согласиться с тем, что наша предыдущая встреча была единственной. *Ошибкой.* Правильно? — спрашивает она, глядя мне прямо в глаза.

Я смотрю на нее так, будто она сошла с ума и рычу.

— Прискорбно.

— Что ж. Это решено. — Она поднимает подбородок, и я берусь за него.

Я затронул нерв, и несу ответственность за то, что делаю. Как мне сказать ей, что настоящей ошибкой было — отпустить ее той ночью?

— Расскажи мне о себе. Я хочу узнать... тебя.

— Меня?

— Ты же хочешь стажироваться у меня? — говорю я мягче, желая коснуться ее лица. — Пожалуйста.

Она опускает взгляд буквально на секунду, а я уже заморожен. Какую тайну она скрывает?

— Я не Демократ. Я специализируюсь на связях с общественностью и заканчиваю Бостонский Колледж. Эта вакансия была открыта и я решила немного поработать до начала занятий. Может быть, продолжу через семестр, если найдется место. Нора сказала, что это ненадолго — и это прекрасно, — уверяет она меня.

— Если ты всерьез думаешь о карьере в парламенте, то это требует полной самоотдачи. Не помешает ли это твоему выпуску? — тараторю я полную чушь и не могу поверить, что только что стал снова говорить, как последняя задница.

— На самом деле, я хочу досрочно сдать выпускные экзамены. Честно говоря, я никогда

не делала ничего похожего на работу в парламенте... я работала репортером в школьной газете и внештатным сотрудником в газетах города, но хотела бы заниматься чем-то более масштабным.

— Парламент — самое подходящее место, — напряженно говорю я, и задаю следующий вопрос. — Ты уверена насчет Вашингтона?

— Нора сказала, что у меня есть выбор. Либо я делаю это в процессе стажировки вместе с другими, либо сейчас, и я решила — почему бы и нет? Это всего лишь на месяц.

— То есть, тебя устраивает то, что ты не закончишь стажировку полностью? — спрашиваю я, попутно уговаривая себя прекратить пялиться на ее рот.

Она умеет целоваться, как никто другой, ее стиль чувствуется даже тогда, когда она говорит. Идеальный тембр и язычок, облизывающий губы, с каждой минутой все больше завораживают меня. Еще немного и она возьмет меня за яйца. Я лучше выясню, чем она хочет заняться после того, как закончит стажировку, прежде чем она начнет ее, но вместо этого мой глупый рот произносит.

— Не самая плохая идея. Даже наоборот.

# Глава 3

## В ласках огня

*Десятью минутами ранее.*

СВЯТОЙ ГУАКОМОЛЕ! Я так нервничала, и попросила Джона побыть водителем сегодня. Хорошая идея. Я видела его, почти что столкнулась со Стоуном внутри аэропорта и почти провалила всю эту идею. Теперь, я сижу, как в клетке на заднем сиденье моей машины и Джон подмигивает мне по-дружески.

Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Хуже, когда Стоун выходит из аэропорта, и я закрываю глаза. *Пожалуйста! Успокойся, черт возьми!* Я молюсь, чтобы не самовоспламениться, я заставляю себя сделать глубокий, глубокий вдох.

*Вдохнула.*

*Не дышу.*

*Медленно выдохнула.*

Джон разговаривает со Стоуном. Кажется, пути назад уже нет. Я снова задерживаю дыхание, когда сенатор открывает дверь машины и забирается внутрь. Мы сидим близко друг к другу и, кажется, что атмосфера на заднем сидении накалилась, как только мы посмотрели друг на друга.

Черт! Вблизи этот мужчина выглядит еще привлекательней, чем раньше: его взлохмаченные волосы стали длиннее и пятичасовая щетина проступает на скулах.

Хорошо, что на нем солнцезащитные очки — он выглядит, как рок-звезда и это завораживает меня. Он воплощение образа плохого парня, который вырос в большого политика.

Мой разум чист. Я не бредила им, не находилась под влиянием алкоголя, как тогда, в июне. Короче говоря, Стоун ходит и говорит как сексуальный леденец. Он носит, безусловно сшитый костюм; этот тоже, как и предыдущий, не смог скрыть совершенство его потрясающего тела. Тела, которое я помню очень хорошо, исследованное моими руками.

Я не могу продолжать смотреть с отвисшей челюстью и не сказать свою вступительную речь. Ту, что я часами репетировала.

— Добрый вечер, Сенатор Стоун. Извините за опоздание. Возникли небольшие проблемы с арендой машины... — Я не контролирую себя и не могу спокойно реагировать на человека, сидящего рядом. Я сторю от одного нашего соприкосновения, затем достаю конверт. — Ваш билет на самолет. Вы возьмете его или хотите, чтобы он пока остался у меня? У меня есть все, что миссис Свон прислала, касаясь завтрашнего маршрута.

Некоторое время он смотрит на меня горящим взглядом поверх очков. При свете дня видно, что у него темно-зеленые глаза, как зеленое стекло. Его взгляд все такой же задумчивый, напористый и резкий. Он может заставить девушку пойти с ним, остановиться, упасть и подняться одним лишь голодным взглядом.

Стоит напомнить себе: *я не одна, здесь Бен. Я сделала это.*

Стоит, но все воспоминания о нем возвращают меня в мир сумасшествия. И от его взгляда нет спасения. Такое ощущение, что он смотрит сквозь меня и энергия напряжения между нами проникает искрами мне под кожу, заставляя сжать пальцы.

Когда я сказала «смотрит», то имела в виду, что сенатор будто спрашивает, какого хрена



я здесь делаю? Мне кажется, что мне надо бежать — открыть дверь и выйти. Неужели, он помнит меня? Может быть, я всего лишь одна из многих женщин, которых он целовал, а сейчас он смотрит на меня, как на нового стажера. *Может быть...*

Несмотря на то, что Джон сказал, будто он не заводит отношений с сотрудниками, кажется, что все-таки это не так. От него пахнет раскаленной сексуальной привлекательностью. Не говоря мне ни слова, с ледяным спокойствием, сенатор сжимает челюсти и закрывает дверь.

— Сенатор? — Я инстинктивно выпрямляюсь.

Черт! Я все еще держу билет, в то время как нас разделяют всего лишь сантиметры. Почему он просто не возьмет его? Я так сильно сжимаю билет, что моя рука начинает трястись.

Стук сердца отдается в ушах. Стоун не просто смотрит на меня поверх очков, он пожирает меня и мне кажется, я чувствую силу его власти.

— Мисс Кеннеди? — обеспокоенно произносит он. Когда он говорит, я таю как мороженое. Его горящий взгляд касается моей кожи, и я вспыхиваю. Своим глубоким бархатным голосом с южным акцентом он называет меня «мисс» и я поправляю его:

— *Мис* Кеннеди, — говорю я, вздернув подбородок, не в состоянии обуздать желание противоречить ему. Определенно, есть что-то в этом властном человеке, что заставляет меня отвечать ему каждый раз, когда я слышу его мягкий, глубокий голос.

*Не самое хорошее начало, Кса.*

Я должна отдать ему его билет, но так нервничаю, что роняю его. Мы наклоняемся за ним одновременно, и наши руки соприкасаются, мы так близко, что я могу чувствовать запах его одеколona. Этот запах пробуждает мою память и действует, как удар прямо в грудь.

Его аромат пробуждает спрятанную эротическую тоску и требует ее освобождения.

Я хорошо помню, как он прикасался ко мне тогда, будто это длилось целую вечность.

*Как один поцелуй может дать столько власти?*

Я пытаюсь унять дрожь, пробегающую сквозь меня, заставляющую мои соски напрячься до боли. Возбуждение, дремавшее долгое время, заполняет мой мозг, как только я увидела его снова. Я хватаю пальцами конверт, направляя все силы на то, чтобы собрать рассыпавшийся на части самоконтроль.

В это время он схватил меня за лодыжку, послав электрический заряд вверх по моим ногам, сосредоточившийся на клиторе. Прикосновение его пальцев пробуждает похоть где-то в глубине моего тела, заставляя меня подвинуться к краю сиденья. Я так потрясена и заведена, что сую ему конверт практически в лицо.

*Расслабься, Кса, расслабься.*

Неожиданно, Сенатор Стоун решает поговорить вместо того, чтобы прожигать во мне дыры взглядом.

— Откуда ты взялась?

Отдавая ему конверт, я вкратце рассказываю, где я жила, не вдаваясь в подробности моей семейной истории. Но он переводит наш разговор в другое русло, ведь он слышал мою фамилию и хочет знать, почему я решила проходить стажировку у него.

*М-м-м... потому что твой ассистент был пленен моей фамилией.*

*Повторяй за мной, К-Е-Н-Н-Е-Д-И.*

Джон запрыгивает на водительское сиденье и смотрит на нас со Стоуном. Мы оба слегка киваем ему, и он нажимает на газ, отъезжая от тротуара. Шины взвизгивают, и я

пытаюсь сосредоточиться на Стоуне, а не на навыках вождения Джона и том, как он довезет нас до кофейни. Все, что мне надо сделать — это как-то убедить его в том, что то, что произошло между нами в июне, ничего для меня не значит. *Ничего!* Это была ошибка, как сказал он. И черт возьми, такое ощущение, будто я никогда не находилась рядом с властными мужчинами. Это должно быть просто, но Стоун не прекращает пялиться на меня и мои мышцы каменеют.

*Кса, просто сосредоточься. Ты делала это сотни раз — все то же самое!*

Нора сказала, что ее босс любит играть в одиночку и может отказать мне в стажировке. Черт, он может выкинуть меня из машины во время движения. Я слышу голос Джона в своей голове. *Очаровать его.* Сделать все, что угодно, чтобы моя задница оказалась рядом со Стоуном в самолете, в четверг утром. Я не могу провалиться.

Слишком многое поставлено на карту.

Я отвечаю на его вопрос.

— О, это не трудно понять.

Я не могу сказать ему правду, хотя, может, стоит попробовать и он поймет. Включить обаяние. Как я хотела бы крикнуть, что да, я Кеннеди по документам, но я не часть этого клана!

Я останавливаюсь посреди этого потока мыслей, и мой мир перестает вращаться.

*Черт возьми!*

Стоун поднимает очки. Нет больше преграды в виде оправы, и его взгляд пробирает до костей.

— Если ты всерьез думаешь о карьере в парламенте, то это требует полной самоотдачи, — говорит он, а я просто моргаю, мой мозг затуманен. — Сможешь ли ты работать в любое время? Это не обычная стажировка. У тебя не будет нормированного графика. Только не в моем офисе.

— На самом деле, я хочу досрочно сдать выпускные экзамены, — киваю я, а его взгляд сосредоточен на мне. — Думаю, я могу работать в любое время.

Его взгляд проходится по моему телу. Неужели он думает, что я это не всерьез? Я не какой-нибудь домашний любимец.

Вместо того чтобы думать о чем-нибудь нормальном, в моей голове бьется лишь одна мысль о том, что мы с ним должны быть голыми. Я сошла с ума? Я скольжу по гладкой коже, заталкивая эту мысль как можно дальше, хватаюсь за воротник платья, пытаюсь хоть как-то остыть. Пока он не сказал:

— Ты уверена насчет Вашингтона? Это не пустяковое решение. Ты только что сказала, что приняла его в последний момент. Мне не нужна лишняя головная боль в виде твоего обучения, только для того, чтобы ты потом решила, что тебя интересует что-то совсем иное и ушла. Протираание штанов. Какая выгода от этого тебе и мне?

*Что, черт возьми, этот напыщенный придурок только что сказал? Он считает меня кретинкой?*

Я не верю своим ушам. Я улыбаюсь, но сердце бешено бьется и я готова залепить ему пощечину. Я пытаюсь подобрать слова, чтобы показать, что я не дура. *Стоит ли мне напомнить ему, что поцелуй с ним больше похож на секс? Минута и он поднимает мое платье, а затем... Увидимся позже, придурок.*

Нет! Совсем «нет»!

Прежде всего, я должна помнить, что я должна заинтересовать этого человека. Он

нуждается во мне, как в третьей подмышке.

— Что дало вам повод думать, что я сбегу? Если вы дадите мне место, то я останусь. Во что бы то ни стало. Я не ищу местечко потеплее, я здесь для того, чтобы учиться и я не боюсь тяжелой работы. Даже большого количества, если это необходимо. Вы должны знать это, сенатор Стоун. Разве это не часть ваших основ, и причина того, почему так много людей стекается в лагерь к вашему оппоненту? Следовать идее. — Я наговорила кучу ерунды и затем продолжила: — Позвольте мне заверить вас, сенатор, я справлюсь!

Что ж, это заставило Стоуна заткнуться. Бьюсь об заклад, не многие люди спорят с ним. Его суперэго — напускное. Всего лишь хорошая пиар-команда — одна из тех, что использовал Обама. Я многое прочитала о сенаторе до того, как Джон принес мне для изучения его досье. Стоун не только учился на юридическом факультете «Гарварда», но и дважды получал ученую степень в этой области. Был редактором в «Вестнике закона» и выпустился со вторым результатом со всего выпуска. Играет в футбол на позиции вратаря. Работал окружным прокурором, где вероятно, и заработал себе семилетний зуд, а затем стал главой предприятия. Он специализировался на преступлениях «белых воротничков», но брался и за другие дела, если они давали ему доступ к прессе.

И судил. Самый молодой из когда-либо избранных сенаторов. Родом из Атланты. Его отец родом с юга с сильной родословной, как и моя, и так же, как и я, он своего не упустит. У Беннетта Стоуна свои правила, всегда были и всегда будут.

Я очнулась от своих бредовых мыслей, когда он сказал.

— Я не хотел тебя оскорбить.

Мы долго смотрим друг на друга, мышцы на его скулах напрягаются, его голос, хриплый и низкий, заставляет меня думать об умопомрачительном сексе. Интересно, что он говорит, когда вот-вот кончит? Все мои инстинкты кричат: «Забудь, черт побери, об этом. От этого парня ничего кроме неприятностей не будет. Он волк в политической сфере и тот тип мужчин, которых девушки никогда не смогут забыть. *Даже после поцелуя*».

Мы неотрывно смотрим друг на друга, и я не могу отделаться от своих впечатлений о Стоуне. Столь яркие и незабываемые, не даром говорят, что первое впечатление сложно изменить. Я вспомнила, как наши взгляды впервые встретились. Сейчас я сижу рядом с ним, и сексуальное напряжение внутри меня растет с каждой минутой.

Если я не буду осторожной, он поймет, что я просто девочка-фанатка, которую он поцеловал и поймет, что взять меня — это ошибка. Никакого Вашингтона. Я не проведу там ни одной ночи, если быстро не сосредоточусь.

— Я не приняла ваши слова всерьез, — ответила я холодно. Я снова в игре.

— Я не читал твоего резюме, — коротко отвечает он.

Он главный, напоминаю я себе, но на данный момент, он — мой путь к карьере и связям, не зависящим от моей семьи. Не так уж и аморально, быть заведенной человеком. Черт, он — ходячий грех, секс и декаданс. И чем больше я осознаю потенциальную опасность, тем быстрее я могу обуздать свою тягу к нему и делать то, что от меня требуется.

С этим новым для меня ощущением я отвечаю,

— Нет? Что ж, у меня с собой есть копия. — Я улыбаюсь, кладу кейс себе на колени и расстегиваю замки, замечая, что взгляд Стоуна сосредоточен на моих пальцах.

— К-С-К. Разве должно быть не К-К-С... И что значит первая «К»? — Его вопрошание обескураживает меня.

КС. Кса. *Мои инициалы, ничего лишнего.* Стоит ли мне рассказать ему о своем

прозвище, после того, как он отозвался обо мне? Хуже того, после того, как его руки касались моей задницы, а его член терся об меня и я практически умоляла его трахнуть меня прямо там, в темноте коридора.

— На самом деле, да. Но это был подарок, — говорю я. — Меня зовут Ксавия. — Глядя на Стоуна, я прикусываю сережку в языке, маленький шарик ложится ближе к гортани. Нет, лучше не говорить всей правды.

Ему не стоит знать о том, что я в прошлом увлекалась вечеринками.

Покопавшись в кейсе, я достаю аккуратно запечатанный пакет. Спасибо обсессивно-компульсивной тенденции, которой мы с Джоном придерживаемся. У меня есть три полноценные копии моего резюме, приложения для стажировки и образец письма, готового к отправке. Отдавая ему одну из копий, я смотрю на него из-под ресниц, по мере прочтения моих ответов он отмечает, что мой средний балл 3.99. Он внимательно просматривает приложение и переходит к резюме, из которого отмечает, что у меня разносторонние интересы. Он отмечает мое увлечение бегом на беговой дорожке, президентство в драматическом клубе; я не могу понять, действительно ли для него это примечательно, или нет. Такое ощущение, будто я сижу напротив своей семьи, и сейчас от них зависит моя жизнь.

— Ты играла? На сцене?

— Я участвовала в некоторых пьесах. — Я в трех шагах от того, чтобы залепить ему пощечину, чтобы стереть эту самодовольную улыбку с его лица. Чем меньше он знает обо мне, тем лучше. Этот человек не только чертовски сексуален, но и потрясающе сосредоточен, и он может подавиться своим чертовым высокомерием. Однако ничего не поможет, если все, чего я хочу — это залезть к нему на колени, притянуть за галстук и попросить заткнуться.

— Какая твоя любимая пьеса? Просматривая твое резюме, видно, что у тебя есть не только актерский опыт, большинство твоих работ — статьи, описывающие различные сферы искусства. — Его вопрос выдернул меня из моих фантазий, становится жарче и все сложнее перестать представлять его без одежды.

Из его слов понятно, что он на самом деле читал мое резюме. Думаю, почему бы и нет. Просто, надо быть честной, говоря о моем актерском опыте и не озвучивая мысли.

— Вы Не Можете Взять Это С Собой. Я играла Алису.

— Интересно, — кивает он, поджимая губы.

— Вы знаете ее? Я имею в виду, смотрели?

— Да, в этой пьесе много чего происходит на сцене: оркестр, джазовый диссонанс. Словно политическая арена с ее серыми кардиналами. Не замолкающая речь звучит словно жужжание. Ну что, я прошел проверку?

— Вы действительно знаете ее, — говорю я. И это правда. Он сказал это не из любезности. В этой пьесе все актеры одновременно находятся на сцене и говорят. Собирается целая толпа. В эти моменты я чувствовала себя живой.

— У тебя есть вопросы? Ко мне. — Должно быть, что-то изменилось. Его тон не противоречащий, но он по-прежнему продолжает смотреть на меня.

Было бы глупо отрицать, что в нем есть что-то, что заставляет тебя таять, словно сахар в горячей воде. В нем много всего, популярность и темная сторона личности... да, черт возьми, намного больше, чем показывают СМИ. Его глубина, его тайны — это что-то мистическое. Парадокс, который я хотела бы разгадать.

— Война? — спрашиваю я. — Какие реформы Вы намерены провести? — Один из его комитетов, я точно знаю, оплачивает забастовку. Я против войны, но вряд ли, правда поможет мне завоевать его доверие. Доверия, как политика, ищущего поддержки.

— Не дай войне подмять тебя под себя, — говорит он. — Это не для огласки, конечно. Это фиаско и вряд ли кому-то понравится. Но скажи это нефтяным компаниям. Подними бурю, и ты станешь одной из самых важных персон конгресса. Уйдешь, и все очень быстро забудут о тебе. О, черт, это не то, что хотели бы слышать люди с большими мечтами.

Его откровенный ответ удивляет меня.

— Хотите, верьте, хотите, нет, но это так, — говорю я мягко, глядя в его открытые, уставшие глаза. Кажется, вот-вот они закроются.

— У правды много граней. То, что ты услышала от меня — лишь одна из них. Может, я не лучший пример для построения политической карьеры. — И с этими словами он опускает взгляд на мои ноги, затем вовсе закрывает глаза и встряхивает головой.

На этом заднем сидении секунду назад, он сместил свою политическую персону с пьедестала и спустил на землю. Он стал чувственным и провокационным. В ту же секунду мне хочется провести рукой по щетине на его скуле и поцеловать его полные губы.

*Ксавия! Сосредоточься!*

— Я бы хотела услышать о внутреннем восприятии. Особенно вашем. Я здесь, чтобы узнать, что происходит за закрытыми дверьми. И что я могу сделать, чтобы помочь? — спрашиваю я, отказываясь отпустить его взгляд, которым он продолжает поглощать меня.

— Зависит от того, что ты ищешь, — говорит он, облачиваясь локтем о дверь, упирая пальцами в висок, наши глаза встречаются и что-то резко пронзает мою грудную клетку.

Дыхание замерло в груди. Забавно, я не могу быть единственной, кто может видеть его насквозь. Я имею в виду, что его показушность уходит, и я чувствую сумасшедшее притяжение... как будто мы знаем друг друга уже много лет.

— Связи, — говорю я честно. Он услышал то, что хотел, и я напомнила о себе в сотый раз. На данный момент, я чувствую, что могу доверить ему мой самый страшный и самый темный секрет, который находится за дверью под грифом «опасно».

*Я не могу доверять ему.*

Или кому-либо.

Не в том случае, если я хочу идти своим путем!

Мои мысли разбегаются. Те, которых быть не должно. Те, что должны быть заперты.

Я должна попросить Джона остановить машину. Я должна открыть дверь и бежать вдоль по улице. Подальше от этого мужчины.

— Ты обретишь множество связей. Я научился выбирать компании, в которых я буду наиболее полезен.

— Эти звучит очень...

— Политически? — Он смеется, подняв бровь, и наклоняется ближе. — Добро пожаловать в высшую лигу.

— Я здесь, чтобы что-то изменить! — говорю я, ссылаясь на то, что мне нужно перебороть себя.

— *Изменить?* Это то, зачем ты пришла? — Он снисходительно улыбается. — Мне кажется, я слышал это раньше.

— Ах, да, — киваю я, пытаюсь побороть смущение и понять, насколько наивной выгляжу. — И выбрать свой путь после окончания, — быстро добавляю я. — Разве это не то,

за чем приходят все стажеры?

Мой желудок скручивается.

Он снова смотрит на мои документы.

Он видит меня насквозь.

Я должна убраться от него подальше. Стоун прав — он мой самый страшный ночной кошмар... наркотик, который я попробовала и теперь не могу отказаться от него, от той энергии, которую чувствую рядом с ним. Я перевожу взгляд на Джона и вижу, что он смотрит на меня через зеркало заднего вида. Я корчу рожицу, желая закричать, что все должно быть не так!

Но Джон подмигивает мне, будто чувствуя, что я хочу убежать.

Стоун застал меня врасплох. *Отлично, давай, соберись!*

Я задаю следующий вопрос.

— Таким образом, Вы еще возглавляете комитет по реформам или покинули свой пост?

— Очевидно, что война — тема спорная и опасная. Может, стоит сосредоточиться на разговорах и тогда желание забраться ему на колени сойдет на нет, и я смогу держать дистанцию. — Вы штурмом взяли Белый Дом, стали лицом с обложки «Роулинг Стоун».

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Существует разница, между солдатами, служащими сейчас и военной реформой. Реформа была когда-то самой горячей темой, но это было давно. Ты — Кеннеди, неужели ты не разделяешь интересы семьи? — Он вздернул брови и его снисходительный тон вернулся, чертовски раздражая меня.

— Но война все еще в разгаре! — возражаю я.

— Ах, спасибо, что напомнила. Сейчас мы сосредоточены на переговорах о мире. Перестройка — наша финансовая черная дыра. По сути, война закончилась.

Он смотрит на меня, напоминая мне о том, что надо контролировать свои эмоции.

— Я так не думаю. — Я чувствую на себе взгляд Джона, и готова поспорить, что он недоумевает, что же со мной такое.

Секунду назад сенатор пожимал мне руку, а сейчас мы столкнулись с ним лоб в лоб.

— Прости меня, но, кажется, в своей позолоченной клетке в замке из слоновой кости ты немного отстала от реальности. Все и всегда пахло войной реформ: комитеты, группы по интересам, лоббисты. Эта тема всегда была и будет. В результате грядущих перевыборов не многое изменится. Тебе нужно начать изучать, что же происходит на самом деле. Я ненавижу разрушать идеальные миры. — Он делает паузу и закатывает глаза, затем продолжает: — Типа твоего.

— О, Вы этого и не делаете, — говорю я и чувствую, как жар заливает щеки.

— Мис Кеннеди, у правительства есть цель, когда дело касается политики чаще всего это не управление и изучение того, как управлять и содержать то, что у нас есть. Кто-то всегда ищет выгоду. Находит. Продает. Научитесь от меня распознавать знаки, прежде чем давать пустые обещания. Или вы не закончите семестр. Забудете о чем-то важном для Парламента, и о вас забудут еще быстрее.

Это признание оказало влияние. Либо ты делаешь то, что должна делать, либо убирайся. Я не должна терять голову. Не во время разговоров о делах. Он тот, кто может меня многому научить и помочь найти свой путь. Он тот, кому я хотела бы подражать. Разве это не первый урок?

Подражать тем правителям, о которых не забывают.

Но как заставить Стоуна видеть во мне что-то кроме красивых бедер? Это значит, мне нужно забыть о своих эмоциях и стать спокойной. Холодной. Расчетливой. Больше никаких эмоциональных взрывов. Никакой наивности. Мне нужно увеличить ставки. Если я потеряю эту связь, то вся эта фигня оставит неизгладимый след.

— Ты имела в виду это? — спрашивает он, подняв записку.

У меня есть один месяц, чтобы доказать, что я способная, надежная, целеустремленная... и тогда мой мир перестанет вращаться. Черт! Он протягивает мне записку, на которой Джон написал грязную шутку, а я забыла о ней. Должно быть, Джон видит это, и автомобиль резко и опасно виляет на дороге.

— Боже, — рычит Стоун, все еще не разрывая наш зрительный контакт.

— Ошибочка вышла..., — Все, что смогла произнести я, не зная, что сказать и напоминая себе не обращать внимание на Джона.

— Ну и? — спрашивает он.

— Ну и, — отвечаю я, и мы смотрим друг на друга. Либо мое воображение сошло с ума, либо мы безумно хотим трахнуть друг друга. Я, не моргая, погружаюсь в серую дымку его глаз и не могу ничего больше сказать.

Еще никогда прежде не видела, чтобы мужчина смотрел на меня так, как делает это он и я буквально прижата его силой.

Он без слов открывает двери в свой мир, предлагая мне выбор, и все мое будущее сейчас зависит от того, что я скажу. Скорее всего, он думает, что я попала на его удочку после единственного поцелуя. Мне нужно доказать ему, что я рассматриваю наши отношения только, как рабочие и что я на сто пятьдесят процентов уверена в этом.

— Мы можем установить торговые отношения? — Его вопрос не корбит меня, как раньше.

Это как если бы мы были соединены на более глубоком уровне. Я могу чувствовать его, или предчувствовать, либо я выдаю желаемое за действительное. Адреналин зашкаливает и я готова сбежать, но стараюсь не думать об этой бредовой затее. Я забыла о записке и теперь у меня есть несколько секунд, чтобы что-нибудь придумать. *Что угодно!*

— Это было *ошибкой*... Не о чем разговаривать. — Но конечно, это все, о чем я могу думать. Как только слова сорвались с губ, все вокруг изменилось. Я использовала его слова и думаю, вспомнит ли он об этом. В мгновение мир вокруг меня становится серым, и нет больше ничего вокруг: только Беннетт Стоун и я.

Он смотрит на меня и его взгляд останавливается на записке, которую он держит в руке.

Пытаясь собраться с мыслями, я стараюсь обуздать желание, посеявшее хаос в моих планах. Дышать становится трудно, хочется забыть о своей цели и потянуть его за галстук, пока наши губы не встретятся. Я закусываю губу, представляя, как много оттенков вкуса я бы чувствовала, ощущая его язык у себя во рту.

Еще. Раз.

Я вспоминаю, что Джон сидит на переднем сидении, когда он закашлял — это был наш условный знак для восстановления контроля. Правильно — все это в моем воображении.

Может когда-то Сенатор Стоун и целовал меня, но я тогда еще не была стажером. Что подтверждает все мои теории о людях. У него безупречная репутация и неплохая политическая поддержка, которая поможет ему прорваться в Белый Дом. Он — восходящая звезда, и я просто сумасшедшая, если я думаю, что он хочет поцеловать меня, как тогда в клубе.

Вместо того чтобы думать о его губах я должна помнить, что благодаря Стоуну могу обрести массу связей.

Гарантированную работу на того, кто через несколько лет может покорить не только Вашингтон, но и стать бесстрашным лидером Соединенных Штатов Америки!

Это требует полного контроля. Мне не надо напоминать, что некоторые журналисты обезумели от желания пролить свет на правду, выдавая желаемое за действительное. Каково бы это было — поцеловать нового босса во время интервью.

— Боже, я не хотела, чтобы эта записка попала к вам. Она никак не повлияет на мою рабочую этику и желание, чтобы работа была выполнена! Моя анкета есть в документах. Прочтите ее. — Я подаюсь вперед, и напряжение между нами растет до тех пор, пока один из нас не разрывает зрительный контакт. — Я коротко перескажу суть. Я здесь, чтобы учиться и набираться опыта. Путь вверх по лестнице начинается здесь. С вами, Сенатор Стоун, я думаю, мы оба получим то, чего мы хотим.

— Я вижу, — говорит он.

Я убираю руку, и он немного расставляет ноги, опуская мое резюме на бедро.

Он медленно поднимает руку к подбородку и прикусывает кончик одного из его длинных пальцев, пока мы продолжаем это безумие.

Тишина оглушает, чувствуется, как накаляется все вокруг. Мое тело раскаляется, когда он опускает взгляд с моего лица на грудь. *Он заметил, насколько быстро я дышу?*

Я стараюсь успокоиться, но комок тревоги застрял в горле. Я уговариваю себя прекратить теревить подол платья, но пальцы меня не слушаются. Джон притормаживает и поворачивает за угол.

Вход кофейни светится мягким светом. Снаружи полно людей и я пытаюсь восстановить дыхание.

— Что ж, мис Кеннеди, кажется, мы проведем вместе практически два дня. Посмотрим, как вы с этим справитесь.

— Это означает, что я в вашей команде?

— Я приму решение в четверг. Вы свободны на остаток вечера? Как вы знаете, мой график полностью изменился, и мне нужно подготовиться на завтра. — Он говорит и мне интересно, во что, блин, я только что влезла. Машина останавливается, и он открывает дверь, выходит, прежде чем я могу ответить.

Не важно. Я сделаю все, чтобы получить VIP-пропуск в парламент. Мы начинаем сегодня, и я хочу, чтобы он убедился, что я не бездельница и могу побороть все, что встретится мне на пути.

Я сделаю все, чтобы подняться по этой лестнице. Месяц — четыре недели, чтобы показать ему реальную выгоду, прежде чем моя стажировка закончится. Я должна найти свое место без помощи своей семьи, с помощью мужчины, который может быть сильнее, чем целая семья. *Президент Беннетт Стоун* — он должен им стать — мы можем это сделать, если я смогу спуститься с небес на землю.



# Глава 4

## Собрание Кворума

ЧЕРТ, я не могу выпустить из рук записку, на которой розовыми чернилами написан «ИНТИМ ПОМОЩЬ». Я не смотрю на страницу, на которую она указывает пальцем.

Конечно, голос в моей голове кричит отдать, но я этого не делаю. Некоторое время мы говорим о разных вещах — не спрашивайте меня, о каких — в них нет никакой логики.

Она говорит о войне, как об исключении. Вот какво это сидеть рядом с ней в присутствии водителя. Я бы лучше торговался с ней в постели. Кеннеди в военной реформе — я помню что-то такое, но поток грязных мыслей о том, как я трогаю ее тело, бушует во мне и превращает все ее слова просто в шум.

Я поймал себя на том, что есть много вещей, в чем бы эта девушка могла послужить мне, помимо дел в парламенте. Она не должна сидеть и изучать законодательство, участвовать в слушаниях или отвечать на телефонные звонки. Я не рассматриваю ее, как часть моего персонала.

Моя идея не включает в себя мои внутренние и внешние политические мнения, скорее разработку законопроектов. Если забыть о моей стремительной политической карьере.

То, чего я от нее хочу, может погубить меня.

Если я не придумаю и не спланирую, как соблазнить эту женщину и заставить *держат* язык за зубами. Ее слова — не мои.

Когда мы смотрим друг на друга, жила на ее шее сильно пульсирует, и я чувствую, что мне просто необходимо трахнуть ее. Действительно трахнуть. Все, что мне нужно в жизни — это работа, много работы и то, что я от нее получу. Так почему бы не это?

С тех пор, как я встретил ее, не могу забыть. И не смогу, если мы будем так близко. Я не воспринимаю ее в качестве стажера — она другая.

Конечно, было время, когда я полностью проверял девушек, для кого позиция сабмиссива была в новинку, показывал все грани своей похоти — все детали.

Бессмысленные проверки.

Я смотрю на нее — осматриваю сверху до низу, не пытаюсь скрыть того, что я делаю. Боже, она просто потрясающая, со своей внешностью и мужеством. Я пытаюсь сосчитать, сколько удовольствия я получу, обладая ею, применяя все игрушки и трюки, что есть в моей пещере.

Мозг на пределе, я чувствую, как похоть разливается по моим жилам, и адреналин наполняет кровь, умоляя меня взять ее.

Вот дерьмо, я и в правду готов показать Кеннеди жесткий секс, а потом научить всем грязным штучкам, которые она может сделать, чтобы удовлетворить меня.

Мышцы во всем моем теле напряглись, я ослеплен желанием и мысленно раздеваю эту женщину, представляя ее с разведенными по сторонам руками, завязанными глазами и заткнутыми ушами, прикованную наручниками.

*Стоун, ты сошел с ума?*

Когда мы подъезжаем к кофейне, я слышу голос в голове, который чертовски раздражает: «Не вздумай даже приближаться».

В КОФЕЙНЕ пройдет неформальная встреча, которую я мог провести даже во сне, но вместо этого каждая частичка моего тела безудержно тянется к женщине, стоящей рядом со мной.

Мужчина хлопает меня по спине.

— Сенатор, правда ли то, что говорят о миграционной реформе? Что думает президент?

Черт, я с трудом могу произнести свое имя, а мне надо говорить. Я отвечаю на один вопрос за другим, когда на самом деле я будто нахожусь в своем персональном аду, где галстук больше напоминает петлю. Стоя с чашкой кофе в руке я мечтаю о том, чтобы в ней был «Скотч».

Приходит все больше и больше людей. Кеннеди отвечает на вопросы или отправляет людей ко мне, проведя предварительную беседу. Она ведет себя вполне естественно, но в переполненном людьми помещении наши тела неизменно соприкасаются и в один из таких моментов она задевает мой полувозбужденный член.

Больше, чем один раз. Я не могу направить свое тело в сторону от нее. Я еще раз посмотрел на нее и увидел, как она облизывает свои розовые губы и смотрит на меня в ответ.

Каждый раз я чувствую, как ток пробегает сквозь мое тело. Я мог бы провести всю ночь, глядя на нее.

Начали звучать аплодисменты, и я сосредоточился на картине впереди меня. Я иду к микрофону и оглядываю помещение кофейни.

— Мы живем во время непревзойденных возможностей и неопределенности. Сейчас я рассматриваю соседние объединения, как метафору для того, что мы должны сделать, как нация в двадцатом веке, и то, что сделала предпринимательская ассоциация «Бэк Бэй», здесь в Бостоне — яркий пример. Ваша поддержка феноменальна и ваше участие в формировании общества заслуживает признания. — Я протягиваю свою чашку в сторону некоторых избирателей, пока мой взгляд не натывается на Кеннеди... и мой разум на секунду отключается. Я чувствую, как наружу рвется стон, но заглушаю его, продолжая речь, которую за последний месяц я произносил бесчисленное количество раз. В конце я благодарю всех за то, что пришли и киваю, оттягивая свой воротник, я встречаю ее взгляд.

Я подхожу к ней.

— Есть какие-нибудь мысли или предложения по улучшению? — спрашиваю я, улыбаясь тому, кто хлопает меня по спине в ответ на поздравления, раздающиеся вокруг.

— Все в восторге от того, что вы здесь, — говорит она, улыбаясь и глядя на людей вокруг.

Не все. Я бы предпочел вернуться в отель.

— У тебя хорошо получается работать с толпой.

Она смотрит на меня и произносит.

— У меня есть опыт работы на массовых мероприятиях.

Каждый раз, когда я смотрю на нее она делает что-нибудь, что вызывает во мне желание утащить ее в подсобку и прижать к стене, желая узнать, играет ли она со мной или правда хочет, чтобы я ее трахнул. Находиться рядом с ней в машине было просто пыткой, и я не могу дождаться, когда мы выйдем отсюда.

Часом позже я практически бегу к двери, держа ее за локоть, веду нас к ожидающему у тротуара «Бронко».

— До свидания, — говорю я всем, кто стоит вокруг.

— Сенатор Стоун? — К обочине подходит пара. — Мы не знаем, как отблагодарить вас не только за то, что вы сегодня были здесь, но и за все, что вы делаете.

— Добрый вечер. Как вас зовут? — Я улыбаюсь и протягиваю руку.

Они представляются, муж и жена, владельцы книжного магазина, находящегося неподалеку. Я представляю Кеннеди.

— Мой стажер. Мис Кеннеди. Очень приятно и я благодарен вам за то, что вы пришли.

Мы разговариваем в течение нескольких минут и я получаю полное представление об уровне харизмы Ксавии Кеннеди, пока мужчина не кивнул и потянув жену за руку сказал:

— Не хочу тратить ваше время на разговоры.

Я моргаю и осознаю, что это полное дерьмо. Я пялился на Кеннеди.

— Я бы мог стоять здесь и разговаривать всю ночь. — Мы все смеемся, и я перевожу взгляд на девушку, стоящую рядом со мной. Мы снова обмениваемся рукопожатиями, и пара уходит, а я поворачиваюсь к ней.

— Готовы? — спрашивает она шепотом.

— Да. — Я веду ее к машине, и мы тихо садимся на заднее сидение. — Джон, отвези нас в отель, — тихо произношу я и откидываюсь назад, глядя на девушку, которая чуть не поставила меня на колени.

\*\*\*

ВОДИТЕЛЬ достает мой багаж и мне кажется, что она нервничает, будто хочет сообщить что-то важное.

— Ты хочешь, чтобы водитель подождал? — спрашиваю я, чтобы определиться с нашими планами.

— У меня есть квартира в городе, — отвечает Кеннеди в конце нашего пути.

— Я догадывался, — отвечаю сухо. Она собирается распрощаться со мной, после того, как пыталась меня убедить, что она может быть частью команды? Типичный ребенок богатеньких родителей.

— Но я могу остаться здесь, если у них есть свободные койки.

Слово «койка», слетевшее с ее языка, подействовала на меня, как бомба, сдетонировавшая в моей голове.

Мы стоим посреди тротуара, я уже на полпути к тому, чтобы достать из кармана бумажник, когда вижу, что водитель смотрит на нее. Я встречаю его взгляд и замечаю, как дернулись его губы, чтобы позвать ее. *Извини... Забудь об этой девушке. Хотя, она, безусловно, манит.*

Конечно, это испытание, с которым сталкивался любой парень. Я мог бы просто остановить водителя, но я пойду другим путем. Еще никому не удавалось взять меня за яйца.

— Учитывая то, что у нас много работы, которую необходимо сделать, это было бы наилучшим вариантом, — говорю я с фальшивым апломбом, отсчитывая чаевые водителю и стараясь игнорировать мысли о постели, которой будет принадлежать ее тело всю ночь.

Я смотрю на нее и стискиваю зубы. Эта мысль может вылиться во множество других.

Джон — волонтер неизвестно откуда, он мог написать эту записку, а может и хуже. Я готов распрощаться с рассудком прямо в лифте, забыв о том, что хочу спать. Трахнуть Кеннеди у стены — звучит впечатляюще, и я не отступлюсь на этот раз, если представится возможность.

— Сенатор, позвольте мне пойти заказать номер. — Внезапно она наклоняется ближе, усиливая зрительный контакт и заставляя меня почувствовать ее запах с легкими нотками цитруса... Разум покидает меня, и я забываю о мире вокруг нас.

Боже, ее зрачки сильно расширены, оставив лишь небольшой ободок цвета арктического глубоко ириса вокруг них. Ее взгляд впивается в меня, проникая все глубже и глубже.

Интересно, что происходит в ее голове и почему между нами такая неразрывная связь, что все, о чем я могу думать, о том, чтобы подняться наверх, раздеть ее, привязать к моей кровати и провести следующие несколько часов трахая ее снова и снова. Жестко. Сильно. Можно описать мой способ занятий сексом, как брутальный, учитывая то, насколько сильно я доминирую над девушкой.

От нее требуется всего лишь согласие на то, чтобы участвовать в этом. Поток похоти застилает мой разум. Каждая грязная фантазия о том, что бы я делал с Кеннеди, которыми я развлекался последние семь недель, пересиливает здравый смысл, пока я борюсь с желанием прижать ее к машине, притянуть за голову и соединить ее ротик со своим.

— Эй, все в порядке? — спрашивает она, пока я думаю, что ответить.

*Решение принято. Я должен трахаться с этой девушкой. Долго и страстно.*

Протягивая водителю деньги, я говорю ей.

— Запиши это на мою кредитку. — После чего добавляю. — Спасибо, Джон, увидимся завтра.

Когда портье берет мою компьютерную сумку, я замечаю, что водитель салютует мне, прежде чем сесть в машину без лишних слов, пока персонал отеля уносит мой багаж.

По крайней мере, мне так кажется. Я не могу точно сказать, кто и что делал вокруг меня, пока я доставал кредитку и протягивал ее Кеннеди.

Я жду ее реакции, подбирая следующие слова. Мне надо сходить выпить, расслабиться и обдумать свой следующий ход. Есть небольшая доля вероятности, что она согласится пойти наверх и разрешит мне дико трахать ее. Я заведен до предела.

— Надеюсь, у них есть свободный номер, — шепчет она, обращая свой взгляд на водителя.

Вот снова она коснулась моей руки, вырывая меня из страны грез, я держу бумажник и почти роняю его. Черт возьми, возле Кеннеди я неуклюж. Между нами происходит химия, что держит нас в непосредственной близости.

— Возможно, придется просидеть до утра.

Слова сейчас не мой конек, я представляю ее обнаженной, связанной и подо мной.

— Ничего страшного. В колледже все становятся полуночниками. — Она берет мою кредитку, и ее шелковистые пальцы скользят по моей руке, посылая ток вверх по ней.

— В политике не намного лучше, — бормочу я.

В данном случае я не знаю, смогу ли держать дистанцию, если она будет сидеть рядом со мной на диване в моем номере. Я слышу тревожный звоночек. Учитывая ее дразнящее поведение и тот поцелуй, которым мы обменялись однажды, она должна была представлять, как я безостановочно трахаю ее.

Мысль о том, чем мы могли бы заниматься с ней, занимает все мои мысли, и я ослабляю галстук. Как же мне найти выход?

— Я не сомневаюсь, — отвечает она.

— Может быть так, а может, и нет, посмотрим, — говорю я, направляясь к входу.

Войдя вместе с ней в отель, я сосредотачиваюсь на отражении ее попки от глянцевой

поверхности половиц. Они гладкие, из темного полированного дерева, и я захвачен звуком от ее каблучков.

За несколько шагов до стола регистрации она замедляется и обхватывает пальцами мою руку.

— Мы пришли. Я проверю нашу бронь, если вам нужно сделать несколько звонков.

Такое ощущение, что ее пальцы укрепляют мое решение сделать следующим шагом кампании пункт — затрахать ее. Проблеск реальности вонзается в сознание, и я засомневался в собственном рассудке.

Я настолько возбужден, что больше всего на свете я хочу засадить член в нее, но если она против, малейший намек на скандал может уничтожить мое имя, имидж, а Сенат США окажется в центре внимания. Такой пиар в прессе не нужен ни мне, ни Белому Дому.

— Я не знаю, сработает ли это, — сказал я осторожно, смотря на ее ротик и чувствуя жар женского тела.

В эту же секунду, я осознаю, что облажаюсь с такой девушкой, как Кеннеди, и я сжимаю челюсть, чтобы не выдать, что меня беспокоит.

— Снова? — Она возмущается. — Послушайте, я здесь, чтобы работать. А то, что Вы вообразили, все полная чушь, Сенатор Стоун. Абсолютная и не подлежащая обсуждению чушь.

Огонь желания обжигает мои рецепторы, давая понять то, что происходит между нами далеко за пределами нормы даже для меня. В секретном мире, где ролевые игры опираются на инстинкты, я отбрасываю осторожность к чертовой матери.

— Прекрасно. Если ты готова принять то, что я приготовил.

Я посмотрел на ее пальцы, нервно теребящие ручку, сфокусировавшись на насыщенно-красном лаке ее ногтей.

— Мне необходимо выпить, Кеннеди.

Отворачиваясь от нее, в голове у меня был единственный план — найти бар. Больше никаких вопросов, мне нужна выпивка, как способ остановить себя же от ее изнасилования. Я обвел взглядом холл, отмечая несколько диванов. Темный прямоугольник врезан в дальней стене, где мерцают белые огни, напоминает мне о Рождестве.

Я подавляю эту мысль, иначе, несомненно, появится тошнота, поскольку я не люблю праздники.

— Вы куда?

Глаза ее расширяются до размеров блюдца, и я подбородком указываю на зону отдыха.

— Я буду в том баре.

— Тогда встретимся там.

Кивнув ей, я не могу быстро уйти, меня одолевает желание вернуться обратно. Пара стопок «Скотча» и бокал односолодового «Виски» должны помочь мне. Черт, я готов пить нефильтрованный самогон, если это облегчит боль, расползающуюся по моему телу при виде Кеннеди и ее чертовых розовых губ.

— Это был долгий день и нам предстоит не спать до самого утра. — И дерзость от того, что она здесь: поражает меня. Дважды мы находились в опасной близости друг от друга и от реализации наших желаний.

— Почему ты приехала в аэропорт, если могла встретить меня завтра утром?

Она улыбается.

— Я не хотела упустить такую возможность, и когда Нора поручила это мне, она

напомнила, что вы только-только распустили свою команду. Она поменяла ваш график и беспокоилась о вас.

— Слишком много забот, и я понимаю, что частично в этом есть твоя вина. Спасибо. — Мы слишком близко.

Я обнажал перед Кеннеди неприятную истину. Она из тех женщин, кто никогда не скажет, чего она хочет на самом деле. Один раз попробовать ее на вкус и мне захочется снова. И снова.

Я чувствую, как осознание всей ситуации прокатывается через мое тело и все больше давит на меня чувство потенциальной опасности, которую она представляет. Можно подумать, что я смогу найти выход, но это не так просто. Уже нет.

Я молча отхожу от нее, но было бы лучше, если бы она развернулась на своих неимоверно высоких каблуках и побежала прочь.

— Не за что. Это было не трудно.

— Через некоторое время, прежде чем я вернуться в кампус я жду интерактивной конференции с независимыми слушателями.

— Интерактивной? — спрашивает она.

— В режиме реального времени. — Я напрягся и замер. Может у нее есть что-то, что поможет этой беседе? Этот вопрос не дает мне покоя, и я нахожу первый попавшийся ответ, но меня все это время интересует только несколько вещей, которые мне может дать Кеннеди. — Интересно быть любимчиком публики. Нам надо поговорить.

— Действительно. После того, как я зарегистрируюсь, я принесу ваш ключ к бару, хорошо? — Ее вопрос прозвучал вполне невинно, но учитывая силу нашего взаимного притяжения, я задаюсь вопросом: «А так ли она невинна?»

— Звучит неплохо, — отвечаю я. Неплохо? Мне это нужно. Единственная стратегия, которую я смог придумать — это дать ей решать самой. Этого мало, но это все, что у меня есть. Ни споров, ни выдуманных диалогов или флирта.

Она сдвинула брови, кивнула и направилась к стойке регистрации.

— Какие-то особые пожелания, касаемо номера?

— Кровать. Огромная. Что ты пьешь? — искушая судьбу, я предложил ей выпить и жду ее ответа.

Она ловит мой взгляд.

— То же, что и вы.

Я удивляюсь.

— Ты пьешь «Скотч»?

— Конечно. Почему нет? — Она останавливается посередине и смотрит на меня. — Я гораздо жестче, чем кажусь.

— Я в это верю. — После того, как я встречал немало милovidных женщин, которые с легкостью могут перебить меня, я не хочу превращать это в банальную пьянку. — Отлично, тогда мы выпьем «Скотча» и обсудим стратегию для нашей кампании в Бостоне.

Она провокационно улыбается, разворачивается на каблуках и уходит, оставив меня замороженно смотреть ей вслед.

Эта необъяснимая связь между нами сводит меня с ума.

Если я не возьму себя в руки и не начну контролировать свою реакцию на нее, мне потребуется осушить весь бар, чтобы унять эту тягу к тому, что она обнажает во мне. Потерявшись в своих мыслях, я пересекаю вестибюль, представляя Кеннеди подо мной. Я

рассматриваю возможность того, что она все еще девственница. Я не трахаюсь с девственницами.

Я почти погряз в своих фантазиях, бормоча проклятия себе под нос. Бен, твою мать, заткнись! Если Кеннеди — девственница, то я готов просто отшлепать ее по ее же аппетитной попке. По каждой ее выдающейся части.

\*\*\*

Внутри бара достаточно многолюдно для среды. Я нахожу свободное место, снимаю куртку, вешаю ее на спинку стула и заказываю наши напитки. Я провожу рукой по волосам и замечаю горящие взгляды нескольких женщин. Я перевожу взгляд из под полуопущенных очков на телевизор, где идет игра «Ред Сокс», которая почти закончилась.

Когда бармен приносит напитки, я киваю и подписываю чек. Оставшись снова в одиночестве, я делаю глоток. Это был безумно длинный день. «Скотч» растекается теплом от языка к желудку, и я откидываюсь на спинку, показывая бармену, чтобы он принес еще.

Недолго думая, я беру рюмку Кеннеди, почему бы и нет. Поднося стопку к губам, я скольжу пальцами по деревянной поверхности барной стойки и думаю о разнице между твердой поверхностью и мягкой кожей. Я смотрю в зеркало, висящее напротив, и вижу не только себя, но и то, что происходит вокруг. Затем вижу, как Кеннеди пересекает вестибюль.

Для стажера она выглядит незаурядно. Более стильной, в ней что-то есть.

Ксавия Кеннеди, которая заводит меня. Я стою и люблюсь ею, опираясь на локоть и отпивая из ее стакана. Это был уже второй шот, и когда бармен ставит передо мной третий, я киваю ему, чтобы он повторил и продолжаю наблюдать за моим стажером.

Женщина рядом со мной наклоняется и спрашивает, есть ли у меня сигареты. Я трясую головой ей в ответ, не обращая на нее внимания. Она, безусловно, привлекательна, но не мой тип. Никто в этом гребаном мире не мой тип, кроме одной женщины и я хочу выяснить, насколько она подходит мне.

«Скотч» действует, как волшебный эликсир, я чувствую себя расслабленным и к тому моменту, как Мис Кеннеди направляется ко мне, у нас есть две рюмки, которые ждут нас на барной стойке.

Наконец-то, мои мысли прояснились и я возвращаюсь в игру.

Она пересекает зону отдыха, входя в бар. Я чувствую себя легко, будто не слежу за каждым ее шагом. Я грызу зубочистку и вижу, как легкая улыбка расплывается на ее лице. Даже на каблуках, она на полголовы ниже меня.

Получается, что босиком она еще ниже. И я уверен, что секс с ней у стены будет ярким моментом моей предвыборной кампании.

Я чуть не застонал от мысли о том, как мой член погружается в нее, и подвинул свободный стул к бару.

— Присаживайся, — говорю я ей, и она снимает сумку с плеча. Я перехватываю ее за ремень и кладу на барную стойку. — Что происходит в мире? — спрашиваю я, глядя на ее сумочку.

— Мне нравится быть подготовленной, — отвечает она. — Не знаю почему, но мне это нужно.

— Многие люди в настоящее время управляют своим бизнесом по телефону, — говорю я и смеюсь, протягивая ей ее бокал. Беру другой и поднимаю его. — За путь наименьшего

сопротивления.

— И за выполненную работу.

Если бы она только знала, как на меня подействовали ее слова, и какие грязные мысли пришли мне в голову.

— Что ж, сколько стажировок у тебя было, когда твой начальник полный сукин сын? — Я отпиваю немного, глядя на нее поверх оправы очков.

— У меня было время, чтобы привыкнуть к сукиным сынам... Не забывайте о моей семье. — Она делает небольшой глоток «Скотча» и морщит нос.

Ущипните меня, но эта девушка не пьет многолетний «Виски». Интересно, пьет ли она вообще.

— Это не считается. Ты не можешь их избежать.

— Что ж, посмотрим. — Ее лицо светлеет, и я снова вспоминаю, сколько у меня накопилось вопросов относительно этой девушки, и их список продолжает расти.

Я допиваю свой напиток и ставлю стакан на стойку бара, и решаюсь спросить о том, что меня так беспокоит.

— Есть что-то особенное, что мне нужно знать о тебе или о том, что ты хочешь получить от этого всего?

— Что вы имеете в виду? — Она цепляет пальцем оправу своих очков и опускает их вниз, встречая мой взгляд. Мы смотрим друг на друга. Это то, что мы делали с момента нашей встречи и мне кажется, что она хочет чего-то от меня. Но чего?

— Смотри, ты пришла ко мне или в мой офис после... после того, как мы уже встречались. Правильно? — Я хотел сказать «после сцены в коридоре», но вовремя остановил себя.

— Да. — Она пожимает плечами и поднимает свой бокал, отпивая янтарную жидкость и аккуратно облизывая языком губы, чтобы подобрать каплю в уголке ее прелестного рта.

Своим пропитанным алкоголем мозгом я пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили, учитывая, что все, чего я сейчас хочу — это попробовать ее рот на вкус, сосать и кусать эти губы. Услышать, как мое имя срывается со стоном с ее губ.

— Давай не будем строить из себя правильных. Правда куда более тривиальна. Ты так не считаешь? Я уверен в том, чего хочу от тебя и от каждого человека в моей команде.

— Я заинтересована в том, что происходит в офисе сенатора. Как стать тем человеком, который вам нужен? Или достаточно просто быть честной?

— И ты только что забрала меня после того, как я вернулся из Нью-Йорка? — Я качаю головой. — Ты хочешь быть в моей команде. Первый урок политики, все чего-то хотят. Надо только найти, чего. Так что же это?

— Чего хотите вы?

— Отвечать вопросом на вопрос — не самое хорошее начало.

— Не важно. И каков же второй урок? — спрашивает она, не отпуская моего взгляда.

Я наклоняюсь ближе и шепчу.

— Понять, можешь ли ты дать им то, чего они хотят. Существуют сотни правил, но давай пока остановимся на этом. Хорошо?

Она открывает рот и мне кажется, я слышу, как ответ срывается с ее губ, но она остановилась, мягко и едва слышно выдохнув.

Красивая девушка в раздумьях. Это не тот момент, когда надо отвлекать ее. Я жду. Я знаю эту уловку — дать оппоненту несколько секунд, чтобы собрать свои мысли. Если бы



Кеннеди была мужчиной, я бы не устоял от соблазна пригрозить увольнением, но очевидно, что ей это нужно, она способна на это.

Ее ресницы дрожат. Из чего же она сделана — из стали или из мягкого пуха? В любом случае, и то и другое весьма соблазнительно.

Мой член становится тверже, напоминая мне, что я мог просто вторгнуться в ее личное пространство; черт, я должен ворваться в ее ротик. Целовать ее раскрытые губы, ласкать ее язык своим, стащить ее с барного стула и показать, чего я хочу. Она втягивает нижнюю губу, ее взгляд все еще прикован к моему и, черт, такое ощущение, будто она сосет головку моего члена своими пышными розовыми губами.

Ее грудь опускается и поднимается, дыхание становится чаще, она кивает.

— Я дам вам то, чего вы хотите, Сенатор. Мою внимательность и активность. Вы дадите мне доступ в свой офис. Это то, что нам обоим нужно?

— Звучит, как деловое предложение.

— Разве это не то, что вы хотели услышать?

Возможно, во мне говорил алкоголь, или же это говорил мой член, но я выложил все карты на стол, чтобы выяснить все до конца.

— Одна ночь. И все будет.

— Одна ночь? С вами?

— Да. Ночь. Это все, чего я хочу, и мы не будем обсуждать это после. Никогда. — Я говорю тихо и оглядываюсь вокруг, пытаюсь понять, может ли кто-нибудь слышать нашу маленькую беседу. — Ты поняла мои условия?

— Один раз. И я ваш стажер. Полноправный член команды.

Я поправляю ее.

— Одна ночь. Это может быть и больше, чем один раз.

Ее зрачки снова расширились, пока ее глаза не стали полностью черными и она кивнула.

— Да. Я согласна.

— Выпей, — говорю я своему новому стажеру, чья сила воли прочнее стального алмазно-титанового материала.

— До дна, — шепчет она.

Я напрягаюсь от ее слов.

— Так и сделаю.

Черт, она прекрасно понимает, какую линию она только что перешла. Я отдаю деньги бармену и начинаю с самого первого пункта из списка, приготовленного для этой девушки.

— Пойдем.

Она отставляет свой стакан, чем удивляет меня и берет свою сумочку, слезает со стула рядом со мной, пока я подписываю наш чек. Мы выходим из полумрака бара в залитый светом коридор и подходим к лифту. Я нажимаю на кнопку, поглядывая на женщину, которую я заставляю выкрикивать свое имя и кончать на моем члене. Двери лифта открываются, и я пытаюсь заставить себя расслабиться.

— Одиннадцатый этаж, — говорит она мягко, не спрашивая меня.

Мой счастливый номер и как только закрываются металлические двери лифта, я рычу.

— Чертово ожидание. — Мои слова, казалось, разорвали тишину кабины лифта.

Я оборачиваюсь и упираюсь рукой в стену позади головы Кеннеди, опуская взгляд, чтобы посмотреть на нее, в то время как она неотрывно смотрит на меня. Вена на ее шее

пульсирует, и я смотрю на несколько светлых шелковых прядей, выбившихся у нее из-за уха. Мы смотрим друг на друга, и я больше не хочу терять ни минуты.

Я роняю свой пиджак и обнимаю ее за талию, положив пальцы на бедро и резко притягивая ее к себе. Она втягивает воздух, когда я оказываюсь близко, и наши тела встречаются. Господи, это даже лучше, чем в первый раз. Так приятно ощущать руками ее мягкость. Я не могу остановиться и толкаю ее, и теперь она прижата моими бедрами к стене лифта.

Я прижимаюсь своими губами к ее, но они по-прежнему остаются закрытыми. Упрямый стажер.

— Откройся мне и ответь на чертов поцелуй. — Я потянул ее за волосы, глядя ей в глаза и поднял бровь. — Или я трахну тебя. Ты этого хочешь?

— Думаешь, сможешь? — шепчет она, взяв меня за галстук. — Лучше не останавливайся сейчас!

Я прижался к ней.

— Мы и не будем останавливаться. Это будет грубо.

— Тебе хватит смелости, чтобы сделать это?

— Лучше ты скажи мне. — О, как же я буду наслаждаться ее дерзостью. Пока она говорит своими потрясающими губами, я тяну ее за волосы, открывая тонкую шею.

— Так и будет, детка. Открой свой охренительный ротик для меня.

Я наклоняюсь, и наши губы встречаются, в этот раз она готова и хочет этого. Боже, она такая сладкая на вкус, как я запомнил... даже слаще, когда наши языки встречаются и она дразня скользит своим языком по моему, как же будет прекрасно, когда она разденется. Я отрываюсь от нее. Я готов зарычать, но сдерживаюсь, притягивая ее ближе.

Она кусает за мою губу в ответ, и я чувствую укол боли, который прокатывается по телу к члену.

— Укольчик, — шепчет она.

— Ты даже не можешь себе представить. — Я прижимаю свои бедра к ее, ища то мягкое местечко, в котором я скоро окажусь.

Лифт подает сигнал, а я не готов ее отпустить. Черт, из коридора снаружи раздаются голоса, заставляя меня отступить, чтобы мы могли выйти. Я наклоняюсь, чтобы поднять пиджак и вижу ее ноги, особенно ее изумительные туфли.

Эти ноги окажутся на моих плечах очень скоро.

— После тебя, — промурлыкал я, слизывая блеск с моих губ.

Кеннеди открывает дверь ключом и готово.

— Комната № 1110. Вперед.

Мне нравится, что она не болтлива и говорит всегда по делу. Надеюсь, что это часть ее обаяния.

— Отдай мне карточку, — сказал я возле двери.

— Любишь командовать? — она протягивает мне карточку, изогнув бровь и хитро улыбаясь.

Я хочу затащить ее внутрь и прижать к стене. Боже, она меня заводит. Мы заходим, это стандартный номер с двумя кроватями. Я так понимаю это ее номер, оглядываюсь, включая свет в ванной, прежде чем подойти к окну. Я включаю кондиционер, кидаю пиджак на стул и спешу освободиться от галстука и скинуть ботинки.

— Ложись на кровать. — Я держу галстук в руках и многозначительно смотрю на нее. Я

подхожу ближе, готовый подстегнуть ее, если она не начнет шевелиться.

Повернувшись на каблуках, она подходит к кровати, и я следую за ней. Она ставит сумочку на комод и ждет меня у края постели.

— Стой здесь. Сними вещи, или я сорву их с твоего прекрасного тела, — говорю я, глядя на нее.

*Черт, мне нужна минута.* Я сдергиваю с кровати покрывало и кидаю на пол. Расстегивая ремень, я вытаскиваю его и кладу вместе с галстуком на кровать. Она внимательно смотрит на меня у постели, пока я расстегиваю рубашку.

Если она думает, что я повторяю приказы, то ей придется многое выучить за эту ночь. Я могу трахаться часами и не кончать. И с ней я готов сделать все, что потребуется, чтобы показать ей, что она должна исполнять мои приказы. Я хочу насладиться ею много раз.

Сначала я расправляюсь с запонками, а затем подхожу к ней с единственной целью — помочь моему стажеру понять, кто тут главный. Не говоря ни слова, я беру ее за руку и подталкиваю до тех пор, пока ее колени не упрутся в матрас.

— Я дал тебе приказ. Достаточно простой. Какие проблемы? — Не дожидаясь ее ответа, я разворачиваю ее, обнимая за талию и прижимая попкой ко мне. Я скольжу пальцами под подол платья, наслаждаясь ощущением ее мягкости и ее запахом.

К моему удивлению она шепчет.

— Пожалуйста.

— Надеюсь, что ты просишь большего. Это твой единственный шанс. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя? Без всяких почестей, и когда я говорю «жестко» — это то, что я имею в виду. Ты должна сказать мне, готова ли ты к тому, что мы собираемся сделать.

Она перестала крутить бедрами. Ее плечи поднялись и опустились, когда она глубоко вздохнула и выдохнула.

— Да.

Я опустил руку и поднял подол ее платья. Она снова была в подвязках и кружевном белье. Я без сомнений вижу, что она очень сексуальна в этих подвязках и стрингах и я хочу ее без этого платья, чтобы видеть, как погружаюсь и выхожу из нее. Есть только одна причина, по которой женщины носят подвязки и она далека от обсуждения политики.

— Ты хотела, чтобы я трахнул тебя в лифте? Готов поспорить, учитывая то, как ты ходишь.

— Слишком много разговоров. — Язвительно отвечает она и пытается повернуться.

Я удержал ее.

— Вот тебе одно единственное предупреждение. Отвечай на вопросы с первого раза, Мис Кеннеди.

Она рассмеялась и ответила.

— Ты — эгоистичный придурок.

— А ты чертовски дразнишься. Разве нет? — спросил я, стиснув зубы. — Согласись, и я займусь твоей прекрасной попкой.

— То есть, ты не скажешь мне, что это *ошибка* и не остановишься снова?

Она злится. Я понимаю это.

Она права, я был придурком.

Но свежесть ее рта заводит меня.

— Черт... Я буду рад научить тебя некоторым манерам. — Я провожу руками по ее телу до застежки платья. На шее небольшая перламутровая пуговка, я быстро расстегиваю ее,

пока просто не сорвал его с нее. Я чувствую себя фокусником, сдерживающим плотно с роскошного стола.

— Ты сошел с ума? — кричит она и поднимает кулаки, пытаясь ударить меня, словно злая дикая кошка.

— Не двигайся. — Я удерживаю ее за талию и притягиваю ближе к себе. Я чувствую, как стучит ее сердце. Затем осторожно веду ее к кровати, а платье скользит вниз по рукам, я провожу губами и зубами по ее коже, но опасаясь получить ногой в пах. — Наклонитесь, Мис Кеннеди и примите его, как большая девочка.

Отпустив ее, я достаю из бумажника презерватив и срываю фольгу зубами. Я освобождаю свой член и одеваю на его латекс, пробегая взглядом по ее спине.

— Что ты собираешься делать? — выдыхает она.

— О, я больше чем уверен, что ты сама можешь ответить на этот вопрос. — Мой член прижимается к ее идеальной заднице и я чувствую себя нелепо, как будто никогда этого не делал. Никогда. Я надавливаю на ее плечи, опуская ее руки на кровать. — Стой так.

Расставив ее ноги врозь, я срываю с нее трусики. Я твердый, как никогда раньше, лишь от одного взгляда на ее задницу. Я поймал себя на желании отшлепать ее по сливочным ягодицам и трахать, пока не уймется похоть и желание, растущие во мне в геометрических пропорциях.

Потянув ее назад за бедра, я провожу членом по ее мягким складочкам, ища вход. Остановился у входа в ее киску, я такой твердый для нее.

— Пусть это, наконец, начнется, — говорю я, полностью погружая свой член в нее.

Она прижалась и подняла свои бедра, давая мне потрясающий вид на то, как мой член блестит, входя и выходя из нее. Я двигаю бедрами, погружаясь в нее быстрее и глубже. Она наклонилась вперед, но прежде, чем она еще хоть немного двинулась, я вжался в нее своим членом, пока она не кончила. Сжимаясь вокруг меня так, будто видит звезды.

Черт. Я сказал, что могу не кончать всю ночь? Ощущение накатывающей волны прокатилось по мне, и я проник членом глубоко в нее, чтобы немного успокоиться и обрести контроль.

Я нашел ритм, от которого я не кончу за следующие пять толчков. А что насчет этой женщины, которая заставила меня подойти к ощущению блаженства так быстро?

Факт в том, что ее киска выкидывает все мысли из моей головы, но ведь у меня были женщины раньше. Но не такие. Это карма, наказывающая меня за мое эго. Я пытаюсь научить ее тому, что начинать стоит после того, как поймешь, что ты можешь себе позволить... тщеславный шаг с моей стороны.

Она узкая и мокрая и я не могу делать больше ничего, кроме как погружать свой член в нее, она кричит. Я снова проникаю в нее до основания, пока мы не оказываемся, плотно соединены друг с другом.

Я проникаю в нее глубже, погружаясь в ее тепло, не пытаюсь отсрочить свой оргазм. Она заставляет меня кончать, и я не могу остановиться.

*Чаще всего, я — машина для секса.*

Пот льется по моей коже, приклеив рубашку к плечам, падая со лба и застилая глаза.

Скорее всего, эта девушка преподаст мне несколько уроков, начиная с моего эго. Я совершаю четкие движения бедрами, чувствуя, как я кончаю. Это лучший секс за долгое время.

— Боже, я хочу трахать тебя до тех пор, пока мы оба не увидим звезды, — прорычал я,

бурно кончая и желая прокричать ее имя.

## Глава 5

# Трахай жестко, становись мокрой

— СТОУН, ПОЖАЛУЙСТА, — шепчу его имя, сопровождаемое просьбой. Этого не может быть. Я позволяю ему делать это со мной — я жестко трахаюсь с ним. Находясь под ним без одежды, я готова мурлыкать его имя в некой секс-манере. Это эмоционально опьяняюще... к тому же, самое лучшее головокружительное путешествие за всю жизнь.

Его резкий смех исходит в мою сторону, и он вставляет свой член в меня, придерживая бедра.

— Вот так, ну же, маленький интерн. Вот так тебя нужно оттрахать, да?

Он, вероятно, говорит это каждой девушке, с которой занимается сексом. В кровати, я уверена, что он просто божественный подарок всем женщинам.

— Ты такой придурок.

— Неправильно, Кен-не-ди. — Он произносит мое имя, и его бедра двигаются в такт со мной, настолько энергично, что сложно не заметить, как его голос превращается в сексуальные слоги. Меняя темп, он приостанавливается, вводя член полностью в меня. И не останавливаясь, он отставляет, мои ягодицы и убирает член, рыча:

— Ох. Это просто прекрасно. Ты должна увидеть этот вид.

Я заглядываю за плечо и замечаю, как он пялится на наши тела.

— Что, наслаждаешься своим членом?

— Сладкая, он у меня достаточно большой, и нам обоим нравится видеть его в твоей горячей киске.

Отводя взгляд, я насмехаюсь над ним.

— Да ладно? Я что-то не заметила.

Он так усмехается, словно это самое потрясающее, что я когда-либо говорила.

— Ты говоришь это к тому, чтобы мы сделали еще шаг вперед? Я могу оттрахать тебя так, как никогда раньше. Просто попроси меня об этом.

Сжимаясь вокруг него, я выгибаюсь.

— Я могу взять все, что ты можешь дать.

Он снова смеется, и насмешливая нотка в его голосе еще больше обнажает меня перед его членом. Как и я, этот мужчина не лжет. Он держится, как настоящий спартанец. Просто идеальное дополнение к его гигантскому эго. Он чертов демон, и я не могу удержаться от этого соблазна.

— Милая, я буду тебя трахать до тех пор, пока ты не сможешь ходить, — обещает он, и вновь дотрагиваясь до моих бедер, входит в меня. Очень жестко.

Погружаясь в меня, он трется своими бедрами о мои, так и, заставляя меня принять его все глубже и глубже. Удар за ударом, он входит своим членом в меня, прижав мои плечи к матрасу, как будто прокладывает путь прямо к моей киске. Наклоняя голову, я понимаю, что переполнена удовольствием, которое проходит сквозь меня, словно горячий нож по маслу.

— О боже! — *Я больше не могу сдерживаться.*

— Тебе нужно еще, да? — Его пальцы путешествуют по моей спине, затем он хватается за мои запястья, хорошенько сжимая каждое. Он с каждым разом берет меня все сильнее и сильнее, вводя свой член. Трахая меня, он дотрагивается ладонями до моей груди, издает резкие звуки, и я просто трепещу под ним. Стоун сжимает чашечки моего лифчика и хватается

за грудь, овладевая моей плотью в своих теплых ладонях.

— Ты такой... — стону я, не в состоянии передать, насколько удивительно чувствовать его внутри меня.

— Черт! — прокликает он низким голосом, отводя мою голову назад, держа пряди волос, и хватая меня за подбородок, поднимая лицо к себе. — Я спросил тебя: согласна ты или нет? Если не хочешь, чтобы я научил тебя, как правильно вести себя, тогда ответь мне, черт подери! — Цвет его зеленых глаз превращается в черный, и я смотрю на него.

Я пропала. Настолько, что не могу лгать ему. Я жажду еще большего, что готова исполнять любой его приказ: главное — усилить этот безумный порыв.

— Да! Дай мне еще больше, — говорю я, и он вновь возвращается к моей груди, массируя каждую.

Стоун ведет себя со мной, как настоящее животное. Еще сильнее двигаясь бедрами, он входит в меня все глубже и глубже, теребя мои соски при каждом движении бедер.

Я кладу свои руки на его, сплетая наши пальцы.

— Пожалуйста, не останавливайся.

Без предупреждения, он зажимает каждую чувствительную точку между пальцами, доставляя еще большее удовольствие в низу моего живота.

Продвигаясь вверх, я стону, умоляя о большем. Мое тело отвечает на каждый его толчок, становясь все жарче и еще более смятенней, что уже готова упасть в пропасть. Все, что мне нужно, так это выпустить *это*.

Где же этот урок, который я хотела ему преподнести? Тот, где я поклялась быть холодной и бесстрастной по отношению к нему. Расчетливой.

Этого... не происходит. Он явно лидирует в своих обещаниях. Все, что бы я ни делала, не доходит до стадии завершения. *Я кончаю с интенсивностью циклона.*

— Ты отлично трахаешься, Кеннеди.

— Тогда трахни меня еще!

— Детка, ты думаешь, что сможешь выдержать все это? — Он приостанавливается, натягивая меня вновь на свой член, опуская руки.

— Да... все, что угодно. Покажи мне это, Стоун.

Он рычит протяжным стоном, гладит ладонями мои плечи, затем проводит пальцами вниз по позвоночнику. Я дрожу от его прикосновений, мышцы живота напряжены, и кончики его пальцев чувствуют, что я теряют самообладание.

— Черт! — Он обхватывает мою талию, вводя свой член настолько, что я не могу скрывать дрожь удовольствия, и начинаю кричать.

— Да! — Я чувствую абсолютно блаженство, тесно связанное с осколками боли.

Он жестко меня трахает, вводя свой член в мою киску вновь и вновь. И вновь. Беспощадно, он двигается, быстро меняя ритм, который так сокрушительно затрагивает мое самообладание, ...я очень близка. Я готова кончить. Он кружит руками по моим плечам, впиваясь пальцами, и толкает свою эрекцию очень глубоко, насколько может.

— Ох, — стону я.

— Всего лишь «ох»? Лучше говори: *Беннетт*, когда ты будешь на пике наслаждения. Я вскружу тебе голову, к тому времени, когда мы с тобой закончим... если ты, конечно, хорошенько об этом попросишь, милая.

Я сделаю все, что угодно, но умолять я не собираюсь. У дороги в Ад столько прекрасных впечатлений, а этот человек чертовски властен над моим телом. В этой

гостиничной комнате, он показывает свое животное господство надо мной, но я лучше съем грязь, чем признаю это. Никогда и ни за что не давай слабинку (не кончай), а не то он не позволит мне забыть.

— Нет!

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — ворчит он, замедляясь в середине нашего запутанного, замечательного секса.

— Нет! — Черт подери, я буду кричать, если он остановится, поэтому я напряжена, готова приказывать ему продолжать. Слова крутятся на моем языке. Я не знаю, что и сказать или как это принять. Давление его пальцев увеличивается, и я издаю еще одно «Нет».

— Ты можешь сказать что-нибудь еще, кроме «Нет»?

— Да пошел ты, — смеюсь я. Моя киска начинает пульсировать. Я сжимаю его член, как вдруг он сам начинает стонать. Очень громко.

— Черт, когда ты делаешь это..., — Стоун хватает мои бедра своими большими руками, и его длинные пальцы властно рыскают по моей коже. Он тащит меня за бедра то вверх, то вниз, пронизывая меня глубоко до высшей точки боли.

— Дай мне больше. Что бы это ни было! — Дрожу я, не в состоянии остановиться и повысить ставку. Снова и снова он входит в меня, и я поднимаю бедра, двигаясь на его члене, преодолевая опасный барьер.

— Впусти меня. Любым путем. — Он приоткрывает мои ягодицы, вводя член в мою киску.

Я никогда не занималась таким грубым сексом, настолько жестким, что, наверное, останутся следы его пальцев на моей коже. Даже эта мысль не отпугивает меня от наклона моего таза, в поиске его всего.

— Так возьми меня.

— Да, именно так, — говорит он, направляя свою длину в меня, и вытаскивая ее так медленно, а затем врываясь жесткими толчками.

Я не хочу, чтобы он останавливался, и я не отступлю, поэтому прижимаюсь лбом к матрасу, предоставляя ему лучший угол для проникновения.

*Именно так.* Его слова отдаются эхом, эхом. Эхом.

Я позволяю ему объезжать меня, обладать мною, и массировать его руками свою грудь. Наши пальцы соприкасаются, поскольку он сжимает мою грудь с той же самой жестокой интенсивностью, которой он трахает меня. Так невероятно жестко и умело требуя — умопомрачительно ощущать себя настолько хорошо в такой грубости. Я смакую причиненную им боль прикосновениями. Ощущение раскалывания настигает меня, и я готова очутиться на самом краю.

Он наклоняется и кусает мое плечо.

— Ты хочешь кончить? Жестко? — шепчет он хриплым голосом, словами, словно коварными валунами. Или словно грешный искуситель, направляя все выше и выше.

Его непристойные слова несутся по мне, заманивая меня сказать «да», «да», «да». Принять и подчиниться ему, а затем позволить удовлетворить эту ноющую физическую боль в моем животе. Но он будет знать, что я опускаюсь до его предложения — независимо от того насколько это адски приятно. Я стону, неспособная ответить ему что-либо. Я не могу. Он полностью отстраняется, и я задыхаюсь от шока.

Его выражение лица стало строгим.

— Ты остановился?



*Он, что, охренел?*

Желваки на его лице заиграли, и он опустил вниз, хватая меня под руки, разворачивая и прижимая лицом к нему. Его член слегка ударяется между нами, весь блестящий от моих соков. Он собирается уйти? Оставить меня на грани, чтобы я сошла с ума?

— Ксавия! — он прорычал мое имя. Не произнося ни слова, он ладонью притягивает мою голову к себе. Наши рты встречаются, затем его язык пробивается сквозь мои губы, толкаясь все глубже и жестче, чем я вообще могла вообразить себе. Он подводит меня к грани, используя свой рот в качестве чувственного оружия, где наши языки танцуют в поединке, пока я не окружаю своими руками его плечи и не прижимаюсь своей грудью к его мускулистой, потираясь своими чувствительными сосками.

Он резко прекращает целовать меня, скорее пожирать, и его ладони обхватывают мое лицо с обеих сторон.

— Все внимание на предыдущие указания. Или ты не хочешь кончить, так ты никогда не испытаешь оргазм?

По правде говоря, это — первый раз, когда я влажная и готовая — обмякшая — и нервная, близка к точке невозврата. Я продала бы свою душу. Я готова...

— Пожалуйста, — говорю я, желая, чтобы он сделал это и одновременно хочу скрыть этот факт от него. Его глаза светятся, зрачки расширены, и когда он смотрит на меня, я не могу отвести взгляд. Длинные ресницы Стоуна порхают вверх-вниз, медленно, этот эффект чувственно пленяет, и производит гипнотическое воздействие.

— Неправильно, — он раздражен, его рот в дюйме моего лица. — Ты должна попросить меня, чтобы я заставил тебя кончить. Сейчас. Если ты не сделаешь этого, то я отшлепаю твою задницу так, что ты не присядешь нормально в течение недели, и сегодня вечером не будет больше хорошего, вежливого траханья. Ты получишь то, что заслуживаешь... мою помощь, заставляющую тебя следовать моим требованиям.

— Ты не посмеешь!

— Разве нет? Ты хотела в мою команду, милая.

Я прищурилась. Бог мой, он такой высокомерный.

— Я не собираюсь просить тебя!

— Тогда ты уже сделала свой выбор.

Он смеется, самоуверенным насмешливым ответом, и, не говоря ни слова, он перекидывает меня поперек себя, быстро отступая назад. Стоун сидит на матрасе, прижимая меня к своим мускулистым бедрам.

Я столкнулась с плюшевым ковровым покрытием. Это должно быть шутка.

— Ты делаешь это с другими... молодыми специалистами? — Возможно, это — часть соглашения.

— Ни с кем. Никогда, — говорит он, его голос напряжен. Он оборачивает свой галстук вокруг моих запястий, делая узел на этом месте. — Ты первая. Теперь прекрати паясничать. — Его хриплый тон провоцирует огонь внутри меня, и волосы на моем теле становятся дыбом.

Я пытаюсь выкрутить свои запястья, но его галстук плотно вцепился в них, удерживая мои руки в замке. Я пристально смотрю на него, желая понять, что он имеет в виду.

— Что ты делаешь?

— Ты научишься уважительно относиться и делать то, что тебе говорят в первый раз, Кеннеди. Вот так работает наше время. Запоминай, урок первый и второй. Наше время — это

товар, и я не буду растрачивать его впустую.

Я хочу выть. О чем он говорит? Звучит так, будто он читает мне лекции об этикете на Холме Приличия, не сверкающий финал лучшего секса, которым я наслаждалась. Следующее, что я чувствую — острый укол боли, испепеляющий мою задницу, и я безрезультатно выгибаюсь вверх.

— Да.

— Не думаю, что так.

Чтобы продемонстрировать, у кого все карты, он шлепает меня сильнее, и с этим он издает звук глубоко в своей груди. Я стону от резких ощущений, настигающих мои нервные окончания, коснувшейся и хлопающей его ладони по моей заднице. Жажда похоти, что он подарил ранее, простирается сильнее и глубже в моем животе. Откуда он знает, что мне это нравится? Я даже не имела понятия до сегодняшнего вечера.

Неожиданно, Стоун шлепает по мне с силой, которая заставляет меня закричать. Он не останавливается или смягчается, а продолжает шлепать меня, поочередно по ягодицам. Неоднократно он шлепает по моему задку на том же месте. Пустая затея. Он шлепает меня снова и снова, пока мои ягодицы не горят огнем. Находясь почти на пределе попрошайничества, я трусь о его мускулистые бедра, в жажде снова ощутить его между ног. Я сжимаю свои бедра, ища облегчение, которое только он может обеспечить мне.

Каждая часть меня кричит ему. Эротично повторяясь и отдаваясь эхом в крови, я начинаю стонать. Хныкать.

— Беннетт, пожалуйста.

— Позволь мне, — бормочет он и шлепает меня, потирая рукой поверхность моей кожи. Трескающийся звук его шлепков громкий. Он прикасается своей ладонью вплотную ко мне, пока я трясусь бедрами для чего-то большего, даже не знаю для чего. Мой разум так же опалило, как и мою кожу.

Раз за разом, я прихожу в себя от шлепков его крупной ладони, которые учат меня его хорошим манерам. Он трет рукой по моей заднице в медленном, размеренном массаже, окуная пальцы между моих ягодиц. Сжимая свои бедра, я ищу его пальцы, в которых нуждаюсь больше, чем в своем следующем вдохе. Он дразнит мою киску. Его прикосновение доставляет невероятное блаженство, растущее глубоко внутри меня, пульсируя в моем естестве. Он дразнит меня — изысканно изводит меня.

— Пожалуйста, — шепчу я, отчаянно жаждущая его пальцев между моих складочек.

— Готова следовать указаниям? — спрашивает он сиплым голосом.

Я встречаюсь с ним взглядом, который выглядит суровым, голодным и почти собственническим, затем я киваю, кусая губы.

— Да.

— Раскрой эти красивые ножки, — командует он, смахнув выбившиеся пряди волос с моего лица.

Позабыв о колебаниях. Я раскрываю свои ноги и задерживаю дыхание, не зная, что он припас для меня. Он продвигается своими пальцами вниз между моих бедер, касаясь моей киски, тогда я поднимаю свои бедра в ответ. Он переключается на мой клитор, зажимая его между ними, и я рывком бросаюсь назад от его грубого прикосновения. О Боже, рябь удовольствия взорвалась, как фейерверк вдоль моей кожи и моих плотно сжатых внутренностей.

— Настолько отзывчиво. Ты мокрая и набухшая. Твою мать, я чертовски уверен, что

могу позабавиться этим. Ты должна извиниться передо мной, деточка. Или не видать тебе вознаграждения.

Что он имел в виду... «*позабавиться этим*»?

Безрассудно, я говорю первое, что пришло мне на ум:

— Пойди и *подрочи*.

— Ты упрямая.

Это все, что он сказал перед тем, как начать шлепать меня на этот раз намного решительнее. Стоун ударяет по ягодицам моей задницы в быстрой последовательности, обеспечивая каждой шлепок точно в таком же месте. Святые угодники!

Расплавленный огонь распространяется по всей моей нижней части тела. Мое возбуждение начинает сочиться дождем. Я не могу удержать голову вверх, согнувшись над его бедрами, поэтому закрываю веки.

— Пожалуйста, — хриплю я, пока он шлепает меня так сильно, что слезы жалят глаза.

— Разве я говорил отвернуться? — Он останавливается и наматывает на руку мои волосы.

— Это уже слишком, — выдавливаю я.

— Посмотри на меня, — требует он.

Я качаю головой. Я не могу позволить ему увидеть себя подавленной.

Он тянет меня за волосы, заставляя повернуть шею, затем приближает свой рот к моему уху.

— Ты все еще борешься со мной, так что, это еще не слишком. Не отводи взгляд, или я начну снова. И если мне придется, я буду шлепать по твоей мокрой киске. Конечно, если ты хочешь идти на контакт, тогда я смогу вылизать твой клитор, пока ты будешь лежать с криками от оргазма. Так что же выберешь? Мягкое или жесткое?

Его высокомерный тон прорезает мое облако боли пронизанное возбуждением. Волна жара проносится между моими лопатками, и я стискиваю зубы. Вряд ли он будет меня умолять.

— Трахни мягко!

— Ах, ты не знаешь, когда нужно остановиться. *Мягко* оттрахаю потом!

Стоун переключается со своих рук на ремень. Кожа моей задницы горит и служит ох-какой-непослушный-рот напоминанием о том, кто кому задает порку.

Я отказываюсь нагибаться и находиться в таком положении со связанными запястьями, решившись принять каждый удар ремнем, даже не дрогнув. Но каждый укус рассекает мою решимость, затем я чувствую, как слезы начинают стекать по моим щекам. Я стараюсь стереть их с лица своим плечом, но я практически беспомощна и растянута. Я не могу больше удерживать себя в такой позиции.

Покалывание от капелек пота, вспыхнуло, словно вуаль эйфории, переполняющая мои чувства. Это не огонь держит меня в плену. А разряд экстаза, несущийся вверх по моему позвоночнику, разжигая внутри меня вспышки эротического голода. Я извиваюсь... и нуждаюсь в высвобождении.

Это безумие, но я не могу бороться, мое тело жаждет. Я хочу Стоуна внутри себя. Глубоко, глубоко внутри себя.

— Ладно. Пожалуйста, — бормочу я. — Ты прав. Ты выиграл! Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Я хочу того, что ты предлагаешь. Это то, что ты хочешь услышать?

Не проходит и секунды, как он поднимает меня вверх, бросая лицом вниз на кровать.

— Перевернись, — инструктирует он меня.

Перевернувшись, я вижу, как он забирается на кровать, все еще частично одетый, его член в состоянии полной эрекции. Больше, чем раньше — как, такое вообще возможно?

— Согни колени и подними ноги.

Он сжимает свой член у основания, близко к яйцам, и направляет его к моей киске.

Я дрожу от его грубого прикосновения — от обещания трахать меня как мне нужно. Его член вбивается в меня, а мои соски превращаются в алмазные бусинки.

— Тебе нравится отдавать приказы. Много.

— А тебе, шлепки? Тебе необязательно быть такой язвительной, если тебя регулярно будет шлепать мужчина, который знает, что делать, чтобы вернуть тебя в игру.

— И я полагаю, что ты и есть тот мужчина?

Он сжимает челюсти и входит в меня. Глубоко укореняясь внутри меня, Стоун располагает свои колени по обе стороны моих ягодиц, а затем поднимает мои ноги на плечи.

— Скажите мне.

Сдавливая пальцами мои бедра, он загоняет свой член в меня. Его яйца шлепаются между моих ягодиц, высвобождая огонь, который пронесся по моим щекам.

Я стону в ответ, отказываясь признать его утверждение, и насколько, мать его, оно верное. Такое верное, когда он держится за мои ноги, и неоднократно вдальбливается в меня сильнее и быстрее.

— Скажи мне. Ты хочешь мужчину, который сможет научить тебя подчиняться?

Мои веки тяжелеют и закрываются. Да. Мне нужен такой мужчина, покоряющий мой разум. Я нуждаюсь в нем.

— Я-Я... — запинаясь я, уплывая.

Он вводит свой член в меня, потом наклоняется всем своим телом, и его длинные пальцы вокруг моего горла сжимаются с силой.

— Посмотри на меня.

Мои глаза вспыхивают и открываются, затем я чувствую, как его пальцы дрожат и впиваются в мою плоть. Он не притворяется, что это БДСМ игры.

— Хочешь, я научу тебя? — спрашивает он мягким голосом, словно сам дьявол произносит эти слова. Смотрит на меня сверху вниз, а затем хмурит брови, притягивая взгляд.

— Я не знаю. — Это ложь. — Да. Хочу!

В это мгновение я в полной мере осознаю, что он серьезно господствует, и, черт, я вовлекаюсь в это. Мерцающая волна похоти бежит по моим венам, заставляя меня сжиматься. Я дрожу в ответ, стискивая свои бедра и привлекая его глубже внутрь. Его глаза блестят, а губы приняли форму буквы «о». Другой рукой он хватает мои волосы и дергает. Боже, не могу поверить, что мне нравится, когда он так делает — но мне нравится!

Он отводит свои бедра назад, выводя свою полную длину, и без предупреждения вгоняет свой член в меня... вколачиваясь глубоко внутрь меня. Я вскрикиваю, а он продолжает толкаться. Жестче. Выражение его лица становится свирепым.

— Позволь мне... обладать тобою.

Со стоном, он вгоняет в меня член, со звуками низкого голоса и шлепков наших тел друг о друга, что завораживают мои чувства. Что значит покориться ему, с его силой, удерживающей меня в заточении? Это не единственное, что он делает в постели, управляя

своими партнершами. Он слишком опытный — слишком самоуверенный. Но то, как он трахает меня: я не могу сосредоточиться на ходу своих мыслей. Не тогда, когда он наклоняется ко мне, придавив полностью к матрасу оставляя губами след на моей челюсти.

Он скользит своим ртом, который словно грубый бархат, останавливаясь у моего уха.

— Скажи это и я обещаю, что заберу тебя в тот мир, который доступен лишь немногим. Он оставляет влажный поцелуй на моей шее, посасывая, а затем кусает зубами за мочку уха.

Я ахнула прямо перед тем, как он еще раз резко ущипнул. Он берет мою мочку губами, успокаивая место после укуса, посасывая. Прикусывает. В ощущениях эротического потрошения, я теряюсь в своих попытках отказать ему.

Не останавливаясь, он загоняет свои движения в меня, и я закрываю глаза, оседлав эту волну гедонического шторма, где не способна уследить за горизонтом. Мои цели и моя причина борьбы с его приглашением на бескомпромиссный экстаз — истощаются. Я хочу все, что он предлагает, даже при том, что небольшая часть меня кричит: «не признавай!»

Открыв свои веки, я не слушаю этот внутренний голос, а сосредоточиваюсь на Стоуне. Его точеные черты еще более удивительны тем, как яростно он трахает меня. Даже одетый, его мускулистое тело неоспоримо. И то, как он двигается еще глубже, к уровням, о которых я не имела понятия... каждым толчком его члена, ослабляя мое сопротивление.

— Беннетт! — стону я.

— Детка, просто прими меня всего в себя. До конца.

Его крепкие руки обхватывают меня, насаживая обратно на его жезл. Удовольствие, что он выпускает, накрывает на меня, подобно цунами. Я принимаю его член, так приятно раздалбливающего меня. Черт, это похоже на безотвязный полет каждый раз, когда он концом затрагивает комок нервных окончаний внутри меня.

— Да. Это прекрасно, — хрипло шепчу я.

— Чувствуешь, насколько ты близка к оргазму?

Чем сильнее он сжимает своими пальцами мне шею, тем сильнее я ощущаю его член, соприкасающийся с моей киской.

*Да. О, да!*

— Пожалуйста. Больше. Жестче. — Комната вокруг нас исчезает, дурманящие ощущения переполняют мое тело, пока он неумолимо загоняет свой член в меня.

— Чувствуешь, как я тобой владею? Полностью.

— Да. Так хорошо.

Его глубокий голос окружает меня, переплетаясь внутри. Он надо мной, его пальцы контролируют безжалостное давление, но какой кайф. Я подхожу. Вот и все. Я подхожу так тяжело. Он трахает меня нещадно, и я выкрикиваю его имя прямо перед тем, как мир разлетается и поглощает в себя. В меня. Бесконечный черный.

# Глава 6

## Теряя свой чертов разум

КЕННЕДИ ВЫКРИКИВАЕТ мое имя, ее киска сжимается вокруг моего члена, и я делаю то, что поклялся не делать никогда больше. Я даю ей утонуть в эйфории. И плевать на все чертовы доводы.

Это не просто секс с девушкой, которой нравятся такого рода оргазмы, это просто я эгоистичный придурок.

Хорошо, черт побери. Я не могу остановиться.

Я утоляю свою жажду обладать ею. Я сильнее сжимаю пальцы. И еще немного сильнее, пока смотрю, как дрожат ее ресницы, и мой член становится влажным от нее. Каждое мое движение становится сильнее предыдущего, чтобы мы кончили вместе.

— Кончи для меня, — приказываю я ей и перемещаю пальцы на пульсирующую артерию на ее шее.

Ее шелковая кожа такая теплая под моими пальцами... ее шея такая тонкая, я могу обхватить ее одной рукой. Небольшой нажим, когда ты знаешь, что ты, черт возьми, делаешь, и она почувствует восторг.

Я вздыхаю и тяну ее за волосы, не имея возможности выдохнуть, прижимаясь к ней, вонзая мой твердый член в ее киску, стараясь урегулировать темп.

Да, она снова изгибается всем телом, требуя большего, и я даю ей это. Я трахаю ее по полной, видя, как кровь приливает к ее голове и она закатывает глаза.

Я дарю Кеннеди лучший оргазм в ее жизни, погружая в наслаждение и забвение. Черт побери, я совсем близко. Электрический разряд проходит по моей спине, сопровождаемый миллионами иголок, пронзающими кожу. Мои мышцы сжимаются, я так близок к блаженству. Черт, давление в моих яйцах растет, огонь поглощает меня, и я кончаю. Вместе с Кеннеди я кончаю так, как никогда в жизни.

— Ксавия, — кричу я, держа ее за шею, наслаждаясь ее шелковой кожей в то время, как ее ноги лежат на моих плечах.

Она шепчет мое имя и обмякает. Пот капает, застилая лицо, и я продолжаю содрогаться от удовольствия. Все мое тело напряглось в тот момент, когда я начал кончать. Снова и снова. Черт, Боже! Эта девчонка... кто она, черт возьми?

Мое сердце бьется, словно боевой барабан, я глубоко втягиваю воздух частыми глотками. Отпуская ее шею и волосы, я встрепенулся. Ощущать ее, контролировать ее — все это заставляет мою голову кружиться. Опуская ее ноги, я подался вперед, оставляя поцелуй на ее губах и медленно втягивая ее потрясающую нижнюю губу.

Она глубоко дышит — да, она сексуально насыщена после нашего плотского марафона.

Я перекатываюсь на матрас рядом с ней. Адреналин ревет внутри меня.

Не буду притворяться, что Кеннеди предсказуема, но это для меня хорошо. Я провожу пальцами по пропитанным потом волосам и вместо того, чтобы упиваться наслаждением, я хочу ее снова. Мой член дергается.

*Что, черт побери, я только что сделал?*

Этот вид секса не должен присутствовать в моей жизни за пределами клуба. Мои пристрастия должны оставаться среди членов клуба — представителей конгресса и Белого Дома. В «Доме» по контракту я — Доминант по субботам, вернее так было до настоящего

момента, до перерыва. Кроме Ноя, Итана и Джекса, есть Уэсли, Джуд и Трой. Все мы партнеры по бизнесу и известны за пределами нашей маленькой империи, как «Банда семерых» — Доминируем каждый день, каждую неделю и выступаем против другой банды из Конгресса.

Главнейшее правило нашего клуба гласит о том, что мы не должны делать то, что может погубить нас за пределами нашего тайного общества. Внутри нашего элитного клуба, главное правило — отсутствие правил между его членами. К нам не допускаются несовершеннолетние, и каждый человек подписывает контракт о неразглашении. Со всеми имеющимися приспособлениями, мы реализуем самые жесткие фантазии в доме 633, Паддок Род, Мэриленд.

За пределами кованого забора, которым огорожен *Дом*, существует масса правил этикета, которые мы вынуждены соблюдать.

Даже правила поведения в гостиничном номере.

Сегодня я перешел черту и нарушил безумное количество правил, которые клялся соблюдать, как член клуба.

Никакого секса с людьми из Белого Дома.

Никаких опасных игр за пределами клуба.

Черт! Честно, этот вид секса опасен, в неправильных руках. Но еще хуже то, что заниматься этим видом секса без подстраховки — просто глупо и непростительно. Последствия слишком велики.

Черт, это очень рискованно для людей моего положения, связываться с девушкой, которая завтра может погубить меня. Почему я сделал это?

Я смотрю на Кеннеди и вижу ее силуэт в свете подающего от дверного проема ванной. От ее лица к округлым грудям, ниже к ее подтянутому животу и пространству между ее расставленными ногами, где я входил в лучшую киску, которая перевернула мой мир. Я снова становлюсь твердым.

Сейчас она не готова к этому. Настанет время, когда я разбужу ее для повторного круга на бис. Но я не могу рисковать и снова нарушать правила, не сегодня. Я на волоске от того, чтобы трахнуть ее снова вместо того, чтобы встать и уйти. Мой возбужденный член пульсирует, отмечая идею покинуть ее кровать. Стиснув зубы и отказав этому ублюдку во влиянии на мои решения, я откатываюсь от нее и сажусь, проводя рукой по лицу.

Моя голова не хочет отрывать мою задницу, и я свешиваю ноги с края кровати, пока я не коснулся ее снова, но мне этого невероятно как хочется. Встав на ковер, я смотрю вниз на свой член. Твою мать! Презерватив порвался. Я смотрю на Ксавию. Мой список вопросов, касаемо этой девушки, растет.

По дороге в ванну я снимаю резинку и выкидываю в туалет. Я смываю воду, как сделал бы это Клинтон. Не то, чтобы мне стало лучше от того, что я трахнул стажера в гостиничном номере так, что презерватив порвался. Оглядываясь назад, я сомневаюсь, что в реальности есть шанс того, что я трахну Кеннеди снова. И снова. Она отзывчивая, пылкая и отдается также отчаянно, как и берет.

Я одеваюсь, стоя рядом с кроватью и смотрю на нее. Она одета в лифчик, подвязки и те сексуальные туфли. Мой член твердеет, и мои доводы разбиваются на миллионы частей. Я так возбужден.

Застегивая рубашку, я хмурюсь, вспоминая о ее платье. Дерьмо! Я разорвал его. Надеюсь, у нее есть другое?

Сегодняшний день пронизан безумием. Чем больше я думаю о риске от того, что мы сделали, тем больше учащается мой пульс.

Я прекрасно понимаю, что это была одноразовая сделка и это не должно продолжиться. Скажите это моему возбуждению, которое эта девушка вызывает во мне, убивая инстинкт самосохранения.

Я совсем потерял голову? Я увидел ее впервые два месяца назад и прошли месяцы с тех пор, как я занимался подобным видом секса, когда кампания еще не была в полном разгаре.

*Нет, ты сошел с ума из-за этого.*

Я протягиваю ремень в петли брюк, кожа скрипит в моих руках, и я отказываюсь думать об Анжеле — последней сабе, с которой у меня был контракт... бывшей членом клуба, манипуляторше и сенаторе, но не такой, как я. Она дважды задница, а ее предыдущий партнер умер. *Черт, не о том думаешь, Бен.*

То, что я придурок — вполне очевидно. С того момента, как я увидел Кеннеди, мой неофициальный статус был раскрыт. Один поцелуй в коридоре, и эта девчонка сделала меня.

Сейчас я чувствую, что должен был взять такси из аэропорта. Я смотрю на своего нового стажера и понимаю... черт, у меня нет никаких угрызений совести относительно нее. Нет ничего больше, чего бы я хотел с момента нашего первого поцелуя и последнего секса, и сейчас я могу думать только о том, как ощущается ее киска; я должен обладать ею. Полностью.

Я уверен, что это не последний раз, что мой член снова окажется в ней. Кеннеди сильно отличается от Анжелы — только, как удовлетворять свои жесткие сексуальные аппетиты, когда мы с Кеннеди приедем в Вашингтон. Теперь, когда я нашел ее — это как наркотическая зависимость, мне нужна еще доза. Но почему из всех людей именно она?

Спустя месяцы после разрыва всех отношений с Анжелой, скандал обошел меня стороной, и я взял перерыв в *Доме*. Это работало в мою пользу, давая мне больше времени сфокусироваться на моей кампании.

До сегодняшнего дня. Возможность скандала заставила меня отступить.

Нет никакой связи с тем, что происходит в *Доме*.

Ни имен.

Ни обязательств.

Ни ожиданий. Только чистейший грубый секс.

Если я хочу жесткого секса с минимальным риском, мне надо подождать. Спустя несколько часов я вернусь в Вашингтон.

Но то, как Кеннеди вновь появилась в моей жизни. Та сила и магнетизм, что тянут нас друг к другу, усиленные ее комментариями и упрямством.

Это ее ошибка, она заставила меня хотеть ее, как никого и никогда. За все мои тридцать шесть лет я никогда не верил, что кто-то сможет завести меня так, как это сделала Ксавия Кеннеди. Черт, она управляет мной, а ведь мы только встретились.

Теперь я буду иметь удовольствие работать с ней весь следующий месяц... Если она не одумается и не решит закатать меня под каток.

Я поднимаю покрывало с пола и, подойдя к краю кровати, накрываю ее. Она не сопротивляется, и я заправляю несколько растрепавшихся прядей.

Боже, она прекрасна и я закрываю глаза, понимая, что она противоположность тому, что мне необходимо. Я вдыхаю и убираю руку от ее лица.

Отходя назад, я вижу ее туфли, выглядывающие из-под одеяла. Черт, лучше сниму их.



Опустившись на одно колено, изучаю тонкие ремешки, опутавшие ее щиколотки, подцепляю тонкую полоску кожи, которая требует максимальной концентрации для расстегивания. Или это ее стройные ноги отвлекают меня? Я убеждаюсь в этом, когда мой взгляд поднимается к икрам.

Я ставлю ее туфли рядом с кроватью и накрываю ее ноги, обеспокоенный тем, что эта девчонка поставила меня между молотом и наковальней.

Мы проведем бок о бок следующие недели, и я не буду отрицать, что это будет достаточно трудно для меня. Если я смогу не обращать внимания на этот голод. Либо это плохая идея взять ее в Вашингтон, либо нужно придумать план, который будет работать.

Я хочу ухватить свой кусок пирога, и с удовольствием наслаждался бы вкусом Кеннеди. Задумавшись, я обуваю ботинки без носок и беру ее ключ.

Черт, мне нужен мой, но я его не вижу. Может он внутри ее сумки. Подхожу к комоду, открывая ее сумочку. Я не верю своим глазам – у этой женщины в сумочке целый мини-офис. Папки, ноутбук, «Айпад» и не один, а целых два «Айфона». *Слишком много связей?*

Я ищу по карманам, но ключа нет. У меня напрягается шея. Беру ее кошелек и проверяю. *Что за черт?* Я нисколько не хочу узнать все ее маленькие грязные секреты.

Открываю его, проверяя содержимое. Карточка фитнес-клуба «Амекс», студенческий, права. Я открыл другой карман, и мои брови поползли вверх, как только я увидел фотографию, на которой Кеннеди была с каким-то парнем. Его лицо мне кажется знакомым, но он в солнечных очках, поэтому не могу... Черт.

Это Джон, наш водитель. Он обнимает ее рукой за плечи, ее голова откинула и она смеется.

Не имеет значения, что он ее друг. Мы не делали ничего такого на заднем сидении, и я уверен, что все дерьмо от моих действий осталось за бортом. Я пытаюсь вспомнить всю поездку от аэропорта до кофейни и затем до отеля — ничего такого, что бы отложилось в моей памяти. Хорошо, говорю я себе. Значит они друзья. Это не страшно.

В напряжении сжимаю челюсть и смотрю на нее, она выглядит такой открытой... такой счастливой и я понимаю, что в этом моя заслуга.

*Черт! Нет.* Все эти сантименты могут стать для меня дорогой в ад. Я фокусируюсь на поиске кусочка пластика, а не на том, кем и чем интересуется Кеннеди.

Бинго. Я нашел ключ от другой комнаты и кидаю ее кошелек обратно в карман сумки. Я ухмыляюсь, говоря себе, что если бы Джон был важен для нее, она бы не оказалась голая в постели со мной. Правильно? Потом мне становится интересно, трахалась ли она с ним когда-нибудь. *Боже! Остановись, Стоун.*

В тот момент я понимаю, что Кеннеди — не какое-то мимолетное увлечение. И если кто-то и будет трахать ее, то это буду я. ТОЛЬКО Я!

Глядя через плечо на Ксавию, я чувствую, как у меня зарождается план, и выхожу из ее комнаты, доставая телефон. В коридоре я пролистываю контакты по дороге к своему номеру. Мой номер располагается через несколько дверей, и я вхожу, набирая номер.

— Я пока жив и дышу. Ты вернулся в город, Сенатор Стоун? — отвечает Джекс с сильным техасским акцентом. Я не разбудил его. Он занимается делами в *Доме*. Сегодня его очередь показывать свои таланты. У нас у всех есть ночь, когда мы занимаемся делами клуба; так было, пока я не взял тайм-аут. Другие члены клуба все понимают и переложили обязанности на себя.

— Я хочу вернуться. Ходят слухи, что мои ночи по-прежнему свободны.

— Это правда, — отвечает Джекс. — Черт, я ни секунды не верил в то, что ты вот так оставил нас.

— Мне нужно было собраться с мыслями, а сейчас, у меня одна ситуация... — Я не знаю, как еще классифицировать это. — Новенькая девушка, я хочу, чтобы она вступила.

— Это невозможно. Черт, новый член. Мы и так превысили лимит, но если она твоя саба, то мы согласимся. Нет проблем, если это означает, что ты возвращаешься в игру.

Я выдыхаю, оцениваю, как много мне стоит рассказать Джексу. Мы с ним давно знакомы и я знаю о нем многое, как и он обо мне.

— Мы перешли черту.

— Насколько? — его голос становится на октаву ниже.

— Никакого вреда, но если я упущу эту чертовку, все может выйти из под контроля между мной и этой девушкой. Ты можешь внести ее в список на эти выходные?

Тишина. Наверное, он что-то обдумывает.

— Ты понимаешь, что она должна этого хотеть и ты сказал, что у нее нет опыта. Она была когда-нибудь на церемонии подписания саб-контракта?

Кеннеди, стоящая голая так же, как мужчины и женщины вокруг нее... Я сомневаюсь, что она бывала в клубах такого рода, не говоря уже о частном аукционе сабмиссивов. Клянусь своим сенаторским креслом, но правда в том, что я ничего не знаю о ней. И если ее семья узнает о том, что я хочу сделать с ней, они наймут киллера и грохнут меня. Есть много богатых и влиятельных людей, которые стараются сохранить в тайне жизнь, протекающую в стенах Белого Дома, но они не относятся к семьям, постоянно мелькающим в СМИ, самым старейшим и богатейшим правящим семьям страны.

Для таких, как Кеннеди существуют неписанные правила, и я собираюсь переписать их, если уговорю Джекса вписать меня, как ее покровителя на аукцион, где я заявлю свои права на нее.

Контролировать ее вне стен *Дома* все то время, что мы будем связаны контрактом. Мои плечи и руки напряглись.

— Впиши ее под моим именем. Я позабочусь о деталях.

— Считай, что все сделано. Как насчет субботнего вечера?

Вот теперь становится опасно.

— Джекс, я хочу, чтобы ты приглядывал за ней на протяжении ночи.

— Черт возьми... — вырвалось у него, но я и не просил большего. — Только для тебя. Вообще-то, я занят, но отменю свои дела.

— Чувак, я твой должник, — говорю я, прислоняясь к столу в своем номере.

— Как я могу отказать тебе? — смеется он, затем говорит. — Я же тебе обязан.

— Я напишу тебе по поводу места. И спасибо.

— Не стоит. Ты очень помог мне. Это будет моя благодарность. А... Как зовут девушку?

Сейчас не время для глобальной честности. Будут проблемы, если я сообщу Джексу, что Ксавия — Кеннеди, и что она — мой стажер. Я смотрю на телефон и отвечаю.

— Кса.

— Прозвище? — спрашивает он.

— Не совсем. — Я смеюсь над своей идеей. Это описывает ее темперамент и то, что дала ей роскошная жизнь. Да, какими бы ни были ее интересы, она идет и получает то, чего хочет.

— По буквам «К», «С» и «А», — сообщаю я ему.

— Звучит загадочно, — говорит он в ответ.

— Пусть так и будет, — говорю я ему и жду.

— Этого достаточно. Я обо всем позабочусь, Бен.

Мы прощаемся, и я снова открываю список контактов, набирая сообщение человеку, который помогает мне в добыче информации. Он полезен в определенных случаях, например, чтобы проверить свою сабмиссив.

Кеннеди отрежет мне яйца и скормит их мне же, если узнает, что я совал нос в ее личную жизнь.

Он перезванивает мне и рычит в трубку.

— Твою мать, ты когда-нибудь спишь?!

— Ты знаешь, что они говорят о безнравственности.

— Черт, да, и ты безнравственный придурок!

— Мне нужна от тебя информация. И чем скорее, тем лучше. Ты сможешь сделать это?

Я слышу его громкий вздох. Хорошо. Мне придется платить за это.

— Кто?

Я подхожу к кровати, но вместо того, чтобы сесть, я хожу вдоль нее.

— Ксавия Стиллман Кеннеди.

— Куда ты, мать твою, влип, Стоун?

— Это информация не для огласки и я не хочу оставить какие-либо следы.

— Черт. Я не тупой. Не с такими задачами. Нужно что-то особенное? — спрашивает он.

Я поворачиваю голову, и моя шея хрустит.

— Проверь ее медицинскую карту. Анализы крови. У тебя есть... — Я смотрю на часы. Уже за полночь. — Три часа.

— Сделаю. — Он прощается, я захожу в спальню и падаю на кровать. Эта девчонка заводит меня, как никогда раньше. И это чертовски приятно.

# Глава 7

## Нет дороги в ад... Пока не получен пропуск

ВОТ ДЕРЬМО. Я верчусь в постели, позволяя простыне сползти с моего тела, затем смотрю на другую половину матраса.

Пусто.

Почему я не удивлена?

Беннетт ушел, и на секунду я задумалась, что помню — грубый, животный секс, на границе декадентской фантазии, где мужчина, у которого я должна проходить стажировку, бездумно отымел меня. Мое тело говорит мне, что Беннетт Стоун между моих ног был вполне реален. Очень, очень реален.

Мы трахались так, как никто не мог и представить. Беннетт сломил мое сопротивление, как только я вошла в бар, и темный голод, плескавшийся на дне его глаз, поглотил меня. Может быть, это сочетание алкоголя и Стоуна, но нет — это не так. Я лишь выпила совсем немного «Скотча».

Я была одержима желанием почувствовать его поцелуй. Его просьба об этой ночи стала эротическим заданием. Ему не пришлось просить дважды.

Но правда не в том, как он обращается со своим членом и не в том, что он просто бог. Все, что потребовалось — один его загадочный взгляд, в сочетании с властным голосом; он заморозил меня своей силой и способностью проникнуть в мою голову и подавить сопротивление. Он заставил меня желать сделать все что угодно, чтобы утолить эту животную страсть, возникшую между нами.

Вот чем он ошеломил меня. Я хотела его в Нью-Йорке и встретив его снова просто потеряла голову.

Вот почему я сделала то, что я сделала. Разрешила ему оттрахать себя, как никому другому. Сведя ноги вместе, я чувствую влажность между ними, о боже. Я готова к тому, чтобы он снова также страстно овладел мною.

Мой клитор пульсирует. Я не могу отрицать того, что хочу чувствовать его глубоко в себе. Проводя руками по лицу, я рычу:

— Черт возьми!

Я так взвинчена. Наклоняясь вперед, обхватываю руками голову и в течение нескольких секунд качаю ею из стороны в сторону, стараясь не думать.

— О, черт. О-о-о черт. — Я повторяю эти два слова около двух сотен раз, пока окончательно не измотала себе нервы.

Это безумие должно прекратиться... Эти чувства перевернули мою жизнь и заставили ее остановиться. Моя жизнь не должна пойти под откос. Не должна.

Ладно, все что мне нужно — немного поразмыслить логически, и не таять от того дерьма, что заполнило мой мозг. Первым делом. Что я должна сделать? Я не могу просто перестать думать о том, что сделала — выводы ошеломляют.

Где-то между тем, как я протянула Беннетту свое резюме и выпила свой бокал, мой план пошел под откос. Совсем! Если верить тому, что целовать своего нового босса — это плохая идея, как, черт побери, этот план не разбился вдребезги еще утром?

*Не забывай, Кеннеди...* Я не просто трахнула его.

О, верно. Я разрешила боссу не только отшлепать меня, но и трахать так, что буквально

теряла сознание. И это был лучший секс на планете.

Черт! ВОТ ЧЕРТ! Что, если Беннетт на самом деле станет вице-президентом следующем году? Черт... президентом, когда-нибудь? Каждая женщина, с которой он когда-либо спал, окажется в списке средств массовой информации, как и любой секрет, появившийся в правительстве, становится общеизвестным.

Обнародованным.

Опубликуют и раздуют прессой.

И затем я подумала об одном репортере, которого хотела бы озадачить. *Джон!* Он со своей великолепной идеей! Я бы могла набрать его номер и все рассказать.

Но я не могу сказать ему о том, что сделала. Никому не могу сказать. Как много ужасных способов просрать будущее и карьеру, если не правильно выйти на арену? Учитывая нашу ситуацию с Беннеттом, я претендую на приз «катастрофа века».

Я чувствую, как смех зарождается где-то внутри моего горла, как будто это все неправда — это не может происходить со мной, но... Это. Происходит. Я неловко поднимаю взгляд, осматриваю комнату.

*Сколько сейчас времени?* За окном по-прежнему темно, но серебряные лучи рассвета поднялись достаточно высоко, чтобы их можно было разглядеть на одиннадцатом этаже. Часы, которые должны стоять на ночном столике, валяются на полу. Я слезаю с кровати, опуская ноги на ковер и откидывая одну из своих туфель. Туфли... В моей голове тут же проносятся воспоминания. Плечи Бена под моими ногами, обутые в эти туфли.

Отодвигая туфли, чувствую, будто мой мозг разлетается на чертовы кусочки, я поднимаю с пола часы. Пять утра. Подхожу к комоду, стоящему в другом углу комнаты, уговаривая себя не думать о том, как Беннетт трахал меня, но это не помогает. Мышцы всего тела сильно напряжены. Иисусе, даже задница горит.

Такое ощущение, будто мы трахались непрерывно. Днями.

Я спотыкаюсь, опьяненная воспоминаниями о том восхитительном сексе, что у нас был, затем кладу руки на комод рядом с сумочкой. Мне нужно перестать витать в облаках и подумать, что мне сделать, чтобы спасти свое будущее.

Поднимая голову, смотрю на себя в зеркало, и, о боже, я выгляжу, как ребенок с рекламного плаката с сумасшедшей прической. Если бы я не расчесывала волосы неделю, то, несомненно, получила бы такой же эффект. Я запускаю пальцы в спутанные волосы, провожу в тех местах, где Беннетт дергал меня за волосы. Мое сознание проясняется. Я втягиваю воздух, как только замечаю темные пятна на шее.

*Это он оставил засосы?* У меня был засос или несколько до этого, но это не они.

На другой стороне моей шеи видны небольшие пятна в тех местах, где касались его пальцы. Я поворачиваю голову из стороны в сторону и чувствую доказательства того, что то, что мы сделали — не фантазия или результат перенасыщения грубым сексом. Этот мужчина что-то сделал со мной, что-то феерическое, и я дрожу, пропуская вздох. Вихрь мурашек пробежал по моей спине. Не из-за того, что мы сделали, а от осознания того факта, что я хочу, чтобы он повторил это снова. Я ничего не знаю о жестком, необузданном сексе. Но ради самой себя, я должна понять, почему... мне так хочется повторения.

Прислоняясь к комоду, я закрываю глаза, пытаюсь подавить этот необузданный голод, затем поток вожделения прокатывается по моей коже. Я не должна чувствовать это. Я должна найти что-то, что поможет упорядочить мои чувства. Я не из тех женщин, которые ищут мальчиков, чтобы те сбивали их с намеченного пути.

*Или из тех?* Этот голос снова звучит в моей голове. Тот самый, который втянул меня в это. Я резко открываю глаза, выкрикивая:

— Нет!

За короткое время мне надо перестать ощущать себя кувшином, переполненным эмоциями. Я смогу, если овладею всеми управляемыми частями. Я медленно выдыхаю, стараясь думать объективно. В этом то и проблема... Весь этот проект и есть одна большая проблема?

Первое и самое главное: я не могу рисковать своим рассудком и своей репутацией, если все выйдет из-под контроля. Я была безумна, когда думала, что утром все будет превосходно. Я напомнила себе об «испорченных делах». И попыталась дать себе вчерашней хорошего пинка.

Теперь проблема заключается в том, могу ли я всерьез думать о поездке в Вашингтон?

Мысли об иррациональности вспыхнули в моей голове. Я могу. На самом деле, могу.

Причины моей поездки не изменились, скорее наоборот укрепились. В основе моего решения поездки в Вашингтон по-прежнему лежит независимость. Я устала жить в мире, раскрашенном в пастельные. Последний вечер, проведенный с Беннеттом в кофейне, окруженной его сексуальной харизмой, показал мне, как здорово находиться среди людей, которые заряжают энергией. Восхитительно.

Люди, которые стремятся к лучшему, хотят не только видеть, но и управлять.

Я жажду вдохновения и того, что он дает людям, окружающим его.

Я так устала жить в режиме выживания, или в режиме смирения с тем, что моя жизнь полный провал. *Но больше всего я устала от контроля бабушки с дедушкой.*

Посмотрев вниз, я вижу свое порванное платье, лежащее на полу и напоминающее об ощущении того, как оно было сорвано с моего тела. Напоминание о том, что Беннетт Стоун не относится к тем мужчинам, кого может контролировать хоть кто-нибудь. Он вдвойне самодостаточен и авторитетен, и я могу многому у него научиться.

Или хотя бы попытаюсь. Попытка управлять столь сильным человеком, как он, сравнима со стихийным бедствием. *Конечно, я не собираюсь выяснять, каково это!*

Но глубоко внутри я хочу.

Беннетт сильный. Манящий. Яркий. Вот причина, почему я не могу сказать ему «нет», даже если каждый атом моего тела против. Неужели, я собираюсь убежать от мужчины, который может научить меня многому и помочь встать на ноги, будучи окруженной людьми, которые верят, что могут купить любого? Я люблю бабушку с дедушкой, но не уважаю их методов.

И Стоун. Я наслаждаюсь нашим противостоянием... Потому что уважаю его. Он как гора, которую еще никто не смог покорить. Пока. Мое персональное Килиманджаро. Он заставляет меня желать достичь этой цели.

И если я решу плыть по этой реке желаний, сдавшись под натиском айсберга эротического голода, то, что мне нужно сделать, чтобы избежать катастрофы?

Начнем с самого необходимого. Рассмотрим историю и корень проблемы. Для меня сейчас — это одежда.

Мне нужно съездить домой, принять душ и переодеться. Подойдя к шкафу, я открываю зеркальные двери. Пусто. Я оглядываю комнату и вижу разворачивающуюся картину. Я даже не могу выйти из номера. Наклонившись, я поднимаю платье и не могу поверить, что Беннетт порвал его сверху донизу. Как раз тогда, когда я без машины и у меня нет запасных

вещей. Я смотрю на его пиджак и подхожу ближе, поднимая за темный рукав. Светлая шерсть вполне может сработать, если я смогу сделать что-нибудь со своим платьем, чтобы хоть как-то прикрыться им.

Я снова беру платье и вспоминаю, что у меня в сумке есть степлер.

\*\*\*

ВЫХОДЯ из лифта, я осторожно ступаю по коридору, сконцентрировавшись на том, что мне надо пересечь холл и стараясь не думать об отсутствии трусиков. Раннее утро, и мне едва удалось собрать воронье гнездо на моей голове в тугой пучок. Пока я не слишком глубоко дышу, все в порядке.

Мужчина сворачивает газеты, проходя сквозь автоматические двери. Неожиданно, он отступает, давая мне возможность выйти в предрассветную прохладу утра.

К счастью для меня, на углу стоит такси, а водитель только что вышел. Маячок на его крыше погашен, но хорошо видны облака выхлопных газов и дым сигареты, которую он курит стоя недалеко от водительской двери.

— Прощу прощения, — говорю я, останавливаясь напротив водителя.

Он поднимает на меня взгляд и отбрасывает сигарету.

— Чем могу помочь?

Мои зубы стучат так, будто это совсем не летнее утро и я скрещиваю руки на груди, стараясь создать препятствие холодному потоку воздуха.

— Мне нужно такси. Вы свободны?

— Куда? — спрашивает он, ожидая моего ответа. Умный мужчина.

— Бэйкон Стрит.

Его глаза округлились, и он быстро закивал.

— Конечно, без проблем. Запрыгивай. На Сторроу сейчас небольшая пробка.

— Отлично, — говорю я, залезая на заднее сидение.

Поездка вышла недолгой, и я достаю пятьдесят долларов из кошелька.

— Подождите меня и получите еще столько же. Мне нужно взять кое-что и я вернусь.

— Куда потом? — спрашивает таксист.

— Обрато в «Хаятт».

— Я буду здесь, — отвечает он. Его мимика выдает удивление, но он продолжает молчать.

Дворецкий снимает шляпу, и я улыбаюсь, приветствуя его по имени. Можно было бы остановиться и поболтать с ним, но у меня нет времени. Я поднимаюсь наверх и вхожу в свою комнату, где тихо, как в могиле. Здесь только я, в пиджаке своего босса от «Букс Бразерз», который я снимаю и бросаю на кровать.

Снимая платье, я захожу в ванну, где останавливаюсь и смотрю на свою задницу сквозь большое зеркало. Повернувшись, я смотрю через плечо, затем через другое, изучая свой зад. Красные отметины четко выделяются на коже, и я порывисто выдыхаю. Стоун не просто отшлепал меня. Он исполосовал мой зад, оставив синяки и полосы ремнем, которые вряд ли исчезнут за день и даже за неделю. Беннетт Стоун держит все под контролем... Как же это правильно называется? Доминант.

— Дом, — произношу я вслух, зная, что этот термин обозначает, но он определенно описывает его.

Неужели мне нравится то, что он командует мной в постели? Используя эротические связывания так, что я почти теряю сознание? Но мне не показалось, что его действия необдуманно. И это та скрытая часть Беннетта Стоуна, которая досталась мне. Он самоуверенный — практически непоколебимый. Он знал, что делал, значит, я далеко не первая женщина, с которой он ведет себя подобным образом. Его слова звучат в моей голове: *«Я обещаю тебе, что ты получишь удовольствие, которое приведет тебя в другой мир».*

Черт возьми... Кто же он? Сенатор Стоун имеет секреты. Грязные, эротические секреты.

Я отодвигаю стеклянную дверь душевой кабины и включаю воду. Я люблю горячий душ и стою под упругими струями некоторое время, пока мои мысли не стихают, и я решаю, что у Беннетта с его высокопарными политическими стремлениями, должны быть объяснения некоторых его действий. Стоя под душем, я трогаю пятна, четко проявляющиеся на моей коже, и думаю, каково это, когда тебя ласкает Беннетт. Хотя нет, он не ласкал, он бил. Командовал. И я вынуждена была принять его таким, пока он брал меня сзади, удерживая за волосы.

Его непревзойденная способность контролировать собственное тело заставляет меня искать причину того, почему он имеет такую власть надо мной. На секунду, я вспоминаю, как прекрасно было чувствовать его близость.

Потоки пены и мыльных пузырей скатываются по моей груди, задевая соски, вниз по животу и дальше между ног. Я роняю губку, следуя пальцами за мыльными пузырьками, и закрываю глаза, думая о его больших руках на моем теле. Мои прикосновения слишком нежные. Я хочу большего и ущипнула себя за соски, это напоминает грубые прикосновения Беннетта.

Сила.

Вот, что мне нужно, не мягкость.

Не нежностей.

Я хочу его. Я провожу мыльной ладонью по плитке напротив лица. Я хочу слишком многого. Я хочу все. Я жажду, и он знает это.

Это должно прекратиться.

Прекратиться *прямо сейчас!*

Слова бабушки о тете Бриджид, ее грубом поведении и о том, что она не контролирует свое либидо, звучат у меня в ушах.

*Стиллман не раздувают скандалы.*

Что ж, видимо, это все же не так. Я вступила в ряды людей с сомнительной репутацией, когда встретила сенатора, который легко может сорвать трусики с девушки, а если быть точно, то с конкретной девушки.

Сенатор Стоун с его улыбкой на миллион долларов и потрясающим ртом... Он кусал мою кожу, оставляя дорожки следов, которые не может скрыть мыльная пена. Он открыл мне дверь — дал ключи. Если я достаточно смелая, чтобы согласиться на то, что он предлагает, награда будет фантастической. *Но это огромный риск!*

Я стою под каскадом воды, который стекает с моих волос вниз по телу и падает на пол, утекая в сливное отверстие.

Но воспоминания о Беннетте и о том, как мы трахались, не покидают меня.

Как он брал меня.

И оставил в таком виде, будто по мне проехался коток.

Мне нужно собраться с мыслями и придумать, как получить то, чего я хочу. Я



выключаю воду и вытираю капли, попавшие на глаза, понимая, что придется покинуть душевую кабину.

Не будь слабачкой!

Глядя в мутное от пара стекло, я не могу видеть всего, что находится за ним. Я практически ослеплена. Хорошее напоминание о том, что мне надо прислушиваться к своим инстинктам. Я не знаю, смогу ли выйти из душа и сохранить контроль... Как Беннетт контролировал меня.

Он был тем, кто сказал, что научит меня *самоконтролю*.

Мои мысли колеблются, а я пытаюсь удержать дверь душа. Интересно, почему Беннетт готов поиграть с огнем? *Если он настолько хорошо все контролирует.*

И контролирует ли? Разве мы не создали нестабильную ситуацию? Здесь есть определенно что-то, что мне недоступно.

Он похож на бабушку с ее одержимостью безопасностью.

*Если я не скажу. И он не будет говорить...*

Все равно... это безумие.

Жесткий секс с сенатором Соединенных Штатов? Проснись! За секунду мои мысли показали мне другую сторону ситуации, и я оказалась перед выбором. Здесь нет ничего скрытого, все четко и ясно. Секс — замечательный и ни с чем несравненный; секс — или ничего.

*В конечном итоге мне понадобится бабушкина команда адвокатов? Я стану главной темой бесед за закрытыми дверями дома в Нантакете?*

Черт, нет! Если мы с Беннеттом не станем рассказывать о том, что мы сделали прошлой ночью и договоримся не повторять этого снова... то, кто узнает? Боже. Это то, чего я хочу?

Когда передо мной встал выбор... Я не могу стать второй тетей Бриджид, хранить секреты не так уж и сложно, если не накручивать себя. Беннетт достойный учитель — мастер своего дела, так почему бы и нет?

Все необходимое оказалось простым. Я больше не поддаюсь его власти, которой он влияет на меня. Я могу учиться у него, не снимая одежды. Никакой.

План придуман!

*Правильно.* Голос вернулся, и я стиснула зубы.

Закрыв дверь, я выхожу из душа, окутанная облаком пара.

— Верь в это! — говорю я с большей уверенностью, чем есть.

# Глава 8

## Отлично, я буду проклята

Я ЕДУ ОБРАТНО в такси сквозь тоннель, когда мой телефон начинает звонить.

В тусклом свете заднего сидения, я достаю телефон из сумки и нажимаю «ответить».

— Привет, Джон, — говорю я, и мой желудок сжимается. Он хочет спросить, как все прошло прошлой ночью и я, опережая его, даю заранее придуманный ответ. — Мы работали до поздней ночи. Ты был прав. Сенатор Стоун — тот еще кретин.

— Это не новость, — отвечает он смеясь. — Он великолепен, высокомерен и богат. Чего ты ожидала?

— Ничего, — говорю я.

— Думаю, ты ему нравишься.

— Я нравлюсь? Не знаю, с чего ты это взял, — отвечаю я, пытаюсь понять, к чему идет эта беседа и как ее прекратить.

Джон фыркает.

— Любовный вирус. Держу пари, вы двое вечно сталкиваетесь лбами, и этого наш популярный Сенатор Стоун не ожидал. Но, кажется, он воспринял твою дерзость... нормально.

— Он тот еще тиран. Мне нужно было съездить домой, принять душ и переодеться, — выдавливаю я со смехом. — Мы не можем, обсуждать его так открыто. Та записка, что ты написал... Про «интим помощь» — это ужасно!

— Черт. Прости, я потерял ее вчера, а потом увидел, как он держит ее. Ты права. Никаких больше шуток, когда вы с Сенатором Стоуном вместе.

— А что насчет тебя?

— Я собираюсь заехать за вами.

— Хорошо, — отвечаю я, думая о предстоящем дне и стараясь не задумываться о Беннетте, который может лежать голым в постели.

— Угадай, куда я поеду, чтобы сделать свою грязную работенку для «Пост» на следующей неделе?

Я задумываюсь, радуясь тому, что можно сосредоточиться на чем-то помимо Стоуна.

— В офис вице-президента?

— Практически.

Джон побывал во всех уголках Вашингтона. Его новая работа может быть связана с любым человеком.

— Я не знаю. Куда?

— В офис Спикера. Неподражаемого Джексона Картера! — кричит он мне в ухо. — Мы будем вместе. Ты можешь поверить в это?

Да, могу. Я должна была предположить это. Он был горяч и занимал не самое последнее место в Белом Доме, поэтому мы с ним встретимся там. Я обязана ему.. многим; надеюсь, что он не окажется слишком бдительным. Это лучшее, что могло произойти, но я нервничаю, что если нас заметят где-нибудь неподалеку от Белого Дома. Он может прочитать все на моем лице. *Что ж, Кса, значит, сегодняшний день должен пройти гладко!*

— Я потеряла дар речи. — И более того, я просто в ступоре.

Я уговариваю себя успокоиться. Вероятность того, что у Картера и Стоуна есть

совместные дела, должна быть практически нулевой. Картер, будучи спикером, наверняка закопан в парламентском дерьме по самые яйца. Достаточно для того, чтобы не участвовать в других проектах. Картер и Стоун из разных партий, разных комитетов, более того — из разных миров.

Я спрашиваю, как бы невзначай.

— Так, где находится офис Спикера?

Джон отвечает не задумавшись.

— Офисное здание. 1011 Лонгворз. Я запомнил адрес. Я повторял его с тех пор, как услышал вчера поздно вечером. Боже, он так горяч.

— Подожди, а что случилось с Митчем? — спрашиваю я.

— Неужели то, что это было мимолетное увлечение — так ужасно?

— Ох... — произношу я медленно, зная, сколько было у Джона *мимолетных увлечений*.  
— Итак, он женат.

— Не важно. Ни для тебя, ни для нас обоих. Спикер слишком великолепен, чтобы свести меня с ума и отвлечь от одного горячего адвоката.

Несмотря на то, что мы с Джоном друзья, и чувствуем друг друга, я не могу спокойно сидеть и слушать о его фантазиях после того, что сама сделала. Я грубо перебиваю его, но тяжелые мысли безжалостно накидываются на меня.

— Замечательно! Я рада, что по счастливому стечению обстоятельств, мы окажемся с тобой вместе в стенах Белого Дома. — Мои щеки вспыхнули, и я закатила глаза, напоминая себе, что не должна больше обращать внимание на босса. Никогда.

— Это просто отлично. Я провожу некоторые исследования. Мой редактор хочет, чтобы я нашел что-нибудь, что взорвет прессу. Есть какие-нибудь идеи? Что-нибудь про Стоуна?

— Откуда мне знать? Мы только встретились, — отвечаю я, сжимая телефон.

— Совсем ничего? Он не приставал к тебе?

— Ты сам говорил, что он не связывается с персоналом... или со стажерами. Разве нет?

— Нет, конечно, нет! Мой редактор иногда сводит меня с ума. Количество наших читателей резко снизилось, нас вызвали на ковер и сказали копать, как можно глубже.

— Как сотрудники желтой прессы? Ты шутишь!

— Эй, не я выбираю, что будет главной темой следующего выпуска «Пост». Есть группа редакторов, которые решили, что скандал поможет нам в расширении нашей аудитории. А это как раз то, чем занимаются депутаты после дебатов. Ты знаешь. Маленькая чертовка.

— Господи, Джон! Я не хочу в этом участвовать. Обещай мне. Я еду в Белый Дом ради стажировки, а не ради того, чтобы стать участницей грандиозного скандала.

— Никогда. Клянусь. Я когда-нибудь тебя обманывал?

Мой ответ был очевиден, никогда.

— Ты прав, — говорю я, и смотрю на мелькающие за окном огни тоннеля.

— Я заберу вас где-то через час. Может, удастся взять небольшое интервью у Стоуна?  
Вы говорили обо мне?

— Нет. Мы обсуждали стратегию кампании, и ты прекрасно знаешь, что это не обсуждается до официального старта. Я только начала с этим работать и не могу ничего рассказать. — Я так рада, что он не может видеть мое лицо, пылающее всеми оттенками красного до самых волос.

Такси выезжает из тоннеля и впереди показывается силуэт отеля, размытый каплями начинающегося дождя.

Есть время, чтобы успокоиться и собраться. На улице 22 градуса, а я плавлюсь на заднем сидении.

— Позвони мне, когда доберешься до отеля, и спасибо за то, что ты сделал. Ты знаешь с командой Стоуна и его связями... — Мой желудок сжимается.

— Как говорится: все наши поступки возвращаются к нам. Эй, о чем речь, если ты сможешь мне заполучить интервью, — отвечает Джон. — Или я могу сделать это сам. Мне просто нужно заткнуть моего редактора, который говорит, чтобы я находил информацию потом и кровью.

— Хорошо, — вздыхаю я, прежде чем повесить трубку. Не знаю, почему, но его разговор с Беннеттом кажется мне проблемой.

Что ж, *может это потому, что Джон ищет грязную информацию!*

— Надо бежать. У сенатора весь день расписан. Одна из встреч ранним утром, мне надо спешить.

— Я скоро буду. — Он отключается.

Затем водитель объявляет:

— Мы на месте, Мисс. Не волнуйтесь, я припаркуюсь прямо у входа, так что вы не намочите свои туфли.

— Спасибо большое. — Я смотрю в окно, пока такси разворачивается, чтобы подъехать к отелю.

Взяв сумку, я иду вперед и чувствую, как все мое тело пульсирует от того, что через несколько минут я окажусь лицом к лицу с Беннеттом.

Как и обещано, мы останавливаемся прямо у входа, и водитель выходит, чтобы открыть мне дверь. Порыв влажного воздуха будоражит мои нервы лучше утреннего душа. Надеюсь, перспектива увидеть Стоуна не означает, что я тут же окажусь без трусиков.

Мы стоим у главного входа, я отдаю деньги водителю, и он приподнимает кепку, прежде чем уйти. Убрав кошелек останавливаюсь и достаю его снова. Ключ от номера Стоуна прошлым вечером лежал здесь. О, черт. Это значит, что он рылся в моем кошельке. Я смотрю на фотографию, на которой изображены мы с Джоном, гадая, заметил ли ее сенатор. Что он мог подумать? Может то, что я попросила друга побыть нашим водителем? Или что я не профессиональна? Я говорила Норе, что Джон мой знакомый и ее все устроило, даже машина на прокат. Почему Стоуна должно это волновать?

Прежде чем убрать кошелек в сумку, я достаю ключ от своего номера.

Пока я иду по холлу, меня не покидает ощущение, что за мной наблюдают. И это уже не в первый раз. Я перевожу взгляд в сторону источника моего дискомфорта.

*Ущипните меня.*

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Мой глаза встречается с затуманенным взглядом Беннетта, и он поднимает кружку в знак приветствия, самодовольно скалясь. Я чувствую знакомую вибрацию, прокатившуюся по моему телу. Он опускает кружку и с вызовом играет бровями. Выйдя из-за своего столика в ту зону, где люди обычно читают и смотрят новости, он застегивает пиджак и смотрит на меня. Вся моя уверенность, что я смогу не реагировать на Беннетта, тут же летит к чертям. Испаряется!

С гладко выбритым лицом и уложенными волосами он выглядит, как лучший конгрессмен и его внешний вид не оставляет сомнений в том, почему он выиграл в номинации «Самый сексуальный сенатор» журнала «Космополитен».

— Доброе утро, мис Кеннеди. Я надеюсь, Вы хорошо *спали*, — говорит он, лукаво улыбаясь.

— *Спала*, — повторяю я за ним, будто впервые слышу это слово. Все мои планы рушатся, потому что в них не входили упоминания о прошедшей ночи.

— Да. Тебе нужно было поспать. Так ты спала? — Он разрывает зрительный контакт, гуляя взглядом по моему телу.

Он вызывает во мне приступ ярости, такое ощущение, что я трещу по швам. К черту мои планы. Я должна выяснить, почему он так действует на меня.

— Что ты сделал со мной прошлой ночью? — шиплю я сквозь зубы и замечаю неподалеку мужчину, который направляется в нашу сторону. — Нам нужно поговорить.

Его взгляд снова встречается с моим, и он кивает.

— Согласен. Мне интересно, куда ты исчезла. Я пришел в твою комнату в надежде, что мы сможем... *поговорить*.

— Мне нужно было переодеться, — отвечаю я.

— Да, я вижу. — Взгляд Стоуна опускается на мою грудь, и он наклоняется ближе, затем шепчет. — Пойдем со мной.

— Я бы не стала этого делать.

Наши взгляды встречаются, и улыбка исчезает с его лица. Мы в нескольких сантиметрах друг от друга — достаточно близко, чтобы я могла чувствовать напряжение, исходящее от его тела.

— Ты пойдешь, даже если мне придется нести тебя взвалив на плечо.

— Ты всегда будешь таким первобытно доминирующим?

— Если это то, что тебе нужно, — отвечает он, и мы продолжаем смотреть друг другу в глаза. — Тогда, да.

— Что, черт возьми, это значит? — злобно шепчу я.

Ни один из нас не отрывает взгляда, и он подходит ближе. Чем ближе он ко мне, тем сильнее горит мое лицо. Еще сантиметр, и мы поцелуемся.

— Ты — то, чего я хочу. Я хочу обладать тобой. Полностью.

После его признания мурашки пробегают по моей шее. Я оттягиваю пальцами шарф, обернутый вокруг нее, и его взгляд тут же перемещается туда, он делает шаг назад, по-прежнему стоя напротив меня так, что я могу видеть, как расширяются его зрачки, пока мы смотрим друг на друга. Боже, я не могу дышать, и мое сердце бьется слишком быстро. Где же конец той силы, которой он действует на меня?

— Остановись, — произношу я. — Не играй со мной, будто я ненормальная. Я очень хорошо понимаю, как мы рискуем, и какая опасность нам грозит, если мы *ошибемся*. Тебе это знакомо?

— Я не обижу тебя. — Он смотрит на меня и его лицо искажается, словно от боли или будто он собирается сказать мне что-то обидное, из-за чего я напряглась.

— Как я могу быть в этом уверена?

— Иисусе, я обещаю тебе, — рычит он. — Дай мне пять минут.

— Для чего? — спрашиваю я, и смотрю на него, пытаюсь найти ответ... И чувствую, что то, что он предлагает мне — он может просто взять, если я не буду осторожна.

— Все еще упрямисься, — произносит он.

Прежде, чем я успеваю сказать «да» или «нет», или «иди к черту», он сокращает расстояние между нами, затем берет мою сумку. Беннетт берет меня за запястье и говорит:

— Лучше пойдём со мной.

Я могу последовать за ним. Или отдернуть свою руку, и смотреть, как он уходит. Но у моих ног есть собственный разум, я делаю шаг вперед, стараясь идти в ногу с ним. Мы возвращаемся к лифту, и он нажимает кнопку вызова.

Он смотрит через плечо и произносит так тихо, что я едва ли могу слышать его:

— Мвою мать.

— Почему ты злишься? — спрашиваю я, не понимая и боясь, что сейчас он попросит забыть все.

— Я не злюсь. Я изголодался. — Он притягивает меня ближе к себе и проводит губами по моей щеке до уха. — Ты принимаешь противозачаточные?

# Глава 9

## О ее рте

У МЕНЯ ЕСТЬ ПЛАН. Она — Ксавия Кеннеди, и она быстро становится проклятьем моей жизни. Я вижу, как она заходит в холл, мягко улыбнувшись таксисту минуту назад, и это заводит меня и заставляет член встать.

Но да, *у меня же все под контролем*. Однако я определенно себя не контролирую, когда иду через холл, улыбаясь во весь рот. Я и мое чертово эго возомнило, что мы могли бы выиграть эту игру, не нарушая правил. Эта девушка заводит меня и сама даже не подозревает об этом.

Что ж, через мгновение она это поймет. И я открываю чертову дверь, спрашивая про противозачаточные. Обычно я не трахаюсь без защиты, но с ней я хочу чувствовать ее кожей. Если мне придется держать себя в руках до субботы, то это единственное, что поможет мне утолить мой аппетит... Неумное желание и дикий стояк. Все, что мне нужно — это потерпеть несколько дней, а потом она станет моей сабмиссив. Я буду обладать ее прекрасным хрупким телом. И владеть ею так, как я того захочу.

— Почему тебя это интересует? — спрашивает она, и звук ее голоса разжигает огонь в каждой клеточке моего тела.

Я поворачиваюсь и наклоняюсь к ее уху, вдыхая ее неповторимый аромат.

— Потому что то, что я собираюсь сделать, может повлечь за собой проблемы. Я трахну тебя у первой же стены, у которой мы окажемся. Вот почему. — Стоя в холле на первом этаже, я готов найти укромное место и закончить то, что начал в клубе два месяца назад. Я притягиваю ее ближе, осматривая коридор на наличие места, в которое можно затащить ее и трахать до беспамятства. Звенит звонок лифта, отвлекая меня.

— Меня спас звонок, — шепчет она.

— Нисколько, — отвечаю я. — После тебя.

Вызов брошен и если она зайдет в лифт, то она знает на что идет. Мне нужно трахнуть. Ее. Я на волоске от того, чтобы сделать это прямо в лифте, если этот стервозный ротик ответит на вопрос.

То, что мне нужно, спрятано за закрытой дверью и в этот раз не будет никаких игр. Четр. Она сводит меня с ума. Я стискиваю зубы, чтобы удержаться от желания научить ее некоторым манерам, но рано или поздно я сделаю это. Пока она дает мне дозу... дразнит, мучает, я подожду до субботы. Тогда я получу ее, и она будет играть по моим правилам.

Мы смотрим друг на друга, и она опускает глаза.

— Хорошо, что ты такой потрясающий лжец. Иначе, я дала бы тебе пощечину.

— В день, когда ты ударишь меня по лицу, будь готова. Детка, ты прекрасно знаешь, что поплатишься за это. — Я приглашаю ее пройти в лифт и она, вздернув подбородок, удивляет меня тем, что заходит внутрь.

Ее бедра чувственно двигаются, когда я опускаю взгляд вниз по ее телу. Я собираюсь раздеть ее, и наслаждаться ее вкусом часами, пока мы не приедем в Вашингтон и я не раскрою все ее маленькие грязные секреты. Одетая в костюм и шарф, она не обманет меня. В мою память глубоко врезались ее прикосновения. Я понятия не имею, какое белье на ней надето, но замечаю, что туфли не менее впечатляют, чем те, что были вчера. На этот раз тонкие ремешки не перетягивают ее лодыжки, но каблуки делают ее ноги более

сексуальными и вызывающими. Она снова надела чулки, клянусь своими яйцами, что у нее есть еще пара кружевных подвязок, помимо тех, о которых я думал, пока дрочил ночью.

Я захожу внутрь и становлюсь рядом с ней.

— Ты потрясающе пахнешь, — бормочу я, и соблазнительно улыбаюсь, нажимая на экран своего телефона и открывая PDF файл. — Я пах тобой несколько часов и ты даже не можешь себе представить, как это невыносимо.

— Скажи мне, этот прием работает с другими женщинами, которых ты соблазнил? Правда, тебе не нужно быть таким... Не со мной.

— Я не соблазняю женщин, — говорю я, удивляясь тому, с чего она это взяла, мои плечи и шея напряглись.

— Это потрясающе. Почему девушки готовы пасть к твоим ногам, когда ты улыбаешься и смотришь на них своими зелеными глазами?

— Дорогая, я имел в виду, что не преследую женщин. И я не сторонник спонтанного секса. Ты первая за долгое-долгое время.

— Ты лжешь.

Двери лифта открылись, а мы не двигаемся.

— Это не ложь и ты знаешь, что если пойдешь за мной, то я трахну тебя, а потом мы поговорим. Обсудим план.

— Ты бредишь?

— После прошлой ночи — возможно. А теперь пойдём, я уверен, ты можешь идти и читать одновременно. — Я поднимаю руку, в которой держу телефон и результаты медицинских анализов высвечиваются на экране.

Взяв ее за запястье, я тяну ее за собой, и мы выходим из лифта. Она шла нехотя, но мне нравится заставлять женщин делать то, что надо мне. Я придвигаюсь ближе к ней, говоря как можно тише.

— Не спорь со мной, Кса. Мы оба хотим секса. Нам обоим нравится этот экстрим. Я хочу показать тебе, как далеко мы можем зайти. Обещаю, что ты не пожалеешь, если разрешишь мне обладать тобой.

Она смотрит на мой телефон и ее глаза округляются. Я смотрю, как она читает, а затем поднимает глаза.

— Мне не нужны результаты твоих анализов.

— Прошлая ночь была реальностью, а не моей фантазией, но у тебя не так много опыта. Ведь так?

— Это имеет значение?

— Когда ты проверялась в последний раз? — спросил я, заранее зная ответ, спасибо компьютерному гению Арчеру.

Черт, я очень хочу эту девушку.

— В июне. Я чиста... И я не сплю с кем попало. Куда мы идем? — спрашивает она, ее глаза по-прежнему большие словно блюда, и краска заливает ее милое личико.

Я стараюсь не смотреть на ее ротик, чтобы не взять ее прямо в коридоре.

— Не важно. Твой номер или мой?

— Мой, — говорит она, и я киваю.

— Дай мне свой ключ.

Мы останавливаемся перед дверью, и она отдает мне ключ. Мы в секунде от жаркого секса.



— Так ты принимаешь противозачаточные? — Я сдерживаю себя от того, чтобы войти, затем сжимаю зубы. Могу ли я это сделать, если она скажет, что перестала принимать таблетки? У нее в сумке нет таблеток, может она из тех, кто не берет их с собой без острой необходимости. Трахать ее в задницу после того, как отшлепаю, будет потрясающе — для меня... Но не для нее.

— Да, — шепчет она, входя в свой номер.

Закрыв дверь на ключ, я следую за ней.

— Какие?

— Показать тебе рецепт, Мистер Зануда?

— Мне нравится держать все под контролем.

— Поймала! Ты помешан на контроле.

— Лучше бы ты поблагодарила меня. — Я поднимаю бровь в тот момент, когда она фыркает и поворачивается на каблуках. Я притягиваю ее обратно к себе и черт с ними, моими идеями о том, чтобы не играть с ней больше. — Куда, черт возьми, собралась?

— Ты всегда будешь так делать? — Она останавливается напротив меня, обдавая жаром мое лицо. — Полностью контролировать меня?

Она спрашивает о моей потребности в контроле, и я киваю.

— Это часть того, что меня заводит. И не ври. Тебе это тоже нравится.

— Ты напрашиваешься на комплимент?

— Возможно. Ты напрашиваешься на хорошую порку?

— Боже, ты победил. Что мне нужно делать... *Сэр?*

Я поднимаю голову и смотрю поверх нее. Я хочу попросить ее, чтобы она называла меня «Мастер» или «Сэр», так как мне это привычнее. Я хочу, чтобы она стояла передо мной на коленях до тех пор, пока я не разрешу ей встать. Она заводит меня, и я готов впустить ее в свой мир.

— Разденься. Оставь только белье и туфли. И жди у кровати. — Я обхожу ее, снимая свой пиджак, направляюсь к шкафу и спокойно наблюдаю за ней. Она идеальна — то, что мне надо. Я беру вешалку и вешаю пиджак, убирая его в шкаф. Скоро я научу ее, как правильно преподносить себя. Голой и с опущенной головой. И поднятой попкой. Я вижу, что она изо всех сил пытается расстегнуть юбку, я подхожу к ней.

— Позволь мне.

— Не порви ее.

— Тогда не спорь, — шепчу я, отказываясь признавать, что эти блестящие голубые глаза и умный ротик сводят меня с ума. Она говорит тем самым тоном, который заставляет мой член стать твердым, словно камень, и она специально закатывает глаза.

Я буду наслаждаться игрой по моим правилам в *Доме*, и покажу всем свидетелям, что мис Кеннеди принимает мою власть над ней. Я расстегиваю замок, надеясь увидеть ее кремовую кожу, считая секунды до того, как пара подтяжек, пересекающих ее аппетитные ягодицы, покажется мне. Та пара, по которой я скользил пальцами прошлой ночью... но черт, на ней были плотные трусики. Я еле сдержал стон, пытающийся вырваться из моих легких, глядя как она выступает из своей юбки. Я сжал пальцы в кулак, желая увидеть ее обнаженное тело. Обнаженное для меня. Только для меня.

Черт, я начинаю сомневаться, что готов к тому, что кто-то еще увидит ее голой, кроме меня в *Доме*.

Позволю другим мужчинам смотреть, как я трахаю ее. Конечно, они будут в другой

комнате, отделенной от нас окном. Но смогу ли я смириться с этим?

С отвисшей челюстью я смотрю, как одежда соскальзывает с ее тела. Она снимает шарф, расстегивает блузку и когда она наклоняется, я могу видеть ее бедра и каждый изгиб ягодиц. С каждой минутой я становлюсь все тверже, и молния брюк явно мешает мне. Мышцы моих плеч и рук напряжены до предела. Черт, еще секунда и я кончу себе прямо в штаны. Мне нужно расстегнуть ремень и молнию.

Я подхожу к тому месту, где она ждет меня, как я и просил. Ее волосы заплетены в косу — прекрасный вариант для того, чтобы можно было намотать их на руку. Сейчас я очень сильно возбужден, и я смотрю на ее прекрасное лицо. Подняв ей подбородок, я смотрю на следы, которые оставил. Боже, за один вечер я оставил ей множество напоминаний о себе и о причинах, почему подобные игры должны оставаться в стенах *Дома*.

Она заставила меня желать нарушить правила, и мне нужно убедиться, что мы не переходим недопустимую черту. Речь идет не только о здоровье, но и о тех вещах, которые я хочу показать ей. О том, что никто не должен слышать от меня.

— Думаю, настало время для стены. Тебя когда-нибудь трахали стоя? — Не дожидаясь ответа, я обнимаю ее за талию, а свободной рукой берусь за попу, сжимая одну из ягодиц.

— Хватит болтать, просто возьми меня, — отвечает она с привычной дерзостью.

— Кеннеди. Следи за тоном! — Я так близок к тому, чтобы отшлепать ее, стремясь напомнить, кто здесь главный. Подойдя к ней сзади, я толкаю ее к стене, мой член напрягается еще сильнее и начинает подрагивать. — Ты искала меня, чтобы я сделал это?

Она смотрит на меня и медленно поднимает бровь, прежде чем взять меня за член и сильно сжать его.

— Как я сказала, меньше слов, больше дела.

Я двигаю член у нее в руках, смакуя ощущение ее шелковой кожи поверх моей. Ощущать ее пальцы так прекрасно, что я не уверен, смогу ли продержаться долго. Она снова делает это со мной, показывает мне, что я не победитель в этой игре.

— Обхвати меня ногами, Кса.

Мы смотрим друг на друга, и она закусывает губу, а я понимаю, что хотел бы ощутить ее зубы на своей коже. И это все попахивает безумием. Я не единственный, кто позволяет женщине оставлять отметки на своем теле — кусать, царапать и так далее. Но с Кеннеди я хочу чувствовать ее полностью, взять все, что она может мне дать. Не могу сказать, что удивлен тем, что мы снова здесь, полуголые, но я готов взвыть лишь от одного ее прикосновения.

Что ж, в эту игру могут играть двое. Я скольжу рукой между ее бедер, просунув указательный палец ей в трусики. Ее глаза темнеют, и я провожу губами по ее щеке. Она часто дышит и ставки растут, я отодвигаю кружево, пробираясь к входу, затем провожу пальцами по нежной коже ее киски.

— Такая мокрая, — выдыхаю я, желая чувствовать ее не только пальцем, но и ртом. Мне не хватит рук, чтобы сделать все то, что я хочу сделать с этой девушкой.

Я провожу пальцем по ее клитору, очерчивая медленные круги, показывая, что я тот, кто контролирует ее удовольствие. Ее взгляд прикован ко мне. Всего одно движение и я не выдерживаю, погружая свой палец глубоко в нее, давая то, что ей нужно. Она извивается, постанывает, и я вознаграждаю ее. Переместив свой палец на клитор, нажимаю на этот возбужденный бугорок.

Я хочу показать ей, что если она будет слушаться, она будет получать удовольствие. Это

не так трудно запомнить, но эта девушка очень упряма.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я ее, пропуская ее клитор между пальцами.

— Пожалуйста... Ты знаешь.

— Если ты будешь спорить, то можешь и не получить то, чего так желаешь.

Желание возразить четко читается на ее прекрасном лице. Понимает ли она то, насколько легко ее прочитать? Наверное, нет. Я жду, мои пальцы на расстоянии менее сантиметра от входа в ее киску.

— Просто скажи мне, что тебе нужно. Я не пытаюсь проверить твою силу воли, просто скажи о том, что я должен сделать.

Ее горящий взгляд фокусируется на мне, словно она находится внутри моего тела, или даже головы.

— Пожалуйста, научи меня.

Я моргаю. Я рассчитывал услышать слово «ласкай», но она попросила не об этом.

— Научить тебя? — выдыхаю я, давая себе время осмыслить ее просьбу, пока смотрю в ее горящие диким огнем глаза, любуясь их светом и огнем, которые хорошо видно даже в полумраке номера.

— Да. Я хочу научиться тому, что делаешь ты.

Боже, эта девушка словно бомба замедленного действия.

— Ты умна, — говорю я, раздвигая ее губки, глядя на свои пальцы, окутанные ее влажностью. Я погружаю палец в нее. Глубоко. Теперь пришло время показать ей, кто командует здесь и это то, о чем она просила. Я погружаю палец лишь наполовину и наслаждаюсь ее всхлипами, тем, как дико пульсирует вена на ее шее. Пришло время дразнить ее, соблазнять, мучить — это тот урок, о котором она просила и тот, что я собирался ей преподать.

— Я так близко, — стонет она, скользя руками по моим плечам.

— Что еще тебе нужно... кроме уроков покорности?

Она прикусывает губу. Черт, она продолжает перечить мне. Мой член дергается, и капля сока стекает с головки. Мы оба хотим одного и того же. Но черт, я не уверен в том, кто из нас уступит... черт. Хватит!

— Давай, Кеннеди. Дай мне это, детка. Позволь мне войти в тебя. — Я нуждаюсь в ней как в кислороде. Я жду, задержав дыхание и медленно, с шумом выдыхаю, когда она кивает. Должно быть, мои слова возымели правильный эффект.

Она обнимает меня за плечи и сквозь стон произносит мое имя.

— Стоун. Возьми меня.

Я на грани, поднимаю ее за бедра, пока не упрусь в ее киску.

— Это будет жестко. Быстро. Тебе сейчас это нужно.

— Да? — спрашивает она, подняв бровь, прожигая меня насквозь ледяным светом своих глаз. Нотки сопротивления в ее голосе доходят прямо до моего члена. — А звучит так, будто ты говоришь о себе.

Я не успел погрузиться в нее и презякулят продолжает капать. Неужели она собирается и здесь пререкаться со мной.

— Попроси вежливо, — произношу я.

Ее ответ безмолвен. И стар, как мир. Выгибаясь, она поднимает бедра, направляя свою киску на мой член. Маленькая полоска ткани разделяет нас, черт возьми, эта девушка дразнит и провоцирует меня, мои соски твердеют, и я стискиваю зубы так, что не могу

дышать. Желание наполняет кровь. Удовольствие прокатывается по моему телу от осознания того, что я полностью контролирую ее удовольствие. Ее боль. Без презерватива. Мы будем кожа-к-коже. Она влажная. Горячая. И мне нужно быть внутри нее. Прямо сейчас.

— Ох, чего же ты ждешь? Или ты хочешь, чтобы я встала на колени? — Теперь пришла моя очередь удивляться.

Ее глаза горят, и она встряхивает головой.

— Пожалуйста, — произносит она, протяжно выдыхая.

Этого не достаточно. Она должна научиться. Я приближаюсь к ней настолько, что теперь мы дышим одним воздухом.

— Пожалуйста, что?

Она смотрит на меня, пронзая взглядом насквозь, и ее щеки пылают. Какой же у нее темперамент!

— Пожалуйста, не будь таким придурком.

— Черт, Кеннеди, — вскрикиваю я, толкая ее назад к стене, и мы смотрим друг на друга. Я взбешен, как никогда ранее. — Скажи мне, и я дам тебе все, чего ты хочешь.

— Пожалуйста, трахни меня, — мягко шепчет она.

— Хорошая девочка, — говорю я, накрывая ее губы своими, и снова запускаю палец в ее трусики.

— Стоун... ты серьезно... опять?

— Ты научишься. Когда ты рядом со мной, лучше тебе не надевать трусики.

Взяв в руку член, я нахожу ее вход, притягивая ее стройные бедра к себе, разворачивая ее лицом к себе. Мышцы плеч содрогаются с каждым движением моего члена. Мне необходимо быть в ней. Она тугая. Такая, черт побери, тугая, когда я вхожу в нее, притягивая за бедро. Ее влага окутывает мою кожу. Желание сводит меня с ума, и если я не буду осторожен, то причиню ей боль.

Я снова и снова двигаю бедрами, с каждым толчком входя в нее на несколько сантиметров.

— Ксавия, расслабься для меня.

Ее упругость и влажность медленно растягиваются вокруг меня, райские ощущения, и я утыкаюсь лицом ей в шею, что-то нашептывая и постанывая. Каждый новый толчок все ненасытнее, а звуки все громче.

Я скоро кончу, хотя еще не вошел в нее полностью.

— Стоун, пожалуйста, — шепчет она в ответ, и я не могу отказать ей. Я приподнимаю ее и опускаю на свой член.

— Вот так! — победно рычу я. Я вошел до конца и начал быстро двигаться.

Она имеет мое тело и мой разум, и ее киска так чертовски хороша, что я не могу остановиться. Я даже не пытаюсь замедлиться. Я поднимаю ее ноги, придавливая ее к стене в нашем собственном ритме, в котором наши тела идеально соединены, и мы оба утопаем в наслаждении.

Кеннеди откидывает голову и запускает пальцы мне в волосы, оттягивая их. Ее действия только усиливают мое удовольствие, но я по-прежнему не могу насытиться ею.

Этого не будет никогда.

Я опускаю ее бедра резко на член, и она задыхается. Я делаю это снова и снова, показывая ей, кто контролирует все. Вид ее приоткрытых губ и закрытых глаз заводит меня сильнее, и мне хочется уложить ее на кровать, а затем трахать до тех пор, пока она не начнет

выкрикивать мое имя.

Только мое имя. Больше ничье.

— Открой глаза, — командую я, наслаждаясь своей властью и тем, как она подчиняется.

Мой член пульсирует, и я все глубже погружаюсь в ее шелковую мягкость. Ее ресницы дрожат, когда я выхожу и лишь головкой касаюсь ее влажной кожи.

— Ты хочешь кончить? — спрашиваю я.

Я хочу услышать, как она кончит. Черт, я хочу услышать, как ее крик разрывает тишину комнаты. То, как я чувствовал себя прошлой ночью, не поддается контролю и пониманию, и только, когда я внутри нее, я чувствую себя полноценным.

— Больше всего на свете, — шепчет она.

Боже, чувствовать ее, ощущать ее — лучшее, что может быть. Мне надо понять, почему она заставляет меня чувствовать себя таким полноценным, и, в то же самое время, разбитым на куски, будто бы я сошел с ума.

Понемногу эта девушка становится частью меня, и я вбиваю свой член в нее, пытаюсь найти ту связь, которая нас соединяет. Поднимая, опуская ее бедра, мой член входит и выходит из нее, а она принимает каждый толчок.

— Ты уже близко? — хрипло спрашиваю я, и звук моего голоса почти не слышен.

Она маленькая, легкая, но имеет меня с неистовой силой. Я собираюсь кончить, а это сейчас чертовски недопустимо. Моя рука проскальзывает между нашими телами, и я дотрагиваюсь до напряженного бугорка ее клитора, который дрожит от одного моего прикосновения. Да, она на грани, но почему, черт возьми, она не ответила мне?

Мое сердце бьется о грудную клетку, и член пульсирует, но есть только один способ договориться с упрямой женщиной. Я проникаю в нее. Жестче и жестче, пока она не начинает стонать, вонзив ногти мне в плечи. Боль, которую она причиняет, усиливает наслаждение. Мне нужно время, иначе я проиграю. Она так невероятно хорошо ощущается на моем члене. Я поднимаю голову так, что теперь могу видеть ее лицо.

— Ты готова кончить? — Я ласкаю ее клитор, глядя на реакцию, но сокращения ее киски вокруг моего члена больше привлекают внимание. Я продолжил доводить ее, проводя пальцем вокруг ее клитора, вырисовывая по этому скоплению нервов круги, когда лед в ее глазах начал таять. Я снова щиплю ее за клитор и тут же поглаживаю пальцами. Лаская ее плоть, я проникаю глубже, желая, чтобы она двигалась со мной в одном ритме.

— Ты пытаешься сдержаться. В эти грязные игры могут играть двое.

Она смеется севшим голосом, но от меня не спрячешься. Она очень близко и я могу чувствовать, как сжимается ее киска вокруг моего члена. Боже, она жуть какая упрямая. Я готов взорваться. Я не должен. Не буду.

Я хочу ее настолько отчаянно, насколько это только возможно. Я перемещаю нас к столу и кладу ее на него, приготовившись привести нас к блаженству. Врываясь в ее киску, я наклоняюсь и удерживаю ей запястья над ее головой, усиливая толчки и врываясь глубже. Я всхлипываю с каждым движением, а она пытается вытянуть руки, будто я дам ей шанс освободиться. Я утопаю в чувстве удовлетворения, вдальбливаясь в нее снова и снова, так сильно и быстро, что яркая вспышка ослепляет меня.

— Да, — всхлипывает Кеннеди, выгибаясь подо мной, а ее глаза плотно закрыты.

— Глаза. Открой!

Ее тело опускается, и она открывает свои горящие глаза, начиная дрожать и умолять

меня.

— Стоун. Пожалуйста, еще, — вскрикивает она.

Ее кожа горячая и скользкая, и я чувствую каждый сантиметр моего члена, скользящего в ней. Это не просто секс, это ее секс с моим сознанием, дыханием, телом и только потом уже с членом.

Ощущение власти над ней заставляет адреналин кипеть в крови, я не испытывал такого никогда, — до прошлой ночи.

Я не могу остановиться, только не тогда, когда она просит меня и это — есть точка невозврата. Я скольжу глубже и рычу. Ее киска сжимается сильнее вокруг меня. И черт! Я кончаю. Отпустив ее запястья, я произношу ее имя несколько раз подряд. Я берусь за край стола и нещадно ударяю своими бедрами между ее ног. Тот тип секса, которым я занимаюсь с Кеннеди, переходит все границы, он дикий, необузданный. Она кусает меня за шею, спускаясь ногтями по спине, и я вонзаю член еще глубже в нее и не останавлиюсь, пока она не будет кричать мое имя. Мы то отдаляемся, то соединяемся снова.

— Ты моя, — говорю я, когда удовольствие пронзает мое тело, затем я кончаю в нее. Глубоко, и так сильно.

# Глава 10

## Это не игра

Я ПОЛНОСТЬЮ РАЗБИТА. Сознание. Тело. Планы.

Так больше не может продолжаться.

Я не могу найти определение тому, что происходит между мной и Стоуном. Страстный, жесткий секс, сносящий крышу. Я хотела вернуться в отель, найти его и приступить к работе. Что ж, этот план полетел к чертям.

Я лежу под ним, жадно вдыхая воздух, стол под нами сильно шатается и явно норовит сломаться.

— Мы сломали стол? — недоверчиво спрашиваю я.

— Он не сломан, просто вылетела пара болтиков, — отвечает он.

Это нормально для него? Сводить все к безудержному сексу. Его руки лежат на моих бедрах, и я не могу сопротивляться ему, да и не хочу. Я встречаю взгляд его ярко-зеленых глаз в тот момент, когда он заставляет меня кричать от оргазма, который сметает все на своем пути.

— Что дальше?

— Кофе или чай? Я уже приготовился к своему утреннему выступлению. Ты обычно завтракаешь? Я проголодался.

Он говорит так, будто мы вместе уже много лет. Даже если СМИ не возводят его в статус дамского угодника, он определенно знает, что надо делать с женским телом. Радует то, что его личная жизнь не является предметом для всеобщего обсуждения, однако я думаю, что он популярен среди женщин. Очень популярен и очень скрытен. Он может делать все, что хочет; он знает, как это делать, его не нужно этому учить.

— Кофе или чай. Не важно, — отвечаю я, встречая его горящий взгляд. Его губы вытягиваются в легкой усмешке, и он смотрит на меня, заставляя забыть о том, что наш секс — это ошибка. — Я не завтракаю.

— Звучит, как вызов. — Он наклоняется ближе и ласкает губами мое плечо. — Я уверен, что могу предложить тебе кое-что, чем можно занять твой ротик.

— Ты слишком много о себе возомнил, — отвечаю я, смахивая прядь волос, упавшую на нос. Хорошо, что я не стала прикалывать шиньон и тратить время на укладку. Я должна помнить о том, что этот мужчина способен испортить любую прическу, я тут же стискиваю зубы, напоминая себе, что я не должна думать о волосах. Сейчас стоит подумать о репутации и о том, что требует нашего внимания на данный момент.

— Моему сомнению необходимо встретиться с твоим потрясающим ротиком, предположим, завтра утром. — Он берет меня за подбородок и целует в губы. Отстранившись на несколько сантиметров, он спрашивает: — Ты относишься к тому типу девушек, кто следит за фигурой или просто предпочитаешь подождать ланча?

— *Типу?* Опять? — спрашиваю я, пытаюсь при этом сохранить бесстрастное выражение лица. — А к каким типам ты привык?

— Я не могу целоваться и говорить, дорогая. — Его глаза темнеют, и на лице снова играет хищная улыбка. — Я не пытаюсь тебя задеть. Я просто хочу немного узнать о тебе. Ты ведь не возражаешь? — Он прокладывает дорожку поцелуев от моей щеки к ключице.

— Нет. Но у меня есть несколько вопросов. И ты сказал, что нам надо поговорить. Я не

люблю собирать сплетни. — Мое тело напряглось, когда я попыталась унять дрожь. Между ног снова влажно и я не могу поверить, что позволила этому мужчине трахнуть себя у стены, на столе и вообще войти в меня. Я прекрасно понимаю, что мне надо сделать то, зачем я пришла. Или признать, что я могла бы использовать это влечение, хоть это и смешно, но это может привести к катастрофе.

— Тебя правда интересуют мои предыдущие любовницы? — спрашивает он.

— У вас весьма специфичные интересы и навыки. Не так ли, Сенатор Стоун?

— Черт, — шипит он. — Что конкретно ты хочешь знать? Имена и адреса женщин, которых я трахал? Что это даст тебе, черт возьми? — Он притягивает меня к себе и прижимается своей щекой к моей.

— Ты сказал, нам надо поговорить. И мне нужны ответы. — С каждым словом я говорю все громче, а он в этот момент целует мою шею. Я сжимаю пальцами его бицепс и толкаю его до тех пор, пока мы не окажемся на безопасном расстоянии, затем встречаю его голодный взгляд.

— Кса, — бормочет он. — Мне нравятся твои инициалы [инициалы героини XS, что можно перевести как *очень маленькая, малышка*. игра слов, буквы используют для обозначения размера. прим. ред. ].

Я выдыхаю.

— Никто не называет меня так.

— Никто не выкрикивает мое имя, когда я вхожу в них. Так может я стану первым?

Слушая его, мое сердце стучит так сильно, что кажется, будто оно ломает мне ребра.

— Не станешь, Стоун. — Я прикусываю губу, прежде чем продолжить.

— Нет? Думаю, ты права. — Он смотрит на меня, его зрачки расширяются и он притягивает меня ближе. Очень близко. — Что ты со мной делаешь? — спрашивает он.

— Я? — Я смотрю на него. Мое тело горит, а между ног ощутимо пульсирует, я хочу только одного: оседлать его и объезжать все утро, пока мы оба не насытимся и не вспотеем. Я встряхиваю головой, чтобы отогнать непрошенные мысли о нас с ним в постели. Прежде чем сделать что-нибудь безумное, типа поцелуя, я говорю.

— Нам нужно прийти к взаимопониманию.



# Глава 11

## Мерцание неоновых огней

— ДА, МЫ ТАК И СДЕЛАЕМ, — соглашается Стоун, отступая назад и стягивая штаны — Я хочу тебя. И я собираюсь трахнуть тебя.

— Это не взаимопонимание. Это угроза, — произношу я.

Он ухмыляется.

— Это действительно так. Если только ты не хочешь все прекратить, и чтобы это больше не повторилось.

Я встаю со стола, одетая только лишь в подвязки, туфли, лифчик и пару порванных трусиков, но это не важно, я встаю перед ним.

— Вообще-то я думаю, что так будет лучше всего.

— Забудь об этом. Ты же это не серьезно. — Он слишком уверен в себе.

Я смотрю на него и выкрикиваю:

— Но я действительно так думаю.

— Ты можешь так думать, но твое тело хочет совершенно другого! — Его взгляд опускается к моей груди, а затем еще... ниже.

— Мы не можем быть вместе. — Мой голос переходит в крик, и я продолжаю. — Вне зависимости от того, чего хочет мое тело!

Он смотрит мне в глаза и хмурится.

— Ты боишься.

— Иди на хрен. Я не... боюсь. Просто это плохо для меня, да и какой в этом смысл для тебя?

— Смысл в том, что когда мы трахаемся, это лучшее из того, что я когда-либо делал. Вот. Этого достаточно? И не важно, с кем еще мы были. Только если ты согласишься принадлежать мне. Я обещаю. Черт, Ксавия! Я позабочусь о тебе.

Я в смятении. Он хочет загнать меня в угол.

— Это касается не только секса, — шепчу я. — Это касается нас вместе и того, как это выглядит — это не самый хороший вариант для тебя. Ты забыл, кто ты есть?

— Эм... Давай посмотрим. Встречаться в отеле пока идет предвыборная кампания. Более чем уверен, все пройдет нормально!

— Боже! Не будь придурком. Хотя бы, когда речь идет о серьезных вещах.

— Слушай, ты можешь просто выключить режим стервы? Я не дебил. — Он смеряет меня угрожающим взглядом. Я прекрасно вижу, что он хочет коснуться меня руками, а может даже и уложить на колени.

— Если честно, то и правда, ты не такой, но пока за тебя принимает решения твой член, твоя кампания может полететь к чертям, если один из нас не найдет правильного решения.

— Решения? — повторяет он. — Я вижу решение, детка. Ты моя. И то, что было между нами прошлой ночью останется между нами, пока мы оба не решим вынести это на публику.

— Ох, то есть тебя устраивает публичное обнародование того... что между нами? Мне нужно знать, какой у тебя план, Сенатор! — Я чувствую, как меня накрывают дикие волны похоти и гнева. Это влечение — чистое сумасшествие, семнадцать оттенков ошибки, именно поэтому я не могу согласиться увидеть его полуголым снова.

— Не пойми меня неправильно. — Беннетт сжимает челюсти, кажется ему нужно

время, чтобы собраться с мыслями, когда он опускает взгляд на мою обнаженную киску и его член снова твердеет. Его лицо мрачнеет, и когда он встречает мой взгляд, его глаза готовы метать молнии. — Позволь мне объяснить тебе. Мы трахаемся. Не зависимо от внешнего мира. Мы хотим трахаться и дальше. Мы будем трахаться дальше и будем делать это часами. Господи, днями. Я собираюсь показать тебе, что такое быть оттраханной до рая и обратно. Всеми возможными способами. Твой ротик будет моим, твои сиськи, твоя киска, твоя задница и все остальное. Это похоже на план?

Мы стоим очень близко так, что наши груди соприкасаются, но какая ирония. Моя — полуголая и его, прикрытая рубашкой и галстуком, вздымающаяся слишком часто.

— В какой части вселенной ты живешь? Разве ты не видел «дорогу смерти» в ярких неоновых огнях, по которой мы идем?

— Я не полный дебил, — отвечает он и отходит назад, не глядя на меня, оставляя стоять у стола.

Я смотрю, как он идет в ванну, заходит, но оставляет дверь открытой. Что ж, я не собираюсь просто стоять здесь или идти у него на поводу. Я подхожу к двери и останавливаюсь. Он у раковины выжимает полотенце, и когда я смотрю на него, мое сердце замирает. Складывается впечатление, что я действую по его плану и он коварно улыбается.

— Да?

— Хорошо. Ты можешь не быть *полным* дебиллом. Но нет никакого шанса, что мы с тобой сможем работать вместе и не оглядываться на наши отношения.

Он встряхивает головой, стягивает штаны и боксеры вниз, полностью освобождая свой полувозбужденный член. Его член дрожит, и я задыхаюсь, встречая его потемневший взгляд.

— Не хочешь войти и присоединиться ко мне? — спрашивает он с коварной улыбкой.

В ответ я закатываю глаза и неловко отхожу от двери.

Я не могу описать, насколько он раздражает. Его штаны лежат у его щиколоток. Губы изогнуты в усмешке. Дрожь желания прокатывается по моему телу, и я сглатываю, глядя на него. Я слышу, как застегивается молния, звенит пряжка ремня, поток воды становится сильнее, а потом наступает тишина. Когда мне кажется, что уже безопасно на него смотреть, я выглядываю из-за угла, Беннетт отходит от раковины.

— Иди, ложись, — приказывает он мне.

— Сначала объясни, что ты задумал, — требую я, желая убедиться в его склонности делать все так, как ему заблагорассудится.

— Что-то, что поможет тебе расслабиться. — Он берет чистое полотенце и смотрит на меня так, будто я сошла с ума, решив послушаться его приказа... снова.

— Могу я это сделать одетой?

Он останавливается напротив меня и его взгляд горит опасностью.

— Не совершай ошибки, заставляя меня объяснять все мои намерения. Боже, помоги нам, со временем ты научишься делать то, что я сказал с первого раза.

Стоя здесь я смотрю на него. Молча.

— Видишь, что я имею в виду? К какому типу женщин ты привык?

Я чувствую, что готова вонзиться в него ногтями, пока он не станет нормально отвечать.

— Черт, Кеннеди! Мне нравится мысль о твоей киске, заполненной моей спермой, и я понимаю, что тебе может быть некомфортно ходить в таком состоянии. Весь день. Дорогая.

С полотенцем на плече он выходит из двери и обходит меня. Я игнорирую его грубые слова, но в его голосе привлекательно сквозит собственничество... и этот тон проникает под

кожу. Впервые он не выглядит чересчур властным. Он наклоняет голову, и это действие в сочетании с его открытым зеленоглазым взглядом заставляют меня трепетать.

— Это не первый раз, когда ты моешь женщину? — спрашиваю я, мой голос срывается и становится похож на хрип.

— Нет. — Мышцы на его челюсти напрягаются.

Одно слово. И оно оседает камнем в моей груди. Почему меня должно волновать, даже если до этого он мыл миллионы женщин... Но спазмы в моем животе говорят обратное.

— Ты Доминант?

Он смотрит на меня и мышцы на его скулах начинают двигаться быстрее.

— Да.

Я пытаюсь сохранить концентрацию, пока все мои доводы, построенные сегодня утром не летят к чертям. Если он Доминант... значит, он хочет, чтобы я стала... его сабмиссив.

— Ты хочешь обмыть меня?

— Более того. Если ты — моя саба, то я — *твоей* Доминант: я позабочусь обо всем, что тебе будет нужно. Но это значит, что я полностью обладаю тобой. Это не игра. Ты будешь моей. Моей собственностью. Я намерен полностью контролировать тебя и не дам тебе уйти.

Глубина и мощь его ответа заставили мое лицо гореть и умирать от жажды. Я чувствую, что меня раскрыли. Прежде, чем он поймет, какую власть он имеет, я разворачиваюсь на каблуках, чтобы он не мог видеть, как влияет на меня и насколько мне хочется принять его предложение.

Дойдя до матраса, я увидела ночной столик. Рядом с лампой лежали его запонки, и я не могла разобраться в своих собственных чувствах. Я замедлилась и посмотрела на эти играющие на свету бриллианты, и до меня дошло: он так сильно отличается от тех парней, с которыми я раньше встречалась. Ага, никто из них не хотел обладать мной. Именно в этом и заключается огромная разница.

И самое худшее, он единственный, кто заставляет меня об этом задуматься

— Возможно, ты преувеличиваешь значение нашего двукратного траха, это же просто секс. Я хочу сказать, откуда ты знаешь, что я ... — Я замолчала, не в силах в слух произнести «субмиссив», — подхожу тебе?

— Ты думаешь, что между нами просто секс?

— Хорошо, отличный секс, но всего лишь С-Е-К-С. Ты что ни разу не совершал *ошибок*?

Он уставился на меня. Безжалостный, но все же просто смотрящий на меня.

— Малышка, это далеко не обычный *хороший секс*. Я говорю про то, что ты отдаешь мне себя, и позволяешь мне показать тебе, каким разным может быть секс. Отдай мне полный контроль над своим телом, и я открою для тебя двери в иную вселенную, и обещаю, это будет именно то, что ты искала.

— Твое предложение простирается далеко за пределы вселенной, которая мне знакома. И если дело касается тебя и меня это огромный риск, причем с большой буквы «Р». Конечно, небольшой элемент опасности звучит соблазнительно, ведь мы с тобой в постели просто взрывоопасная смесь. Но за пределами всего этого, у тебя есть сила уничтожить меня. Да и, в общем, наши отношения это воплощение выброса адреналина. Я попробовала это, и не скажу, что это было до такой уж степени незабываемо.

— Это рискованно только для тех, у кого нет плана. Кса, я не собираюсь терять контроль, да и тебе не позволю.

— Тогда чего же ты от меня хочешь?

— Доверься мне и ляг. — Он указал на не заправленную кровать.

Скомканные одеяла отображали именно то, что творилось у меня в душе.

— Мы едва знакомы.

— Ксавия, вот тут ты ошибаешься, — ответил он. — Ты почувствуешь себя лучше, когда вспомнишь, что я здесь главный.

Он остановился возле меня, и его дыхание обожгло мое плечо. К моему изумлению, когда я поднимаю глаза, мою кожу сразу же начинает покалывать, и я, не споря, киваю.

— Ты очень властный, — говорю я ему, но боюсь, такого определения будет не достаточно.

— Я не буду врать тебе. Да, я такой. Я не тот, кто попусту тратит свое время. Я хочу обучить тебя. Если ты мне это позволишь. — Он пальцами коснулся моей спины и подтолкнул к кровати. Беннетт хмурится, это заметно по сужившимся глазам и напряженным полным и чувственным губам.

Те участки тела, которых он касался стали горячими и чувствительными. Мое сердце ускорило бег, а в ушах застучала кровь. В голове проносилось миллион разных мыслей, но я никак не могла подобрать слова, чтобы отказать ему. Ни один мужчина не трогал, не соблазнял, не трахал меня, а затем не приказывал разрешить ему обмыть меня.

Я представила, а что если его слова были правдой, и он предпочитает, чтобы его любовницы безоговорочно следовали его приказам, но скорее ад замерзнет, чем я стану такой послушной.

— Настоящая умная женщина никогда не будет неуверенно следовать за тобой по пятам. Сейчас же не средневековье.

— Поправь меня если я не прав, но разве я следовал *за тобой*?

— Ты понял, что я имела ввиду. — Вот сволочь, он был прав, но я не собираюсь признаваться в этом, особенно когда он хочет, чтобы я стала его послушной сабой.

— Кса, сейчас самое время выучить кто я такой, и что я могу тебе дать. — Его пальцы сжали мое бедро, и он притянул меня к себе, повернув голову так, что его рот едва коснулся моей мочки.

— Твое удовольствие теперь мое! Впусти меня! И я позабочусь о твоих нуждах. Моей целью будет каждое твоё желание. Это не игра. Есть ряд правил, и нарушение их — недопустимо. С тобой я дважды потерял голову. Такое больше не повторится.

— Получается, если я откажусь, то все закончится? — Мое сердцебиение вновь ускорило от близости с ним, когда его четко выраженная грудная клетка касалась моих плеч, а древесный аромат одеколона окутывал меня.

— Ты можешь уйти. Прямо сейчас. Мы разойдемся в разные стороны. Но этого ли ты хочешь? Мне было дерьмово, когда ты ушла от меня тогда в клубе. И только задумайся на секунду, после того как мы трахнулись... в этот раз будет не легче. Я обещаю, если ты уйдешь, то уже навсегда. Есть определенные правила, и я итак достаточно их нарушил. Для нашего же блага, мы должны подготовиться. Составить взаимовыгодный контракт.

Моя голова была готова взорваться.

— Мы должны будем подписать какие-то бумаги?

— Да. У меня есть контракт, в котором указано все дозволенное. Это своего рода подстраховка.

— И почему мне кажется, что это начало какой-то сложной и запутанной схемы?

Он засмеялся от моего вопроса.

— Малышка, это еще даже не начало. — Я начала отходить от него, но он остановил меня. — Я не шучу.

И вот опять появилась его напыщенная уверенность, и не удивительно, что у меня разыгралась фантазия. И всплыла мысль, вернее даже вопрос, почему он никогда не раздевается? И тут мозг переключился, и мне стало интересно, а как он выглядит голым? Что он будет со мной делать, если я дам ему свое разрешение? Я сфокусировалась на его скульптурном теле... я хотела его голым и в постели. Черт, не об этом я должна сейчас думать. Если хоть кто-то узнает эту правду, какой он, то мы попадем во все заголовки. Мы превратимся в сплетню. Здравомыслие и желание защититься подсказывает мне, что мы должны закончить наши отношения прямо сейчас. *Не тормози!*

— Я думаю, мы не должны больше трахаться. Беннетт, я могу испортить твоё будущее.

Без предупреждения он разворачивает меня, бросает на кровать полотенце, и поднимает мой подбородок так, чтобы я смотрела ему в лицо, прямо в глаза. Его зрачки расширены, и я прикована к его взгляду. Даже не думая, мои руки легли на его крепкие предплечья, которыми он удерживал меня — добровольного пленника. Мы так близко друг к другу, и я не могу отвернуться, он держит меня за подбородок. Я в безвыходном положении.

— Ты понимаешь, что это невозможно. — Его уверенный голос становится низким. Беспрекословным.

— Ты мне не подходишь. Сколько раз я должна это повторять. Я не собираюсь рушить свою карьеру ради секса.

— Ты, правда, думаешь, что я собираюсь?

Эта мысль кажется мне смешной, и если такое возможно, мое лицо становится еще более смущенным.

— Нет. Не думаю.

— Дай мне возможность объяснить. Расслабься и выслушай меня. Господи, Кеннеди, хоть это ты можешь сделать?

Мой внутренний голос шептал, что это меня не спасет. Он — мужчина и всегда добивается своего, и я позволяю ему это сделать.

— Это даже забавно! Ты намекаешь на что, что если бы ты не сказал, то я бы слушала тебя не желая расширить горизонты? — Я закатила глаза, прекрасно понимая все возможности, которыми я позволяю ему склонить себя к этому чистому безумию. Фактически я дала ему все карты в руки. *Молодец Кса!*

Он наклонился и его рот завладел моим. Своим языком он раскрыл мои губы, засовывая его, затем наши языки сплелись. Он целовал меня, высасывая все мысли из моей головы. Очень по-собственнически он зажал зубами мою нижнюю губу, кусая ее, но прежде чем я успела вскрикнуть от боли, он вновь переплел наши языки, отпустил мою талию, и, спустив руки вниз, обхватил за ягодицы. Легкое покалывание от недавно отшлепанной плоти вызывает чувство настоящего удовольствия, прошедшее через все тело, утопая в скопившемся в моем животе наслаждении, рвущемся наружу.

Наши глаза встретились, и я увидела в его взгляде грубость, безжалостность, которые он даже не пытался скрыть. Он хотел меня всю.

— Ты хочешь попользоваться мной, — прошептала я, впервые испугавшись этих слов.

— Никогда, — сказал он, быстро и уверенно. — Поверь мне.

Он вновь завладел моим ртом. Его губы такие же умелые, как и прекрасные, полные, жесткие, без изъяна. Он мужчина, который использует свое и мое тела, самым развратным

способом, чтобы пошатнуть мое решение. Именно это он и делал. Знание — это не сила, и я не могла защитить себя. Я ошибалась, когда думала иначе.

Я слабею от его орального натиска. Каждое движение его языка, заставляет меня чувствовать, будто он снова меня трахает, и я тянусь к нему, открывая рот шире, впуская его глубже. Этот мужчина мастер, неважно использует он член или язык. Это настоящее сражение, и он использует все средства, заставляя меня потерять рассудок. Я должна сравнять счет, поэтому поднимаю руки, двигаясь к его широким плечам, выше, пока не зарываюсь пальцами в его волосы и тяну их.

— Ты меня не слушаешь!

— Кеннеди! — Мое имя срывается как предупреждение, сопровождаемое рыком из его горла. — Я слушаю. Я слышу каждый звук, вырывающийся из твоего невероятного рта. Малышка, дай мне шанс.

Его голос становится громче, и он улыбается, как обычно игриво, и я ничего не могу с собой поделать, и отвечаю на его улыбку. Я усиливаю хватку в его волосах, не желая давать ему возможности подумать, что я уже сдалась.

— Я давала тебе шанс. И даже дважды.

— Согласись на нечто большее, чем одна ночь. — Не теряя времени, сенатор шлепнул меня по попке, не один раз, а несколько, пока я не отпустила его волосы и не простонала ему в рот. Не разрывая поцелуя, он продолжает сжимать мою попку, вдавливаясь своим эрегированным членом. Он целует меня жестче, грубо демонстрируя свою силу, с которой поглощает меня.

Его действия должны пугать меня, но этого не происходит. Я таю, находясь на грани взрыва.

— Пожалуйста, — без стеснения умоляю я.

— Я должен трахнуть тебя так, как ты этого заслуживаешь. Показать, о чем я говорю. Позволишь и дашь ли ты мне полный контроль над твоим телом? — Он поднял мой подбородок, чтобы наши глаза встретились. Я не могла отказать, поэтому слабо кивнула в знак согласия.

Беннетт вернулся к поцелуям, показывая обладание моим ртом, и я раскрыла рот шире, позволяя ему сосать и кусать мои губы, выходя за рамки поцелуев. Укус за укусом он поглощает меня.

Когда он прекратил свои откровенные поцелуи, я едва могла дышать, и между ног у меня было влажно, как никогда. Этот мужчина подталкивает меня на скользкую дорожку, которая так сильно граничит с моими страхами, что все это превращается в настоящую катастрофу.

— Перестань, так много думать. Делай то, что чувствуешь.

— Я не могу.

— Сможешь. Я тебе помогу. — Его губы впились в мои, и мои мысли испарились, осталась одна только грубая страсть. Еще один толчок, одно потягивание за волосы, и вот я близка к краю. Мысленно я думаю о линии жизни, которая по иронии напрямую связана с его членом, и мне ее никак не обойти. Я действительно сейчас с ним, и это до жути меня пугает. Он наклоняется вперед, вновь овладевая моими губами, и не дожидаясь моего ответа, он проталкивает язык мне в рот, до тех пор, пока я не стону, и не просто бессознательные звуки, а его имя.

Он отводит меня к постели, укладывая на прохладные простыни, возбужденную от

пульсирующего удовольствия, которое проходит через мое тело. Он снова заставил меня кончить, одними поцелуями управляя моим ртом.

— Тебе это нравится. И не смей мне врать. — Он поглаживает рукой мой живот, пока его руки не опускаются между моих ног, в то время как его дыхание ласкает мою шею, а ноющая боль внутри меня рвется наружу. Едва касаясь, он поглаживает подушечками пальцев мою киску, перемещая губы к моему уху и шепчет:

— Я займусь всеми приготовлениями, и ты станешь моим сабмиссивом. Церемония состоится в субботу.

Я приготовилась встать, и мышцы пресса задрожали.

— А разве я не должна дать согласие?

— Маленькая саба, твоя киска уже сказала «да». — Он положил руку мне на плечо, останавливая меня.

— Подожди, отмотай обратно. Ты что только что произнес «субмиссив» и «церемония» в одном предложении? — Твою мать, да за кого он меня принимает? Я представила склонившую голову женщину, открытую и покорную.

— Да, — быстро ответил он, наблюдая за мной.

Между нами повисла тишина, и без каких-либо объяснений, не прикасаясь к моим складочкам, он продолжил свои намеренно ласковые поглаживания.

Он дразнил меня, и я сдавалась.

— Расставь ноги и перестань сопротивляться мне. — Он одарил меня улыбкой, будто я испытываю его терпение, но его взгляд дает мне понять, он победил, чтобы я не делала.

— Да пошел ты! — Это единственное, что я смогла произнести.

Его ответом было хриплое хрюканье, когда он перевернул меня на бок, и быстрыми движениями начал шлепать меня по заднице.

— Леди так не выражаются! — И он продолжил свои шлепки.

Небольшое покалывание, что осталось с прошлой ночи вновь усилилось, когда его горячая рука касалась моих ягодиц. Я схватила его руку, вернее попыталась схватить, когда он перевернул меня на живот, подминая под себя, раздвигая мои ноги в стороны.

— Ты хочешь, чтобы я показал тебе с какой радостью возьму тебя, заставляя согласиться? Кса, скажи «да», и я покажу тебе, кто здесь главный.

*Неужели он действительно трахнет меня... сзади... и это будет один из его первых приемов?*

— То, о чем ты говоришь, ... я никогда этого не делала. Нет!

— Ни разу? — Его отрывистое дыхание щекотало мою шею. Не дожидаясь моего ответа, он приподнял мои бедра и притянул к себе. Его твердый как камень член, потирается о мою нежную кожу, и да, он не шутил. Без сомнения он это сделает. И проблема в том, что я... хочу... чтобы он... это... сделал.

— Что? Ты угрожаешь мне анальным сексом? Боже, нет. На это я не соглашалась.

Он потирается об меня членом, сжимает ягодицы, разводит их. Банально или нет, но казалось, время остановилось. Я чувствовала его голод, и мое тело сжалось. Я хотела его. Он ударил головкой по анусу и остановился возле моего входа. Я всхлипнула от того давления, с которым он толкал в меня. По телу пробежала дрожь, заставившая соски затвердеть, и вызвавшая мурашки на всем теле.

— Малышка, расслабься, — сказал он, медленно проталкивая в меня головку члена. — Красавица, я хочу, чтобы ты полностью раскрылась и отдалась мне.

— Пожалуйста, — шептала я, пока он входил в меня. И я падала. Падала. Падала.

— Ты такая совершенная. Разве ты не видишь, как идеально мы друг другу подходим? Ведь именно этого ты хочешь? И я с радостью дам тебе это.

Я жадно сглотнула, смотря на изголовье — кожаное в форме бриллианта, и честно говоря, единственное, что я от него хотела, так это еще больше секса. Настоящая головоломка. Он предлагал мне именно того, чего я желала, и мне лишь нужно набраться храбрости и согласиться. Но для этого мне нужно еще одно.

— Секретность, — прошептала я.

Я ожидала, что он задумается, прежде чем ответить, но этого не произошло.

— Конечно. У тебя это будет, я обязательно укажу это в бумагах.

— В бумагах? В контракте, о котором ты говорил?

Он вытаскивает член, и ложиться на меня, накрывая как одеяло.

— Нам обоим нужна конфиденциальность. Поэтому, да. — Теперь мне легко согласится на его развратное и секретное предложение. Кто бы знал? Очевидно, он уже позаботился о необходимом письменном соглашении.

— Ты уверен, о нас точно никто не узнает?

Его пальцы вцепились в мои бедра, ненадолго замерли, а потом нежно поднялись до талии. Выдохнув, он скатился с меня, и приподнял, чтобы мы могли видеть друг друга. Я облизала губы, кровь стучала в ушах, и он смотрел на меня, проводя рукой по волосам.

— Я не каждой делаю предложение такого рода. Я член весьма эксклюзивного клуба.

Его признание ошарашило меня. Этот разговор не похож на обсуждение бывших любовников. Я вглядывалась в его зеленые глаза и не понимала.

— Ты меня озадачил. Пожалуйста, объясни мне все до конца.

— Все будет происходить именно там. Мы не трахаемся за пределами. Никогда. Правда, с тобой я уже нарушил это правило. Но после Бостона, мы должны будем держать себя в руках.

— И как все будет происходить?

— Позволь мне еще раз повторить. Мы не трахаемся за пределами клуба в Вашингтоне. Это значительно сокращает риск быть пойманными. Я не прихожу к тебе домой. Ты не приходишь ко мне. Никаких страхов по поводу прессы.

Я колебалась, соглашаясь на его предложение, пока он не заговорил о доме.

— Ты хочешь сказать... Ты не можешь... — Так вот значит, где он приобрел свои умения трахаться как дикарь... но вот только он — Сенатор Соединенный Штатов. Тут что-то не сходится. Он должно быть шутит!

— Что ты хочешь знать? — Он говорит абсолютно серьезно. Его глаза стали стеклянными. Крепкое, зеленое стекло.

*Просто скажи это:*

— Ты говоришь о секс-клубе? — Эти слова еще ни разу не срывались с моего языка, но, похоже, сейчас самое время. Поэтому идея, хоть и призрачная мысль о секс-клубе и нашей причастности к нему, даже и не мелькала в моей голове. Я была ошеломлена. И это беспокоило.

Его уверенная, почти волчья ухмылка вернулась, и становилась шире, но его глаза не отпускали меня.

— Это не просто секс-клуб. Как я уже сказал, он *закрытый*.

Я поерзала, ошарашенная и лягнула, не подумав:



— Только ты и я? Вот это эксклюзивно.

Он нахмурил брови и покачал головой.

— Есть разные понятия эксклюзивности. У *Дома* крайне элитное покровительство.

— Это не делает его закрытым. Беннетт, по мне, это место для развлечения богатых мужчин.

— Ты видишь только черное и белое, и в опровержение твоих слов скажу, там довольно много женщин, и они члены клуба. — Он опускает голову, немного опустив глаза, но его взгляд все также непоколебим.

— Надо же. Ты мог бы говорить конкретнее, но ты уваливаешь от ответа. Я задаю вопрос, ты на него отвечаешь, и ни словом больше. — Мы не разрываем зрительный контакт, и напряжение нарастает. Он смотрит мне в глаза, будто заглядывает прямо в душу. — Неважно с толпой или без. Не отходи от темы, и объясни все, во что ты меня втягиваешь. — Я выдыхаю и опускаю глаза. Мы давно перешли черту дозволенности, и все быстрее утопаем в этом безумии!

— Ладно. Хорошо. Там есть покровители, — ответил он, но не объясняя.

Покровители? Элита? Это своего рода игра? Я смотрю на него и вновь ловлю его взгляд.

— Сколько там людей — *покровителей*? И кто они?

— По последним данным 110 человек. Но никаких имен. Я не могу раскрывать их личности.

Я прикрываю рот рукой, готовая закатить глаза, но не делаю этого. Пока.

— И почему?

— Если ты спрашиваешь, будет ли твоя личность также скрыта, то мой ответ «да». По правде говоря, люди присутствуют в клубе, но не говорят. Это запрещено. Поверь мне, там много людей со связями. Наш клуб ориентирован на влиятельных людей. Никто не будет видеть конфиденциальное соглашение с моим партнером, и оно будет у меня. И мы знаем всю информацию о приходящих поиграть. Ты сразу все поймешь, как только окунешься в эту атмосферу.

— И ты, и твои партнеры знаете все обо мне? — Если это правда, то они все знают, что меня включили, так как я его интерн.

— Если честно, то да. Но ты под запретом... за исключением меня конечно.

— О, ну конечно. Твое собственничество сложно не заметить.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

— Так ты согласна или нет?

— А есть еще варианты? — Я начала заикаться, боясь принять решение. — Потому что мне возможно нужен стимул.

— Так не получится. Ты должна решить сама. Либо ты бросаешься в омут с головой, либо отходишь в сторону. Третьего не дано.

— Я боюсь. Когда я должна принять решение?

— Прямо сейчас.

Так серьезно и так быстро, но рядом с ним я понимаю, что собой представляет его жизнь. Как удар ножом, ну или, по крайней мере, так мне показалось, не анализируя все возможные для меня варианты, я кивнула.

— Согласна. Я согласна.

— Хороший выбор. Я очень рад. А теперь ложись. — Он прижал меня — После того как ты решила подчиниться мне, наши отношения будут развиваться совсем по-другому.

Он постелил под меня полотенце, и опустил мои бедра на матрас. Развел мои ноги в стороны и прикоснулся влажным полотенцем к моим складочкам, вытирая меня, ставя мои ноги удобней, давая ему больше доступа.

Полотенце более мокрое, чем я себе представляла, и он не пытался довести меня до оргазма, но все же я чувствовала волны наслаждения от его прикосновений. Сжав простыни в кулак, мои ноги напряглись, и я была близка к мольбам, просящим закончить начатое.

— Мы встретимся в *Доме*. Это хорошо охраняемый клуб. Как с внешними атрибутами безопасности, так и с внутренними, защищающими частную жизнь членов клуба. *Дом* не афишируется и не обсуждается; это секретное и закрытое место, где мы можем познавать себя. Без преувеличения могу сказать, там безопасно. Возможно, это сильно отличается от мест, в которые ты привыкла ходить. Ты не можешь говорить о нем. Рассказывать друзьям. Водитель заберет тебя, завяжет глаза и привезет ко мне.

— И я должна буду молча следовать?

— Ты доверяешь мне?

— Я тебя не знаю... — Но, даже едва зная его, я не могла отрицать, в нем было нечто влекущее. Что-то, что вызывало доверие. Не только мое, но и других, и это никак не связано с его рекламной кампанией. — Как бы безумно это не звучало, но я доверяю тебе.

— Приходи в субботу вечером и стань моей. — Он насухо вытер меня, после чего опустил вниз, вдохнул мой аромат и прошелся языком по моим складочкам, и я вновь утонула от его действий.

— Пожалуйста, — прошептала я, когда он лизнул мой клитор и пососал его. И сосал до тех пор, пока я не увидела звезды. Я кончила, зарываясь пальцами в его волосах, пока он раскрывал мою киску. Я сжималась и ерзала, пока он трахал меня языком, слизывая мои соки. — Беннетт. Боже... это просто потрясающе.

Он поднял голову и наши взгляды встретились.

— Ты не пожалеешь, что отдалась мне.

# Глава 12

## Гонка по краю

Включаю режим «автопилот». За нами заехал Джон, и я, глядя сквозь свои очки, наблюдаю, как он общается с Кеннеди. В руках я держал копию своей речи, а сосредоточен был на них. Он кивнул мне, потом поздоровался с ней.

Они — друзья, но обменялись лишь обычными «привет». Чуть раньше я написал Норе сообщение по поводу Джона, желая уточнить информацию о нем. Она сообщила, что все связи ведут к Кеннеди.

— Я открою дверь, — сказал я Джону, отрезая ему возможность приблизиться к Кса.

Она вскинула бровь, но не сказала ни слова, когда я взял ее под локоть и помог, сесть на заднее сидение. Черт, если бы мы были в лимузине, то она уже была бы подо мною. Без разговоров.

Сидя в машине, она протянула Джону наше расписание и необходимые адреса. Отъехав от обочины, мы влились в утренний поток машин. Подъезжая к гавани, прибавили скорость, но встали в пробку, едва проехав туннель.

Джон не смотрел в зеркало заднего вида. Он молча вел машину, и после нескольких мучительных минут я остановился. Какого хера я делаю?

Я сфокусировал свое внимание на сидящей рядом девушке.

— Есть вопросы? — спросил я, расставив ноги по шире, касаясь ее колена.

— Нет, все в порядке. Изучаю предоставленную информацию. Есть пожелания, где мне лучше расположиться?

Господи, я сжал челюсть. У меня была парочка идей. Глядя на нее поверх очков, я сказал:

— Твое вчерашнее положение было идеальным.

— Хорошо, — ответила она, подарив мне мимолетную улыбку. Больше ничего не сказав, она покраснела и отвернулась.

На нашей первой остановке мы были словно роботами. Отстраненные.

Держи себя в руках.

Но я полностью зачарован Кса. Я хочу ее. Жажду ее. И понимаю, чем больше я от нее отстраняюсь, тем сильнее меня к ней тянет.

Я повторил заученную ранее речь, и начал отвечать на вопросы представителей школьных комитетов и других работников школы. Эта группа разбирается в политике, хотя я ожидал, что это будет всего лишь обычная приветственная встреча, пока Кеннеди не выходит вперед, и не расставляет всех присутствующих так, чтобы я мог обращаться лично с каждым. Я слушал стоящего передо мной мужчину, расслабляясь от привычного рутинного общения с избирателями. В отличие от вчерашнего, сегодняшняя встреча была в соответствии с моей предвыборной кампанией, благодаря четкому руководству и активному участию Кеннеди. Она почти естественно справляется со всеми собравшимися, лучше держалась в период «рукопожатий», и в момент, когда я лицом к лицу встречался с толпой.

Боковым зрением я видел, как она взяла на руки ребенка, и передала его мне.

— Сенатор. Позвольте сделать несколько снимков.

Я кивнул, улыбнулся, держа на руках милого ребенка, в то время как его отец похлопывал меня по спине. Она сделала несколько фотографий на свой телефон, и вновь

вернулась к работе с собравшимися. Она разговаривала, смеялась и улыбалась, всем людям, с которыми сталкивалась.

Мы были готовы выехать на следующую встречу. Джон выехал на дорогу, а мы сидели и обсуждали случившееся.

Я заметил что смеюсь, когда мы повторяли некоторые вопросы; и когда мы добрались до нужного места, я не мог вспомнить, как мы ехали. В голове была лишь эта девушка. Ксавия. Ее имя так и готово было сорваться с моего языка.

Выйдя из «Бронко», мы направились на фабрику, к простым рабочим, которые попали под экономический удар, но черт, эта встреча будет точным повторением предыдущей. Мысленно, я проверил все пункты сегодняшнего расписания, нас ждет переезд от места к месту по всему Бостону. Никогда еще не чувствовал себя так непринужденно, будучи таким заведенным. Мне хотелось сделать перерыв и поговорить с Ксавией. Сказать ей кое-что.

Каждая последующая встреча, все больше приближала меня к ней. Ксавия С. Кеннеди — грациозная, спонтанная, остроумная; эти слова верно описывают все ее таланты. Она была рождена для этой работы, и для того, что я желал получить лично для себя.

Я дал Норе отмашку, переводить все звонки на телефон Кеннеди, тот, который она получила вместе с местом интерна, и теперь наши глаза все чаще и чаще искали друг друга. Ее сверкающий взгляд, это все что я получаю, вместо теплых, соблазнительных прикосновений. В тысячный раз я погрузился в мир фантазий, где она подо мной, стонет и выкрикивает мое имя.

Выйдя из машины, я обернулся к Джону.

— Мы выйдем через час. Будь готов.

— Понял, — ответил он, оглядываясь по сторонам. — Я припаркуюсь неподалеку.

— Это последняя остановка, — сказала мне Кеннеди, а затем перевела взгляд на друга. — Спасибо.

Джон улыбнулся и подмигнул. Ничего более.

— Вы друзья? — осмелился спросить я, пока мы шли по тротуару, ожидая, что она ответит.

— Да. Я давно его знаю.

— Просто друзья?

— Странно, что ты интересуешься. По-моему сейчас мы придерживаемся правила: никаких поцелуев и разговоров. Именно это я услышала от тебя ранее.

Я приспустил очки.

— Спроси меня о любом, кого увидишь, и я честно отвечу на твой вопрос. Но я не могу разглашать конфиденциальную информацию. Даже тебе.

Она обдумывала мой ответ, как мне показалось, затем покачала головой, нахмурилась брови.

— Когда будешь готов поделиться своим прошлым, я сделаю то же самое.

Я снял очки. Какого хрена она скрывает? Что ее бывший любовник катает мою задницу по всему Бостону?

— Это не ответ.

— Но это единственное, что ты получишь, — ответила она. — Пока не захочешь рассказать свою историю.

— Замечательно. Будь загадочной, — фыркнул я. — Тебе же будет хуже.

Она рассмеялась мне в лицо, и мне пришлось сдерживать улыбку, не показывая, как она

могла вертеть мною. Боже, я на взводе. К тому времени как мы дошли до «Гарварда», чувство выполненного долга и волнения в конечном итоге переросли в едва сдерживаемый голод. Мне нужно еще раз трахнуть Кса. Еще час и мы вернемся в отель. Дерьмо, смогу ли я ждать так долго? Смогу ли?

— Готов? — спросила она, когда мы почти дошли до аудитории.

— Я хочу тебя. Сейчас, — прошептал я ей на ухо, делая вид, что показываю ей что-то на своем планшете.

— Ты, наверное, шутишь, — ответила она, запрокинув голову, и ее волосы коснулись моей щеки.

Я сглотнул, мышцы во всем теле напряглись.

— Если ты согласна, я готов трахнуть тебя в кладовке для швабр.

— Сенатор Стоун, этому не бывать. Это ваши правила, не мои.

— Ты маленькая шалунья, — процедил я сквозь зубы, когда мой взгляд упал на ее сексуальные губки. — Я серьезно.

— Спасибо. Дважды, — она улыбнулась, немного засмеявшись, а я был ошеломлен, как легко она дергала меня за ниточки.

Луч солнца упал на ее рот, под таким углом, что заставил засверкать крошечный серебряный шарик на ее языке.

— У тебя пирсинг языка? — спросил я, теперь понимая, почему сегодня некоторые слова звучат иначе.

— Да. Я сняла его вчера, пока мы регистрировались в отеле. А сегодня опять одела. — Она соблазнительно закусил шарик, катая его по нижней губе, и мой член отреагировал, словно она облизала головку. Я представил, как ее губы сжимают мой член, пока она покорно стоит на коленях. Ее руки заведены за спину, или даже связаны, а я контролирую каждое ее движение.

Теперь мой член гордо стоял в боевой готовности. Было сложно не заметить ее возможность управлять моей эрекцией. Для опытного Дома, такой уровень чистой похоти, разливающейся по всему телу, был непростительным. Мой пульс отдавал в висках. Непрекращающийся шок от происходящего разносился по мозгам, крови и костям. Я не понимал, как избавиться от этой жажды. Но догадывался, и единственным решением был секс.

Я наклонился и прорычал.

— Насрать на правила.

— А лучше следовать им дальше, как и прежде, — ответила она. — Ты не можешь иметь все и сразу.

— Нет — могу. Мы не подпишем соглашение до субботы. — Я должен был отыметь ее, и мне было наплевать на все, кроме удовлетворения моих плотских желаний. Мы сейчас далеко, да и опасность не была такой уж большой.

«Как далеко ты зашел?» В моей памяти всплыл вопрос Джекса. Я тоже задумался об этом... как далеко я готов зайти с этой девчонкой, когда будет поздно думать о необходимой секретности? Это было также очевидно, как и пятно крови на белой простыне, но я не о чем не думал, и уж тем более о материальных обстоятельствах. Перед глазами была только Ксавия. И я хотел только ее. С полной уверенностью, про себя я ответил на свой вопрос: «До конца».

— Сенатор Стоун. — Позади меня раздался голос.

Я повернулся и увидел Дина Нолана, идущего ко мне по коридору, его щеки были румяными, опровергая его ирландское происхождения, но показывая любовь к выпивке.

— Давно не виделись Дин. Рад снова тебя видеть.

— Взаимно, Сенатор Стоун. — Он протянул руку для рукопожатия.

— Мис Кеннеди — мой интерн, — сказал я, представляя ее Нолану.

— А, здравствуйте, Мис Кеннеди. Приятно с вами познакомиться. — Он растянулся в улыбке, трясая ее за руку. — Передавайте мое почтение вашим бабушке и дедушке.

— Добрый день, Дин. — Кеннеди кивнула, но ничего не сказала о бабушке с дедушкой. Вместо этого она посмотрела на меня. — Сенатор, пойдете?

Лицо декана еще больше покраснело от такого оскорбления, и это ее поведение так отличалось от привычного. Возник вопрос, но я сдержался. А это означает больше работы для Арчера.

Нолан указал в сторону собравшейся толпы.

— Сенатор, мы с нетерпением ждали этой встречи. Проходите сюда, — он говорил очаровательно и с радостью, но я знал, что это напускное.

— Я всегда рад вернуться. Что меня ждет? — Это был риторический вопрос.

— А, да. Вкратце: аудитория переполнена. Есть только стоячие места. Несмотря на то, что сейчас лето, некоторые студенты вернулись в кампус. — Декан кивал, поглядывая на Кеннеди, она стояла в сторонке, говоря по телефону с Норой, решая возникшие в последний момент вопросы касательно сегодняшнего вечера.

Я украдкой взглянул на нее, не ожидая, что она это заметит, но она поймала мой взгляд, и всего на секунду замолчала. На щеках выступил небольшой румянец, и ее пронзительные голубые глаза просто загипнотизировали, не отпуская меня.

Меня ошеломило то, как я пялился на нее, полностью замороженный ею. Улыбнулся, потом подмигнул, не чувствуя никакого стыда, что она еще раз смогла меня очаровать.

На этот раз Нолан шел на несколько шагов впереди нас, и я взял ее под руку, удивляясь, когда она едва слышно всхлипнула.

— Давай закончим с этим. — Это была игра слов, но мы оба знали, что я имел в виду.

— По-моему я всегда кончаю рядом с тобой, — прошептала она.

— Малышка, не дразни меня.

— Думаю, нам надо идти. — Она указала в сторону декана.

Я моргнул, сдерживая желание поцеловать ее на публике.

— Точно, — ответил я, касаясь пальцами ее поясицы, едва заметно наклоняясь и улавливая аромат ее духов.

— Беннетт, — простонала она так тихо, что мне стало интересно, мне это показалось или нет, и мы продолжили идти дальше.

Мы догнали Нолана. Он даже не понял, что мы пропустили часть его слов, когда рассказывал о проведенном ремонте в общежитиях: *благодаря «Ситибанку»*. Говорил он весьма сдержанным тоном, выдавая пропагандистскую фигню, заготовленную для семейства Кеннеди.

Со Стиллман, благодаря Арчеру, я ознакомился с теми, кого они поддерживают; или скорее кем они управляют своими деньгами. И между ними и Ксавией далеко не семейные отношения. От этих типов я держусь подальше, если могу. В противном случае, был бы не лучше Нолана, коим он является сейчас. Вертеться, как и он — это хорошая возможность, вот почему вице-президент так напала на мой след, желая меня в напарники. Для вице-

президента, я пустой политический список кандидатов, которыми можно воспользоваться для своих скрытых политических мотивов, — все, что для меня не представляет особого интереса. Но с постом в президенты Соединенных Штатов через год, за мной должок вице-президенту, который становится тяжелее отдать, поскольку я теперь с Ксавией.

Когда мы подошли к аудитории, я открыл дверь и отошел в сторону, пропуская вперед Кеннеди. И еще раз вдохнул уже знакомый аромат. На какое-то время адреналин затуманил мне мозг, но я быстро пришел в себя. Возможно препятствие как Нолан не самая большая моя проблема.

Может именно от нее, я пострадаю больше всего? Я вспомнил ее слова: «*Разве ты не видел «дорогу смерти» в ярких неоновых огнях, по которой мы идем?*»

Но есть в ней какое-то качество, из-за которого у меня чувство, что находясь рядом с ней, я буду в безопасности или даже стану лучше. Но сейчас она моя погибель. Опасность. Вероятность, что я никогда не смогу насытиться моей Ксавией. Сейчас я всего лишь фасад себя самого, желающий удовлетворить свой постоянно растущий голод. Я невозмутим снаружи, но стораю изнутри.

Когда мы вошли в аудиторию послышались жидкие аплодисменты, которые со временем нарастали, и в скором времени перешли в оглушающие.

— Иди, покори их, — мягко сказала Кеннеди, и как ни странно, а всем этим шумом я отчетливо слышал ее голос.

— Спасибо, — ответил я, встретившись с ее кристально голубыми глазами, затем пошел на сцену, отгоняя в сторону все сомнения, когда она успокаивающе мне улыбнулась. Она причина, по которой я на этой сцене, и мысленно приказываю заткнуться моему ублюдочному воображению.

\*\*\*

ПОСЛЕ ТРИДЦАТИМИНУТНОЙ речи, я делаю глоток воды, прежде чем приступить ответам на вопросы. Я придерживался ритма, все шло замечательно. Кеннеди помогала мне обращаться с аудиторией, двигалась туда-сюда по проходам, как делала весь день, и потом я заметил *его*. Высокого парня, который в отличие от других стоял рядом с Ксавией ждал своей очереди у микрофона.

Он не двигался, лишь только смотрел на нее, пропуская людей вперед; и тогда я понял. Он не стоял в линии, чтобы задать вопрос. Она смеялась над его словами, и тогда я сосредоточился на них, а не на следующем вопросе. С руками покрытыми татуировками он напомнил мне Джона, у них было что-то общее, помимо изрисованных рук, и тут я застывают от созвучного «*Шлен!*».

Я продолжаю свою речь, всю эту заученную чепуху. Я замолчал, потом ответил еще на пару вопросов. На этот раз я прищурился и следил за тем, как Кеннеди двигалась по проходу. К микрофону подошел следующий желающий, задал вопрос, и пока мы говорили, я увидел, как меня снимает оператор, выводя изображение на большой экран. Это немного напрягает, но я привык и продолжаю свою работу.

Вперед вышел следующий желающий задать вопрос. Хорошо, но у типа в проходе и Ксавии было нечто общее, и теперь ее работа отошла в сторону, она все меньше внимания уделяла стоящим в очереди.

Когда она передала микрофон женщине, которая похлопала ее по плечу, я дернул

подбородком, услышав «ТРЕСК» в напряженной шее. Я стиснул зубы, видя, как парень еще ближе наклоняется к ней. Я делаю выводы, наблюдая за их позой. Это похоже на закон физики, когда свисающий ботинок вот-вот упадет с ноги, также и в моем теле бурлит напряжение, мешающее мне сосредоточиться.

Несколько раз я потерял ход своих мыслей, но к счастью, мне самому удалось спасти свою задницу, ведь Кеннеди была занята куда более важными делами.

Следующий вопрос, и черт, я заметил, что она ушла.

«Чпок!» Как будто в голове что-то взорвалось.

Мое тело наполнилось напряжением, полностью лишаящим меня концентрации. Шли минуты, а она не появлялась. Один из операторов показал мне сигнал заканчивать. Я ответил на последний вопрос, поблагодарил декана Дина Нолана, который стоял в стороне. Нолан ждал момента, чтобы выйти на сцену, я махнул ему, и он вышел вперед произнести свою речь, записанную на карточках, которые он прятал в руке. Я же в это время оглядывал толпу, но так и не нашел Ксавию.

Когда операторы прокричали «Снято» я услышал, как заиграло музыкальное сопровождение к моей предвыборной кампании. А Ксавии нигде не было. Ни за кулисами. Ни среди зрителей. Она так и не вернулась. Я спустился со сцены, все происходящее казалось мне белым шумом, я машинально передвигал ногами, желая уйти отсюда. Я рассматривал окружающих в поисках блондинки в очках и в сером костюме. В этот момент мой телефон завибрировал, но я продолжал искать Ксавию.

Я немного расслабился, когда увидел ее имя на экране телефона, но это было ненадолго, пока я не прочитал сообщение:

**«Появились срочные дела. Встретимся в отеле. Мне жаль!»**

Я перечитал сообщение, и не знал как реагировать, кроме того что хотел ударить кулаком по чертовой стене.

\*\*\*

В СВОЕМ НОМЕРЕ, одеваясь, я гадал, как мне удастся пережить ужин и коктейльную вечеринку без своего помощника. *И куда нахрен подевалась Ксавия?* Я не мог трахнуть ее, поэтому мне пришлось дрочить в душе, представляя, как я наказываю ее, за то, что она убежала. Я думал о грубом сексе, как она стоит на коленях, со связанными руками, согнувшись, а я трахаю ее сзади, держа за волосы. Толчок за толчком, и она выкрикивает мое имя, когда кончает.

Я должен перестать думать о том, как владею ею, но вот я здесь, сижу со стояком, а в голове творится черт-те что. Я мог бы еще раз подрочить, но мне хочется не этого. Я хочу ее подо мной. Стонающую для меня, когда ей хорошо.

Меня съедает только одно — где она? Конечно наша договоренность о секретности, хотя скорее моя гордость, не позволяют мне написать ей. Я даже не хочу заходить на эту территорию. Эти действия могут привести к ошибке. Наша переписка будет доступна каждому.

Закрыв глаза, я фокусируюсь на своем дыхании, в надежде, что я успокоюсь. У меня был план. Сначала он был не самым удачным. За последние сутки я дважды был с этой девушкой. После пресс-конференции в кампусе, мне хотелось перейти к сессии бесконечного секса с нею. Она мой личный наркотик.



Мой рай.

Мой ад.

Она же мой интерн.

Ксавия Стиллман Кеннеди.

Сейчас же, за 15 минут до выхода я весь на нервах. Меня трясет от злости, я не могу нормально думать. Зазвонил мой телефон

— Что? — рявкнул я.

— Успокойся, — засмеялась Нора. — Ты должен сейчас улыбаться. Завтра ты возвращаешься. Просто выселись из гостиницы и будь готов хорошенько повеселиться.

Я не улыбаюсь, даже близко. Я уже на грани, и не удивлюсь, если из меня на ковер полезет лава. Совсем не удивлюсь.

— У тебя есть хоть малейшее представление, почему я, черт побери, не в состоянии пережить эту вечеринку? — Я закрыл глаза и сглотнул. Это уже не в первый раз, когда Нора застаёт меня в таком состоянии, но я еще ни разу не заходил так далеко. — Прости, — сказал я и сжал зубы.

— Бен что случилось?

— Ничего, я просто устал.

— Послушай, мне только что подтвердили, что место рядом с тобой будет свободно. Генри Джарвис перезвонил мне, и заверил, что его жена не придет. На следующей неделе он будет в Вашингтоне. Он хочет встретиться. Я втиснула его в десятиминутное окно в среду.

Замечательно. Теперь я в долгу еще перед одним человеком. Прошли сутки с Ксавией, а я сам не свой. Я мысленно корил себя, за то, что так сильно запал на нее. Джекс предупреждал меня, чтобы я не терял голову. Как ни крути, лишь я один виноват во всем. В тот момент, как я увидел Ксавию, танцующей в Нью-Йорке, я знал, что она будет проблемой.

Но нет. Я должен был трахнуть ее.

Причем дважды.

Почему я не смог сдержать член в штанах, дожидаться возвращения, и не подцепить настоящую профессионалку? Сабу, которая знает правила, знает, как доставить мне удовольствие. Но, даже понимая, как сильно я облажался... мои руки чешутся от желания завязать глаза Кеннеди, нагнуть ее над скамейкой и насладиться ею. Довести ее до такого же сумасшествия, что испытывал сейчас я.

— Спасибо, — сказал я.

— Ты почти закончил. Завтра ты возвращаешься в Вашингтон. — Нора акцентирует внимание именно на этом, хотя это нисколько не снимает моего напряжения.

— Да, это я уже слышал.

— Я могу что-то для тебя сделать?

Я не ответил на ее вопрос, а уставился в окно, на вечернее небо, представляя себе будущее, и анализируя весь беспорядок, в который я сам же себя и впутал. Вопрос решил сам собой. Я был на грани, и в целях самосохранения, я должен был принять единственно правильное решение. Когда вернется Кеннеди, я скажу ей... а, забудь.

Наконец, я ответил Норе:

— Не-а. Ты как обычно проделала потрясающую работу. Все прошло гладко.

Господи, я вспомнил гладкие шелковистые светлые волосы, и резко вздохнул.

— Звонила Мисс Кеннеди и прислала несколько фотографий. Все правда прошло... хорошо? — Нора говорила немного сдержанно.

— Хорошо. Но боюсь, я приеду без нее.

— Что? — Моя ассистентка почти закричала, затем замолчала на несколько секунд. —

Подожди, произошло что-то, о чем ты мне не говоришь?

— Нет. Послушай, мне надо бежать. Надо еще подготовить речь, да и день был долгим.

Увидимся в офисе. И спасибо.

— Хорошо. Но Бен... позвони, если тебе нужно будет с кем-то поговорить.

— Позвоню.

Повесив трубку, я понял, что запутался. Звук работающего кондиционера, лишь смешивался со стуком моего сердца, который отдавался в ушах. Мне надо было начать коктейльную вечеринку еще час назад, но мысль о выпивке никак меня не успокаивала.

\*\*\*

Спустившись вниз, я вышел из лифта, прошел по коридору прямо на коктейльную вечеринку по сбору средств.

Я решил расслабиться, как и советовала Нора. Я с легкостью мог со всем справиться. На каждый раз здороваясь с кем-то, или разговаривая, я отчетливо понимал, что глазами выискивал Кеннеди, и это стало превращаться в настоящий кошмар. Поправив воротник, широко улыбнувшись, я держал в руках бокал, но не пил. Если начну, то вряд ли смогу остановиться, и это была типичная ошибка всех политиков. Но только не меня.

Я сделал глубокий вдох, стараясь скрыть зевок, но тут замер, все тело напряглось и член не исключение. Я снова вдохнул, и это был уже шлейф аромата, который в последнее время дразнил меня... Черт!

Тут же меня пронзила невероятная злость. *И для нашего общего блага, дай бог, чтобы это была не она.*

# Глава 13

## Техническая правда

Я РАБОТАЮ в проходах, а Беннетт полностью владеет аудиторией. И если быть честной — он владеет мной. В основном, моя сияющая улыбка из-за него, но так же и благодаря другим окружающим нас людям. Толпа контактирует с властью имущими, пока я серфингую в море эндорфинов. Каждый раз, когда наши с Беннеттом взгляды встречаются, чувственное напряжение оживляет мои нервные окончания.

Но я также в восторге и от толпы. Разговариваю с ними. Отвечаю на вопросы. Я поворачиваюсь, удерживая микрофон для мужчины с бумагой. Его руки дрожат, когда он начинает читать по своей записке, задавая вопрос о налоговой реформе.

Беннетт великолепен. Он внимателен к парню, и дает серьезный ответ об экономике, но также вставляет шутку, и парень вместе с публикой смеются. Снова и снова я становлюсь свидетелем подобного взаимодействия, мой разум уносится, потому как Бен, несомненно очарователен. Другой мужчина шагнул к микрофону. Никаких бумаг, никакой нервозности, если не считать того, что он зол. На этот раз речь идет о политике. Бен кивает, призывая диктора повторить вопрос мужчины, все камеры устремляются на парня. Снова, мой благоговейный бесстрашный сенатор переадресовывает его и отвечает вопросом на вопрос, черт возьми, он далеко выходит за рамки ответа. Мужчина у микрофона поблагодарил его, затем поблагодарил меня.

Я удивляюсь подобным закидонам бизнес-встреч людей, слушая их, решая их проблемы — в сущности, давая им право голоса. Это невероятно мощно, даже если я всего лишь стажер. Я очарована и возбуждена. Напряжена.

— Ух ты! Ты только посмотри на себя, — слышу знакомый голос прошептавший над моей головой.

Я повернулась кругом, и встретила с парой грозных и цветом, как мокрый асфальт, глаз.

— Колин, что ты здесь делаешь? — я сгримасничала, увидев своего двоюродного брата в коридоре, треплющего мою укладку, пока я рассматриваю его.

— Разве это не то, что делают семьи — поддерживают связь?

— Не наша семья, — отвечаю я.

Если кому надо насладиться отчетностью перед дедушкой и бабушкой, то только ему. Я хочу рассмеяться и закричать, швырнув это ему в лицо. Колин с ухмылкой посмотрел на меня. Блеск в его глазах обозначал, будто я сделала что-то невероятное, чем он сможет воспользоваться, чтобы втереться в доверие стариков и получить финансовую подачку. Инстинктивно я поправила шарф на шее, скрывая следы от укусов и засосы украшающие ее.

Он пожимает плечами.

— С каких это пор ты вошла в политику? И с республиканцем. Прискорбно. Старики должны знать, что ты тусуешься здесь... С Сенатором *Роллинг Стоун*? [ игра слов: популярный журнал, где было опубликовано фото сенатора — «Rolling Stone», и его фамилия — Stone. — прим. ред.] Насколько это для тебя серьезно?

Гнев молниеносно пронесся по мне, и я в недоумении подняла на него глаза.

— Если ты решил задать вопрос, то очередь начинается вон там.

Он лишь указывает подбородком в сторону сцены.

— Ты же не в серьез. Это что-то вроде бунта? Бабушка с дедушкой будут разгневаны. Будет лучше, если ты скажешь политике — adios.

— То, что я делаю, тебя не касается.

Черт, мой двоюродный брат — гадюка, будет использовать это, но я не могу позволить ему. И не стану! Его слова, словно удар под дых, и мой пульс зашкалил. Наклонив голову в сторону от микрофона, я хочу раскусить его.

— Серьезно, что ты хочешь и почему ты здесь?

— Давай начистоту, — отвечает он. — Нолан пригласил меня.

Несколько людей вокруг нас фотографировались на память. Я прищурилась, тщетно пытаюсь вспомнить. Я боялась, что Дин Нолан увидит меня с семьей и захочет упомянуть об этом, и именно поэтому я стараюсь не бросаться в глаза. Прямо сейчас мне необходимо охладить пыл своего кузена, если это возможно. Игнорируя Колина, я сосредоточиваюсь на человеке у микрофона.

— Вот наклейка на бампер, — улыбаюсь я парню в очереди; и очередь из других людей ждет, чтобы задать свой вопрос Беннетту. Кивнув, я указываю на молодую леди, которая за перекладиной и одета в стиле «Голосую За Сенатора Стоуна», затем протягиваю ей микрофон.

Колин отступает, и я думаю, как хорошо, что он уезжает: но — нет. Он встает позади меня и шепчет так, чтобы я слышала:

— Ты даже не выслушала меня, но ты знаешь, я ведь должен сказать свое слово. То, что ты здесь, разве не бунт? Агитируя другую предвыборную кампанию, если ты серьезно относишься к сенатору. Ведь бабушка с дедом оказывают кое-кому поддержку.

Если бы все было так просто. Я не могу позволить ему приблизиться хоть на дюйм к реальному «сенаторскому» вопросу, поэтому я заставляю себя улыбнуться. Засмеяться.

— Я делаю одолжение. Джон работает над одним материалом. Он снаружи. — Я смотрю на Колина, убеждая его в своей точке зрения.

Я точно не собираюсь удирать отсюда из-за того что здесь мой кузен, но и не хочу, чтобы он оставался. У меня есть выбор и необходимость решить эту проблему с Колином: лучше раньше — чем позже. Я передаю микрофон женщине в очереди, затем направляюсь в сторону своего кузена, хватаюсь за то, что могу сделать пока не грянула буря, после того как он побежит докладывать бабушке.

— Так что же ты намерен делать?

— В смысле?

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь контролировать желание придушить его.

— Для твоего же блага, тебе лучше не начинать распространять глупые сплетни о Джоне и его проекте с сенатором. Теперь, если не возражаешь, у меня есть работа, которую необходимо делать.

Черт возьми, я чувствую, как звенит сказанное имя Джона, когда я использую своего друга в виде приманки, чтобы сбить с реального следа Колина. Это был не мой план — работать в округе Колумбия со Стоуном; но вдруг я вижу, что прошлые границы размываются. Связывающий нас вместе с Беннеттом план меняется, но не так, как мне бы того хотелось.

Я не могу объяснить или проанализировать ощущения, почему Беннетт так глубоко запал мне в душу, но что я знаю точно, что бы это ни было между нами, я не смогу это остановить. И я не собираюсь убежать просто потому, что это непривычно.

Люди из зала смеются, бросая на нас косые взгляды. Колин берет меня под локоть, и уволаскивает в заднюю часть коридора, за пределы слышимости окружающих.

— Джон обычный журналист. Никого не волнует некий папарацци.

Его голос жесткий, в свою очередь я становлюсь намного собраней и серьезнее.

— Ты действительно готов заявить об этом во всеуслышание? Потому что я — нет, у меня не было намерений сообщать об этом! Ни бабушке, ни деду, раз уж на то пошло.

— Давай, поговорим снаружи, — кивком и с рыком спросил он меня: — Можешь?

— Минуту.

Бросив сумку со значками, наклейками и флагами, которые раздавала на столе, я направляюсь в сторону выхода. С каждым шагом, мой желудок опускается, будто в нем гаечные ключи. У меня есть, что скрывать. Насколько близко я *сотрудничаю* с сенатором, и как он обладает мною. Возможно, если Колин решит, что я все еще пишу для «Глобуса», он отступит. Оставит меня в покое. Пытаюсь найти причину, по которой я бы рискнула не только своим будущим, но и плести ложь за ложью, чтобы мой кузен остался ни с чем — это становится для меня решающим, — я хочу то, что предлагает мне Беннетт.

Чем больше я стараюсь разложить по полочкам свои идеи, касающиеся мужчины, который скоро будет моим Домом, тем запутаннее становятся мои мысли. Может быть, это предупреждение — верный признак того, что я делаю что-то неправильно. Если я хочу быть уверенной в своих действиях и не оступиться, то не стоит ехать в Вашингтон. Кого это волнует? Джон бы разочаровался, но он бы понял. Хватить обучения — я более чем достаточно прошла стажировок. Более чем уверена, что моя семья уже не будет моей, если они почуют правду.

Задержавшись, я поворачиваюсь назад и смотрю на сцену. Как насчет Беннетта? Как сильно в действительности его волнует происходящее? Конечно, у него есть собственническая жилка шириной с милю. Но стал бы он злиться? В течение примерно пяти секунд — ладно, может быть, неделю. Он хочет, чтобы я была с ним, но для жесткого траха... или я действительно имею для него значение? Или это его натура контролировать — его потребность доминировать, когда он реагирует на что-то? В конце концов, мужчина как Стоун — прыгает из одной постели в другую.

Как он будет чувствовать себя в реальном окружении среди сотрудников, и, возможно, работая в Белом Доме, если я являюсь его стажером! *Алле?* Я не думала об этом до сих пор. Дерьмо. Вот же черт! У меня есть достаточно сбережений, чтобы протянуть последний семестр до получения диплома об образовании, и если я все же решу написать диссертацию, то тогда бы могла засесть в библиотеке, чтобы скоротать время. В моей башне из слоновой кости, как называет ее Стоун. В безопасной и надежной.

О, Боже! Зачем я вообще издеваюсь сама над собой подобным образом? Я убедилась: неуместному контролю моих бабушки с дедушкой нужно положить конец. И только тогда, когда я рядом с ними с их желанием утвердить свою власть надо мной, это делает меня менее адекватной. Я потираю рукой по лбу и натягиваю очки на переносицу, пока направляюсь по темному проходу к выходу. Я следую за Колином через заднюю пожарную дверь и резко останавливаюсь.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает он, скрестив руки на груди, будто у него есть какое-то право вмешиваться в мою жизнь.

Вместо того чтобы дать воле моему разочарованию, я пускаю в ход мой гнев. Я не собираюсь играть в игру на условиях двоюродного брата. Свернув программку несколько

раз, я пытаюсь взять себя в руки. Обработаю его: то, что хочет услышать мой слабоумный братец, я, возможно, смогу скормить ему с ложечки.

— Колин, я работаю над проектом.

— Тогда почему Нолан об этом ничего не сказал?

— Потому что это не только мой проект. Как я тебе уже говорила, я помогаю в исследовании Джону. Он единственный делает это для «Пост». Никто из бабушкиной свиты в этом не участвует... так пристрелили меня за это.

— Я не понимаю. Еще одна стажировка?

— Да. То, что делают люди, которые хотят обзавестись связями. Я уже все устроила. Но, если ты проговоришься хоть кому-нибудь, то таким образом оставишь меня нахрен без всех источников информации.

— Ты серьезно о писательской деятельности? Как о карьере? Я сомневаюсь, что наши бабушка с дедушкой согласятся на это.

— Ох, верно. Я могу быть подобной тебе. Как раз то, что ты проделываешь в очередной раз? — Я жестока, но мне плевать.

Он должен помнить, что я не собираюсь с ним союзничать в том, как он перекачивает средства, вместо того, чтобы заниматься своей карьерой, или переживать что, не дай бог, он окажется в свободном плавании. Он сын Бриджид, и как его мать он имеет людей налево и направо, лишь бы получить то, чего он хочет.

— Послушай, не все киски мои, — иронизирует он. — Ты должна быть реалистом. Тебе не кажется, что у меня были планы... однажды?

— Я ничего не могу припомнить, кроме того, что ты торгуешься сплетнями с семьей ради своей пользы. Разве нет? Я не знаю. — Я успокоила свое желание оторвать ему голову, затем рывком отворила дверь, просовывая сложенную программку под косяк. Я не собираюсь оставаться с ним здесь взаперти. — Если ты создашь проблемы, я засуну их далеко в твою задницу, что ты не узнаешь, где окажешься ты, а где я. Даже не думай рыть под меня!

Ближе к вечеру на улице стало прохладно, особенно с этой стороны здания, где стоим мы, ветер начал поднимать кусочки сухих листьев и грязь. Он засовывает руки в свои карманы.

— В таком случае, подкинь мне какую-нибудь новость.

Я начинаю дрожать. Я так зла, что Колин считает, будто может меня шантажировать.

— Ты больной?

— Нисколько.

Я моргаю и чувствую, как мои брови съезжаются вместе.

— Хм, поправь меня, но разве нет иных способов заработать денег, кроме как кустарным способом нагрести сплетен обо мне?

Колин смотрит на меня, сощутив глаза, он злится.

— Точно, это именно то, что ты делаешь с бульварной историей журналистики. Я читал, что ты пишешь. И ты ничем не отличаешься. Мой тираж немного меньше твоего — и в отличие от тебя, я не вру.

— Я никогда никого не бросала под колеса автобуса и да. Ты — лжец. Половина твоих историй покрыта ложью.

— Это догадки и я не согласен, — отвечает он, самодовольно улыбаясь.

— Так ты все решил, и жребий выпал на меня в этот раз? Конечно, у тебя были причины

для прихода сюда сегодня, помимо слежки за политиками.

— Прийти снова?

Вздыхнув, я пытаюсь успокоиться.

— С чего это ты решил, что это именно я. Ты пришел не из-за Нолана. Почему выбор пал на меня, когда у нас есть целая семья в которой полно людей, на которых ты можешь *настучать*?

Он потирает свое лицо.

— Если я тебе скажу, тебе не понравится.

— Мне уже сейчас не нравится. Хуже уже не будет.

Колин приподнимает бровь, затем осматривает меня с головы до ног и широко улыбается.

— Белокурая красотка. Почти выпускница. «Гран энд Поп» постоянно тебя обсуждают. Ты то, что в СМИ зовется горячим заголовком. Я прав? Я говорю, что это может быть грандиозным.

Я ошибалась. Он прав. Оказывается меня можно ой, как разозлить.

— Ладно, вот тебе мой ответ. Ясно и просто. Иди к черту.

— Хорошо, теперь мне все ясно. — Он перекрывает мне путь. — Ты — недостающее звено. Дай мне что-нибудь. Ты встречаешься с кем-нибудь. Учишься. Следуешь прежним планам. Пишешь. Все это так и кричит «Скука». Когда я смотрю на тебя, что-то не сходится. Ты роскошная. Кеннеди и Стиллман — твое будущее словно чистый лист.

— Нет, я пишу, чтобы выживать. — Я отталкиваю его руку, резко выдыхая.

— Расскажи мне что-нибудь смачное. Боже, да ты трахалась с Сенатором Соединенных Штатов. Ты встречалась с кем-нибудь стоящим из его окружения? Все эти сотрудники Лиги Плюща, было бы неплохо тебе скорее найти кого-нибудь, если ты думаешь, что журналистика поддержит твой образ жизни.

— Что это значит?

— Твои вкусы это скорее черная икра и шампанское. Не пицца с пивом. Ты либо направляешься в «Ситибанк», либо обзаводишься семьей. Мы оба знаем, что *у тебя* нет привычного доверительного фонда — ни твоя мама, которая отказывается уступить место в очереди, ни твой отец — тебе не помогут.

Я уставилась на него. Мое тело цепенеет при одном упоминании моего отца.

— Проваливай! — шиплю я сквозь стиснутые зубы. Если я ударю этот мешок с дерьмом, не думаю, что у меня хватит сил остановиться.

— Дражайшая кузина, эта интрижка с сенатором ненадолго. Он очень скоро устанет от политики и вернется в свою адвокатскую фирму. Женится, воспроизведет 2,5 детей. Конец истории. Счастливый отошедший от дел Сенатор Стоун. Не похоже, что он когда-нибудь станет президентом. Его потребности в тебе или твоём имени ограничены. Мне даже стеклянный шар не нужен, чтобы предсказать тебе его будущее... но вот твое. Боже, мы все сгораем от нетерпения, узнать, что же ты будешь делать через год.

— Ты чертов придурок. — Мои руки были опущены, но сразу взмываются вверх, я размахиваю перед ним двумя средними пальцами. — Вот, на бис!

Колин закрывает глаза и качает головой. Я поворачиваюсь, чтобы вернуться назад в аудиторию, но он тянется ко мне и цепляется своими пальцами за мою руку, перекрывая мне путь.

— Отвали от меня! — Я тянусь к его рубашке и трясую его. Меня переполняет адреналин.

Я не останавливаюсь пока он не оказывается прижатым к стене.

Его глаза расширяются.

— Просто дай мне зацепку. Что-то, что я могу использовать. Бабушка сожрет все, что звучит разумно.

— Да что с тобой такое? Как ты можешь быть Стиллман и присмыкаться — что ты и делаешь? Ты перегнул шкалу Рихтера по самым большим провалам.

— Отлично. Храни молчание. Я скажу старикам, что ты занимаешься своими журналистскими штучками. Но когда это твое маленькое хобби вылезет наружу, не приходи ко мне за утешением.

— Клянусь богом... Я убью тебя. Свяжись со мной и увидишь, что будет! — Я устала на него, но он никак не реагирует. Просто наблюдает за мной.

— Никогда не видел тебя такой раздраженной, Ксавия. Я лишь прошу подсказку. В каком направлении ты двигаешься, чем занимаешься?

Черт возьми, я и так уже слишком много разболтала. Я с отвращением отпускаю его. Если мы ввяжемся в скандал — это не останется незамеченным.

— Почему бы тебе не заняться собой? Ты можешь просто заткнуться и снова присоединиться к человеческой расе.

— И что мне это даст? — отрезает он.

Не могу поверить, что мы родственники. Я качаю головой, отступая от него.

— Ничего. Это именно то, что ты заслуживаешь.

— У тебя есть план. Сценарий. Тик-так.

Я смотрю в его глаза. Мое сердце ускоряет биение. Я хочу вмазать ему по лицу.

— Не держи зла, Колин. Просто проваливай к чертовой матери, пока я не позвонила бабушке и не рассказала ей, что ты был здесь и пытался шантажом заставить меня участвовать в дерьме, которое ты можешь продать.

— Ксавия, ты пожалеешь, что отказалась от моего предложения. Помяни, мои чертовы слова!

Я смотрю, как он разворачивается на каблуках и шагает прочь, крадясь к соседнему зданию, пока он не сворачивает за угол и не исчезает. Мое распаленное лицо горит жарче с моим возмущением и кипящей злостью. Я облокачиваюсь на дверь, пытаюсь успокоиться и не пыхтеть как разъяренный бык. Пропитанный ядом дротик, брошенный Колином, сложно игнорировать. *Махинации?* Уверена, что Нора проглотила мою семейную принадлежность, но Беннетт?

*Стоп! Глупо позволять Колину загрязнять мои мысли.* Вот что моя семья делает ради влияния. У двери я останавливаюсь и думаю. Что же мне делать? Забудь следующий год, мне нужно разобраться со следующей ночью. Беннетт больше, чем просто мой босс. Он мой самый большой секрет внутри расширяющегося круга. Я не хочу, чтобы его затрагивала часть, где собираются мои демоны — пиявки как Колин. Мне хочется кричать от расстройства до боли в горле.

Но я не могу расстроить Беннетта. Не сейчас, когда у него все так хорошо с поддержкой. Это *моя* проблема — не его. Он все поймет по мне, если я вернусь назад. Нет никаких шансов убедить его что все в порядке — он сразу поймет — я лгу.

Каждый раз, когда я думаю, что мне удастся утаить от него нечто дурнопахнущее, он доказывает, как же я не права. Осталось чуть больше часа до коктейльной вечеринки и ужина. Я достаю телефон и набираю сообщение Стоуну. Ему не нужны мои проблемы.



Лучше пусть расстроится, и я подумаю о том, как скрыть правду.

\* \* \*

ВОТ ОН. Я вхожу в танцевальный зал и чувствую, как все мое тело настраивается на него. Сенатор Беннетт Стоун в своем пошитом на заказ черном костюме и красном шелковом галстуке. Я держусь периметра танцевального зала, улыбаюсь и смешиваюсь с толпой гостей, чтобы послушать речь Беннетта. Мэр Фултон представляет его. Бен поднимается на сцену и свет приглушается. Прочесывая помещение, я просматриваю столы с занятыми местами и нахожу только одно свободное место на другой стороне танцевального зала.

— Благодарю Вас, Мэр, — говорит Беннетт. — Дамы и господа, я надеюсь, вы еще слышали лучшую речь за вечер. — Люди смеются в ответ.

Прокладывая свой путь через заполненную комнату, я проскальзываю на свободное место, улыбаюсь и киваю другим за столом, но мое внимание привязано к человеку, очаровывающему всех нас со сцены.

Лицо Беннетта становится серьезным.

— Сегодня, я здесь чтобы поговорить о мире. Большем, чем тот, который уже есть и которым мы довольствуемся в Соединенных Штатах. Я буду говорить о мире. О котором мы молимся и который мы призваны защищать. — Люди зааплодировали, прерывая его речь. Когда продолжил, он сказал: — На Ближнем Востоке перевороты. Мы на пороге выхода из одной войны, и возможности вступления в другую. Сейчас не время для отдыха. Настало время действовать.

Стоун говорит о его видении Соединенных Штатов, оживления экономики, борьбы с насилием и безработицей, трагической потери жизни за рубежом, и почему сейчас как никогда, мы, как страна, должны объединиться.

Для человека, которому нравится шлепать меня по заднице, тянуть за волосы, и который хочет сделать меня своей собственностью — в данный момент, я не вижу его как восхитительного парня с лицом между моих ног. Он сенатор, который заставляет мое сердце биться, руки хлопать и надежду разрастаться в моей груди.

Он говорит размеренно. Его глубокий голос отмеряет слоги с южным шармом. В конце он улыбается, машет, и я не могу поверить, что его речь окончена. Завороженная, я хочу слышать больше. Все вокруг встают. Мое сердце бешено бьется, и я вскакиваю на ноги, в то время как все вокруг сходят с ума. Я засовываю пальцы в рот и издаю оглушительный свист. Все, с кем я пересекалась взглядом, улыбались. Прямо как уже было сегодня — очередной заразительный контакт — и начинает звучать музыка «*It's Time*». Imagine Dragons... его агитационная песня, и вся накопленная энергия в комнате взрывается.

Скованные тела превращаются в волну флюидов со вспышками света, и я вижу, как несколько женщин направляются к сцене и машут Беннетту. Люди с его предвыборными значками, стоящие в проходе за мной хлопают друг друга по спине, и жужжание голосов становится громче. Начали разносить напитки, и я пробираюсь через толпу, медленно вкушая секунды, где я парю и свободно наблюдаю за ним, его сильной стороной и как она сильна.

Он из тех политиков, которые обладают истинной харизмой. Не удивительно, что он ставит все на карту. Колин не смог ошибиться больше, даже если бы попытался. Беннетт

очень хорошо обладает задатками кандидата в президенты, и мне интересны его стремления. Что для него приготовило будущее? Странно, но у меня нет и малейшего понятия о своем будущем, но я думаю о нем. Президентская гонка — цель, требующая больших планов. Об этом я хочу спросить его сегодня.

Несколько шагов и это все что я могу сделать, чтобы сдержать себя. Когда я позади него, я слушаю, как он благодарит людей за то, что пришли и за их поддержку, я останавливаюсь и наслаждаюсь видом. Он держит бокал и отпивает. Его широкие плечи обтянуты пиджаком в замечательную V-образную фигуру, и я жажду потянуться и пробежаться своими пальцами по его телу.

*Боже, этот мужчина так хорошо сложен. Он будто высечен из камня.* Я улыбаюсь своим мыслям и шепотом произношу его имя:

— Беннетт?

Возможно, надеюсь, что он не услышал меня, в таком случае я могу пройти своими пальцами по его мускулистой руке, как будто принимаю невинную попытку привлечь его внимание. Все же вернее будет сказать, что его имя едва слетело с моих губ, как он поворачивается ко мне. Его зеленые глаза мощно впиваются в мои, и их влияние опьяняет и делает меня голодной одновременно.

— Где ты была? — рычит он, его выражение выжидающее, в то же время напряжено и направлено на меня. Он гладко выбрит, как утром, но в черном костюме и обтягивающей белой рубашке, он безумно красив.

— Экстренная ситуация. Я прошу прощения. Нужно было разобраться с семейными делами до нашего отъезда завтра. Мне так стыдно, за то, что я убежала. Мой кузен приходил днем и забил мне голову. Я обещаю, ничего подобного больше не повторится.

— Понятно. — Его глаза загораются ярче, но не сдерживают мои, когда он опускает свой взгляд по моему телу.

— Но сейчас я здесь. Готова и открыта всему. — Я жду, напряжение растет, что-то назревает. Его глаза пожирают меня. Он собирается сказать что-нибудь — сделать что-нибудь кроме того что пялиться на меня?

На мне облегающее красное платье с дразнящим, но все же пристойным декольте. Длинною в пол, шикарно бросающееся в глаза, дополненное бисером на лифе, который соблазнительно звякает, когда я двигаюсь — прямо как сейчас. Его ноздри расширяются, когда его взгляд перемещается ниже и ниже, а потом застывает. Я уверена, что он смотрит на мои чрезвычайно высокие каблуки — серебристые ремешки на шпильке — выглядывающие из бокового разреза моего платья. Его завели мои сексуальные туфли, и я считаю секунды в ожидании его ответа. *Один — одна тысяча. Две — две тысячи. Три — три...*

— Так ты тут, чтобы маячить на пути или какая у тебя цель?

Это не тот ответ, что я рассчитывала услышать, и я уставилась на него, в мгновение ошеломленная.

— Я здесь в связи с официальными делами. Ваш стажер. — Отвечаю я, недовольная его тоном. — Если все еще в силе, сенатор Стоун.

На его прекрасной щеке задергался мускул, окутывающий его в ауру едва сдерживающегося альфа-самца — два щелчка к северу от буйства. Согласно моему небольшому запасу знаний, Бен готов взорваться. Он смеется.

— Официальные дела? Не используй больше длинные слова, значений которых ты не

понимаешь.

*Щелк*

*Щелк*

*БУМ*

— Что, прости? — насмехаюсь я.

— Посмотрим, сможешь ли ты продержаться без исчезновений. — Он уставился на меня, приподняв бровь.

*Да что с ним такое?* И словно заводной, привлекательный брюнет проскальзывает рядом с ним, прежде чем я успеваю ответить.

— Сенатор Стоун, я сижу рядом с вами сегодня. — Мурлычет он, а я закусываю язык, в то время как огонь воспламеняется в моих венах.

*О, ну погоди!* Я устрою ему нагоняй, когда мы останемся наедине.

— О, Миссис Мансфилд, — отвечает он. — Какая честь!

Прекрасно. Должно быть это Миссис Мансфилд. Его *большая поклонница*. Та, о которой упоминала Нора, как о той, что сделала огромные пожертвования. Я надеваю улыбку на свое лицо, понимая, что этого от меня и ждут. Он пожимает ее руку, обнимает, и они обмениваются комплиментами.

— Тогда, может быть, нам стоит?.. — отвечает он ей, и я собираюсь покинуть свою камеру заключения, чтобы посмотреть списки размещения. Куда, черт возьми, мне придется идти? Не могу поверить, что я не позаботилась о собственном месте в этой неразберихе. Такой вот стажер!

— Не так быстро, — рычит он, возвышаясь надо мной, а его пальцы ложатся на мою руку.

Я поворачиваюсь и вижу, что Миссис Мансфилд разговаривает с какой-то женщиной. Они похожи на пару охотящихся пум [ пумами называю женщин, которые предпочитают "охотиться" на мужчин значительно моложе себя. прим. ред. ], и я понимаю, что... или скорее кто их трофей. Беннетт берет меня под локоть, подбородком указывая на самый большой стол в зале. Его.

— Сюда, Мис Кеннеди.

— Я не понимаю. Твой столик заказан. Нора и я обговорили, кто и где будет сидеть. Разве я...

Он пожирает меня взглядом, и я замолкаю. С ним сидят очень важные люди, я и представить себе не могла, что буду сидеть с ним сегодня.

— Твое место справа от меня. — Беннетт понижает голос, а его губы всего в нескольких миллиметрах от моего уха. — Обязанности напоминать не нужно?

Я чувствую давление его сжимающихся пальцев на своей коже, и отрицательно качаю головой.

— Нет. Мне не нужны напоминания.

— Я рад освежить твою память. Только скажи слово, маленький *стажер*. — Он опускает взгляд на мои губы, и на его скулах заходили желваки.

Боже, я хочу протянуть руки и пробежаться пальцами по его челюсти. Дойти до его рта, потянуть за его волосы до тех пор пока он не почувствует небольшую боль, что пройдет через меня. Когда он отпускает мою руку и улыбается Миссис Мансфилд, мне хочется кричать, встать между ними, чтобы он видел только меня.

Конечно, Сенатор Стоун явился с желанием и стремлением очаровать этих глупых

женщин, начав с его фирменной улыбки, от которой на дамах плавают трусики. Он представляет меня как его сотрудницу, но женщины не могут отвести своих глаз от него. В особенности Миссис Мансфилд. Она абсолютно одурманена им.

Ужин готов, и пока мы идем к столику, я скриплю зубами, потому что Стоун беседует с ней. Я поминаю, что другая женщина это еще один огромный способ поддержки кампании. В их среде он покладистый, их голоса звучат снова и снова.... *Ла-ла-ла.*

Мы рассаживаемся и представляемся. Я сижу рядом с генеральным директором, который рассказывает мне, что его жена не смогла прийти. Очевидно, ее место я и заняла. Его глаза упиваются моей грудью, и я отодвигаюсь, хотя и улыбаюсь, кивнув головой. Я могу обсуждать множество тем не задумываясь — годы практики. Я отвечаю, покидаю свою игру, пытаюсь вспомнить всю информацию, предоставленную Норой. Приносят напитки, затем еду. Я ничего не пробую. Я закипаю рядом с Беннеттом, а он не обращает на меня никого внимания. Люди, сидящие рядом со мной, более расслаблены, в отличие от меня, разговор за столом оживает. Кто-то интересуется моим именем, и я вспоминаю, что на мне бирка с фамилией напоминающая о моей принадлежности. Они задают вопрос за вопросом о связях моей семьи, которые я, конечно, опускаю, прикрываясь очень своевременными вопросами.

Каждую секунду я стараюсь быть в курсе дел Стоуна и его фан-клуба. Одна из женщин уделяет больше внимания мужчине, сидящему рядом с ней, оставляя Мансфилд неловкое хихиканье. Она сверкает перед Беннеттом своими ультра белыми зубами, наклоняется вперед, чтобы продемонстрировать свой салонный загар и едва прикрытую грудь. Если бы я могла закатить глаза больше, я бы сделала это в мгновение ока.

Мансфилд пробегается пальцами по его руке, конечно, она хочет большего, и касается его вот уже в который раз. Меня вконец раздражает то, что она к нему прикасается, и я задерживаю дыхание, выжидая следующего раза, когда она опять потянется к нему — сначала просто скользнет к его предплечью, потому что она ухватится своими пальцами за его рукав, что приведет к тому что ее рука окажется в его. Когда он начинает постукивать своими пальцами по ее груди, я окончательно выхожу из себя. Я на грани возгласа «*Уединитесь!*», сидя на краю стула и наблюдая за его фанаткой-поклонницей.

Он ничего не делает, чтобы остановить эту женщину. Он разговаривает, улыбается и веселит целый столик.

Мое лицо разгорается сильнее, и мой предохранитель начинает слетать. Он ищет что-нибудь для своих нужд у меня под носом для.... *мест?* Это не похоже на нечто возможное. Что если он чувствует себя задетым и теперь отплачивает мне сполна? Проклятье. Он не может быть все еще зол на то, что я исчезла. Я принесла свои извинения, хотя и не самые идеальные извинения. Я вспоминаю о Колине. Я хмурюсь. *Колин.*

— Сенатор Стоун, вы не возражаете? — Мужчина с камерой в руке улыбается, стоя за спиной генерального директора, и я слышу, как Беннетт отвечает:

— Смелее.

Фотограф кивает женщине рядом с ним, и она постукивает своими пальцами по экрану планшета. Она начинает печатать, ее глаза пробегают по каждому человеку, сидящему за нашим столом, быстро рассматривая бирки с именами, но когда она доходит до меня, ей приходится дважды посмотреть на табличку, и я чувствую, как леденеет мое тело.

Она постукивает по руке фотографа и указывает подбородком. У меня уже была собственная коллекция фотографий с моментами предвыборных кампаний в прошлом. Коктейльные вечеринки и празднования с семьей. Я наблюдала, как фотограф выбирает

позицию. Он поднимает и направляет свою камеру напротив стола, целясь в меня. Вспышка. Крошечный взрыв света.

Я продолжаю думать о моем придурочном кузене. Его неожиданное появление сегодня нависло, словно черная туча, за исключением всех вспышек от этого парнишки, что рядом с нами делает бесчисленное множество фотографий, как сейчас.

Фотограф со стороны стола вошел в раж, делая потоки фотографий. Внезапно, все замерли, наклеив на лица поддельные улыбки. Я не могу смотреть на Беннетта... но я смотрю. Я только метая взгляд на его профиль, и он не улыбается. Я быстро отвожу взгляд. Фотографии появятся в газетах. Общественная секция — фотографии могут отфильтровать к выходу в СМИ, Ассоциация печати — список бесконечен. Проклятье, эти фотографии могут набрать обороты.

Конечно, так все и будет. Нора как раз говорила об этом, когда я отправила ей сегодняшней разворот? Их PR команда будет настроена на это сегодня — это последняя остановка компании Беннетта на какое-то время.

О чем я думала? Я была бы стажером, застрявшим в каком-нибудь старом офисе? Не с таким именем как *Кеннеди*. Я сижу, справа от влиятельного мужчины, и он обрабатывает толпу.

Странно, что кузен не позвонил мне, но появился, бросив бомбу мне в руки... и я могу видеть поведение Колина, ясное как день. Он не пытался скрыть то, что он делал — использовал меня как орудие! Колин управлял мной, и теперь, он, вероятнее всего, говорит гадости обо мне. Я обернулась избегая прямого взгляда в объектив камеры.

Одна мысль не давала покоя. *Продали другу версию меня?* Я так устала, что меня постоянно используют.

Теперь я вижу красный. Не такой как галстук Сенатора Стоуна или как мое красное платье от Валентино, а такой, который заставил меня сравнивать счет.

Для начала мне нужно разобраться со своей семьей, а потом с Беннеттом. Понять, что его тревожит и разобраться с махинациями. Он использует меня — мое имя — чтобы раскрутить себя?

Теперь меня больше не интересует, что подумает моя семья. Я собираюсь вывести все начистоту и сказать им, чтобы они отстали. Нужно было сделать это давно. Пусть даже они отрекутся от меня. Черт, может быть даже лучше разорвать удушающие связи со Стиллман. Не могу поверить, что я ждала так долго, чтобы выйти из всего этого. Может если я стану просто Кеннеди, без связей своей семьи, внезапный интерес Стоуна ко мне пропадет. Ха! Не могу дождаться того момента, когда увижу его лицо, после того как я объявлю, что я — свободная птица.

Я извиняюсь перед генеральным директором и направляюсь к выходу из зала. Я хочу позвонить бабушке и поговорить с ней о ее внуке и о том, какой же он идиот, и как их коллективный уровень сплетен упал так низко. Я не хочу больше быть частью их мирка. Я по горло сыта ими.

Я не успеваю пройти и пяти шагов по холлу, когда чьи-то пальцы хватают меня за руку, врезаясь в мою плоть.

— Какого... — Я перестаю шипеть и смотрю в очень сердитое лицо Стоуна.

— Куда, черт возьми, ты собралась? — спрашивает он низким голосом. Его глаза словно лед — холодные и ранят больше чем слова.

Я не обращаю внимания на последствия.

— А какая разница? Тебе что не хватает женщин, что бросаются к тебе под ноги здесь? Легким движением руки он хватает мое запястье и тянет к себе.

— Ты не можешь просто взять и уйти. Ты должна была подойти и сказать мне об этом. Лично. Даже если я на сцене или сижу с президентом. Ты находишь меня и говоришь мне о своем желании. У нас не должно быть никаких исчезновений.

— Еще увидим.

— Это еще что, черт возьми, значит? — рычит он тихо.

— Мне нужно кое-что разрулить. У меня был посетитель, сегодня в кампусе. Ты не понимаешь моей властной семьи, но я решила порвать с ними. И если это значит, что я больше не в твоей команде, тогда просто скажи мне. Я большая девочка!

— С кем ты разговаривала в коридоре «Гарварда»? Тот парень, что загнал тебя в угол.

Мой кузен не тот, кого можно назвать парнем. Моя семья требует быть начеку: планируя варианты отступления, чтобы не оказаться в ситуации, когда я была вынуждена уйти, сообщив об этом Беннету по телефону. Я вспоминаю разговор в кампусе и Колина, затаившегося в коридоре. Ладно, я тоже принимала участие в том, что мужчина напротив меня зол.

— Это был мой кузен, — вздыхаю я, и ловлю его взгляд, понимая, что это означает — я могла бы объяснить насколько у меня сумасшедшая семья и увидеть, поймет ли он, насколько далеко я собираюсь сейчас зайти. Я буду по другую сторону преимуществ, если положусь на «С» список Стиллман. — Этот парень, Колин Стиллман, мой кузен. Родственник, моя раздражающая семейка, и, как ты теперь знаешь, я собираюсь разорвать все отношения с ними. Я Кеннеди только по имени. Я Стиллман — черная овечка, и после сегодняшнего, у меня есть очень большие шансы быть гонимой обеими сторонами.

Секунду мы смотрим друг на друга. Он наклоняет голову в сторону.

— Ужин проходит там. — Объявляет он сладким голосом.

— Я выполнила свои обязанности. На этом все.

— Ни когда я заинтересован. Мне плевать на твою семью. Ее может и не быть. Мои интересы заключены исключительно в тебе.

Один из работников отеля объявляет, что уже подают десерт. Некоторые гости, разговаривавшие по телефону уединившись в коридорах, вернулись обратно. Люди заплатили неплохие деньги, чтобы сидеть рядом со Стоуном, и я жду, что он вернется в зал.

— Мне нужно время. — Я не знаю, что сказать — его признание сбilo меня с толку. Я не потеряла контроль, просто запуталась.

Он даже не шелохнулся, чтобы уйти.

— Пойдем со мной, — командует он.

— Нет, я не хочу возвращаться... не сейчас. Мне нужно позвонить.

— А кто говорил, что мы вернемся обратно? — Он притягивает меня к себе, что я сталкиваюсь с его мощным телом. Я подпрыгнула, как если бы споткнулась. — Ты идешь со мной.

Он сдвигается с места, удаляясь от двери танцевальной комнаты, таща меня за собой. Одной рукой он обнимает меня за талию, пока ведет меня по коридору. Внезапно мы останавливаемся у лифта. Он нажимает кнопку, и двери открываются. Мы заходим внутрь, и он набрасывается на меня с неистовой силой, от которой нигде не скрыться. Он обхватывает мою голову своими руками и внимательно смотрит на меня.

— Ты. Принадлежишь. Мне.

— Ты это и следующей девушке, которую найдешь, скажешь?

— Малышка, не испытывай удачу сегодня! Что именно ты не поняла из моего заявления, что ты принадлежишь мне?

— Ну, может быть, это потому что я не принадлежу тебе! — Я упираюсь руками в его грудь, но он не реагирует — ни сразу.

Он прищуривается, а мускулы на его челюсти начинают подергиваться от раздражения.

— Сейчас ты поймешь, что это ложь, милая. — Он добавляет немного северного акцента. И его слова словно мед, с привкусом сексуального диалекта Джорджии. От него исходит жар, и он тянется вперед, его дыхание ласкает мое лицо, шею и грудь острым и горячим воздухом.

— Я не лгу.

— Лжешь. Ты постоянно обманываешь, когда говоришь о своих чувствах... желаниях. Скажи, что ты не хочешь, чтобы я оказался в тебе прямо сейчас.

Я отрицательно качаю головой, но он прав. Я лгу. Я разгорячена и взволнована и жажду его. Он спрашивает, и все, что мне остается делать, это согласиться. Нужно лишь сдаться. Нужно лишь с радостью согласиться. Меня уже ничто не удержит, я буду следовать за своим сердцем.

— Ты знаешь, что хочу. Пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — спрашивает он у моей щеки. — Ты хочешь этого? Сильно? Я понимаю, ты беспокоишься о возможном риске. Я тоже, но черт! Ты того стоишь!

Он пододвигается, всем телом врезаясь в меня. Мы идеально сливаемся воедино, эти ощущения потрясающи и приятны на вкус. Я закусываю губу, чтобы сдержать стон, соскальзывающий с моего языка. Его властное тело, накрывающее меня так трудно оттолкнуть. Ничто не сравнится с ним. Вместе мы можем быть ошибкой — но было бы хуже, если бы я просто ушла. *Просто скажи ему!*

Я смотрю в его потемневшие глаза — его возбужденный взгляд — первое, что я заметила, и я не хочу скрываться или избегать его.

— Да. — Я уверяю его. — Я хочу.

— Сегодня я буду безжалостен во всем, что касается тебя. — Подвигаясь ближе, он опускает свое лицо и вдыхает аромат у моего виска. — Детка, я поглащу тебя. Всю тебя.

— Ненасытный?

— Когда речь идет о тебе? — Улыбка появляется на его лице, несмотря на то, что он закатил свои ревностные глаза. — Вне всякого сомнения!

Я смеюсь, и мы смотрим друг на друга.

— Что бы ты знал, я тоже ненасытна, — отвечаю я, держа его шелковый галстук в руке.

Беннетт скользит своими пальцами по всему моему телу, пока не останавливается на моей заднице и не сжимает ее обеими руками.

— Боже, мне нравится твой запах и мне нравится касаться тебя.

Я выступаю вперед, ища его. Нуждаясь в нем. Я на грани стога. Лифт звенит и двери открываются. Одиннадцатый этаж. Я замираю, шепчу, пытаюсь отстранить его от себя:

— Что мы здесь делаем? Гости отеля могут быть неподалеку.

— Не паникуй. Это конец коридора. Нам нужно поговорить. — Он тянется и нажимает кнопку «стоп»

Он продолжает прикасаться ко мне, властно скользить руками по моим бедрам, он притягивает меня к себе. Я жду. Интересно, он серьезно собирался разговаривать. Его бровь

медленно поднимается, но он все еще хранит молчание. Разглядывая меня. Я хочу, чтобы он поцеловал меня. И в этот момент, все ясно. Я жажду его власти, которая идет в комплекте с бесконечной близостью — такая темная, глубокая и опасная.

Я не могу вздохнуть. Я жду от него каких-нибудь слов, которые разрушат сегодняшнюю путаницу. Наши взгляды скованны, глубоки и он произносит низким голосом, наклоняясь ко мне:

— Мне нужна только ты. Черт, разве ты не понимаешь?

Он делает паузу, его вопросительный вид так и не меняется. Его отточенная челюсть плотно сжата — его высокомерие кажется мне таким привлекательным и таким невероятным, манящим меня. Я пробегаю пальцами по его щеке, исполняя свое желание, которое теперь вышло из-под контроля.

— Что же мы делаем?

— Решаем, — говорит он, поднимая свою руку. Он проходит ею по моей челюсти, и его вид, который всегда был полон загадок, меняется, и я вижу его. Уязвимый и нежный. Он выпускает меня, и приступ боли в груди взрывается.

— И? — отвечаю я мягко.

— И... — Он врезается своим ртом в мой. Долгий, сладкий поцелуй превращается в горячий и страстный. Вот это наш стиль.

Он открывает мои губы, обхватывая мой затылок, прежде чем засунуть свой язык мне в рот. Мы стонем в унисон, в то время как наши языки сплетаются, и он прижимает меня к стене, до тех пор, пока я не оказываюсь идеально прижата им. Он возбужден во всех нужных местах. Мираж, но он впустил меня к себе, доверился мне. Он прижал свой возбужденный член к моему животу, я поняла, что меня ожидает жесткий секс.

Неважно, узнают ли о нашем секрете — объявят ли об этом на весь мир, у нас есть большее. Секрет секретов.

Я содрогаюсь от толчка электричества пробежавшего сквозь меня. Я поджимаю бедра, стараясь быть ближе к нему. Вот чего я хотела с самого начала. Мы останавливаемся, и я отстраняюсь на несколько сантиметров, чтобы посмотреть в его глаза.

— Нужно было это с самого начала сделать.

— Наш первый поцелуй. Думаю, мы постарались, — наконец отвечает он, накрывая мой зад своей ладонью. Он поднимает мои половинки, раскрывая меня для него и разворачивая нас до тех пор, пока его спина не оказывается, прижата к стене. — Я слышал, что ты говорила. Детка, ты нужна мне.

Он раскрывает «дверь» между нами, и она открыта в обе стороны. Мне нужно быть честной — такой же, как он.

— Хорошая новость, — шепчу я, оседлав ради него боль, которая теперь превратилась в пожар, поджигающий мои нервные окончания, пробуждающий жгучее желание глубоко в моем животе, которое спускается вниз, в мою промежность. — Я хочу быть с тобой. Я не понимаю эту магнетическую связь, что соединяет нас, но я за. Руками и ногами!

— Я позабочусь о тебе. Ты не пожалеешь. Верь мне.

— Я верю.

Легонько он проводит своими нежными пальцами по моему лицу, издавая стон в мой рот, накрывая мои губы своими до тех пор, пока я не срываю с него пиджак, желая большего — контакта нашей кожи.

— Как же десерт? — спрашиваю я. — Ты не можешь так просто уйти.



— Разве нет? — Он смеется.

— Нет! Мы должны...

Он прижимает свой палец к моим губам, прекращая мой панический возглас.

— Я нашел кое-кого, кто заменит меня. — Отвечает он.

Я непонимающе качаю головой.

— Кого?

Он опускает взгляд вниз и отвечает.

— Клуни был в городе, и он займет мое место. Уверен — он справится.

— Секундочку. Вы обмениваетесь одолжениями.

— Только одним. И теперь мы квиты.

— А что, если я хочу с ним встретиться?

— Не сегодня, — отвечает он, поперхнувшись, и выводит меня из лифта. — Хватит уже делить тебя с непонятными мужчинами.

У его комнаты, он вставляет ключ, открывает дверь придерживая ее для меня. Он снова идет позади меня, не касаясь моей кожи, но я чувствую его присутствие, горячая волна окутывает меня.

— Куда?

— Остановимся здесь, — говорит он, когда мы подходим к дивану. — Я хочу раздеть тебя.

Его пальцы прижимаются к моей коже, продвигаясь к моему платью, он рывком притягивает меня к себе, и я начинаю задыхаться. Звук расстегивающейся молнии порождает волну мурашек на моей спине. Платье расходится и падает на палас. Прохладный ветерок дразнит кожу, а он все еще не касается ее.

— Повернись, — шепчет он, и мои соски затвердевают от звука его похотливого голоса. — Я буду наслаждаться своим личным десертом. Я ждал много часов, чтобы попробовать и насладиться им.

Я делаю как велено, затаив дыхание, стоя перед ним на каблуках и в трусиках. Его взгляд прикован ко мне. Никакого лифчика. Я стою здесь открытая для него во всех смыслах.

— Такая прекрасная и такая властная.

— Кастрюля. Чайник. Камень. Черный.

— М-м-м, — мурлычет он. — Что-то вроде того.

Потянувшись, он вытаскивает заколку из моих волос. С трудом, он вынимает другую. К его прикосновениям так легко привыкнуть. Я вздрагиваю каждый раз, когда слышу, что он бросает их на пол. Его раскаленные глаза следят за мной, потом он смотрит, как мои волосы разлетаются по моим плечам. Тяжелый чувственный занавес для моей голой груди. Без предупреждения, он хватает мои руки и притягивает ближе к себе, я снова фактически раздета, а он практически одет. Все же есть отличия: сегодня все просто бурлит на поверхности. Мы вместе. Не полностью, его руки сдерживают нас... все еще. В течение нескольких секунд тишины, мы до боли близко друг к другу, это чистая мука и лишь сантиметр разделяет нас.

— Беннетт, — шепчу его имя.

— Чего же ты хочешь, Ксавия? — спрашивает он, даже не нуждаясь в ответе.

— Тебя. Я хочу тебя. Обнаженного.

# Глава 14

## Насколько далеко?

ОБХВАТИВ ПАЛЬЦАМИ бедра Ксавии, я следую за ней пару шагов, пока она не поймала меня между собой и диваном. Позволит ли мне эта девчонка обладать ею полностью, когда обнаружит, каков я есть. Есть только один ответ, который меня устроит. Подняв руки, я отвел назад волосы с ее лица, нуждаясь в ее глазах.

— Кса, ты моя, и если ты хочешь меня голым... тогда да. Но взамен я получу тебя. Всю тебя, каждую твою частичку.

— Эта сделка одноразовая?

Я смотрю в ее глаза — светло голубые — хранители моей тайны.

Она — мой грех.

Стрела, ошибка, дорога к гибели.

Но, черт возьми.

Что я могу сказать ей?

Медленно я смотрю, как мои пальцы скользят по ее лицу и по плечам, я голоден, и хочу завладеть ее телом. Это является главным для меня. Трахать ее — это не вопрос — это ответ.

С этим я могу справиться.

Ее полные груди, я чувствую себя на грани взрыва. Я оказываюсь на краю пропасти, когда она стонет... мягко и вызывающе.

Мое сознание имеет меня.

Звук ее голоса резонирует в моей голове, как взрывающаяся бомба. Я так близко, чтобы нарушить все правила. Я всегда представлял, как метил бы ее внутри и снаружи. Моя цель — заклеить ее своим телом, попробовать каждый вкусный дюйм ее кожи, и взять так глубоко, чтобы она запомнила эту ночь навсегда. Одна ночь. Черт, я хочу миллион и одну.

Это безумие. Это вершина, и эта девушка меня поймала моим собственным голодом.

— Скажи это еще раз, — приказал я ей. — Скажи, чего ты хочешь.

Я сжал ее соски сильнее, желая узнать, также ли она близка к краю, как и я.

— Тебя. Я хочу тебя. Обнаженного.

Ее слова эхом звучали в моей голове, заставляя забыть обо всем, кроме как быть глубоко в ней.

*«Тебя. Я хочу тебя. Обнаженного».*

Эти слова открыли то, с чем я боролся в течение последних суток и всю жизнь. Я должен обладать ею. Прямо сейчас. Скользя рукой по ее шее, я не остановился, пока моя рука не достигла затылка.

— Детка.

Я говорю, как готов для нее и накрываю ее рот своим. Один вкус ее розовых губ и я не могу остановиться. Она та, кто мне нужен. Вся она.

Начиная с ее губ, — она моя. Я дразнил и сосал ее губы, прикусывая между зубами.

Без всхлипывания. Без визга. Ее единственной реакцией было соприкосновение ее губ с моими; встреча ее мягких против моих жестких — соблазняя меня раздеть ее. Опять я прикусил их, но на этот раз жестче. *«Давай»*, думал я. Покажи мне, что ты чувствуешь, покажи свою боль.

Она застыла в моих руках и да... она прошептала:

— Пожалуйста, Беннетт.

Наши взгляды встретились, и я узнал себя — увидел свое отражение в ее непоколебимом взгляде.

Черт! Я погружаюсь в ее кристально-синих глазах слишком быстро, чтобы возможно было замедлиться. Я дернул ее за волосы.

— Твой голос. Мое имя. Эти звуки чертовски приятны. Мне нужно слышать его, когда ты готова.

Наши взгляды встретились, и я почувствовал взрыв в своей груди. Вот оно. Я зверь. Подонки. Мужчина, который обладает всей ее красотой. Обрушив свой рот на нее, я раскрыл его шире губами, пока наши языки не переплелись. Я хотел большего. Мы целовались без остановки, и каждый из нас блуждал руками по телу другого. Я жажду ее ослепительной чувственности. Я на грани безумия.

— Ты нужен мне, — прошептала она.

— Кса, позволь мне владеть тобой. Позволь.

Я переместил свои пальцы к ее груди и сжал, я трахал ее рот нуждаясь в ней. Нуждаясь во всем, что она может дать мне. Она всхлинула. Ее звуки разжигают мой голод все сильнее. Я должен получить ее; уложить на спину, затем раздвинуть ей ноги и начать жестко трахать, в то время как ее оргазм делает влажным мой член. Я взял ее на руки, пройдя через гостиную. Зайдя в спальню, я закрыл за собой дверь. Я на грани, и должен быть голым вместе с ней. Кожа-к-коже — один из видов контакта.

Спустя десять минут, я хочу быть зарытым в ней, со всей скрупулезностью входить в нее и следить за ее реакцией. Запоминая каждую эмоцию. Секс между мной и женщиной — где я *обнажен*, никогда такого не было.

Кто я есть? Я — Мастер БДМС сцен. Я — подлец. Конец истории.

За последние пару лет в *Доме*, были лишь интрижки содержавшие горячий, жесткий, быстрый секс. Имена не важны для меня. Кровать — только для секса. Спать с женщиной, определенно не вопрос... до сего момента. До того, как я положил глаз на Кса. Сейчас, мысль оставить ее хотя бы на минуту выбивает меня из колеи.

— Позволь мне, — сказала она и подождала. Такая чертовки прекрасная. Моя блондинистая шалунья.

Я даю добро. Слова — мои мысли вдвойне опасны.

Я никогда не позволю ей понять, как много она дает мне. Я хочу быть доминирующим звеном. Ее руки скользят под моим пиджаком, тепло и приглашая. Она толкнула меня в плечи, став голой передо мной. Ее пальцы на моем галстуке, затем она спокойно тянет за узел и расстегивает мою рубашку.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, чувствуя себя словно опьяненным.

— Для довольно умного парня, иногда ты поражает меня.

Ее пальцы перемещаются ниже и ниже, расстегивая мою рубашку. Когда она собралась снять с меня мои брюки, от прикосновения ее рук к моему животу, я испустил хриплый шипение. Наши роли поменялись местами. Я наблюдаю за этим в ожидании.

Второй раунд миновал, я жажду ее как наркоман жаждет свою дозу.

*Я получил ее всю.*

Мне конец!

Как она делает это?

Лишь один выход из этого ощущения быстрого падения — взять все в свои руки, контролируя все происходящее.

— Позволь мне.

Я повторил ее слова, но мой голос был хриплым. Требующим.

— Но... — сказала она.

Наши глаза встретились. Я нахмурился. Не выдавая эмоций.

Удерживая все в себе.

Я сделаю все, чтобы отгородить ее от того, что я к ней чувствую.

Она прикусила свою невероятную нижнюю губу, и мой член затвердел от мысли о своем члене у нее во рту. Затем я расстегнул ремень и снял штаны. Я не останавливаюсь, пока полностью не разделся.

— Ну что? Достаточно обнаженный? — Я ухмыльнулся и посмотрел на нее — ее глаза сосредоточились на моих шрамах, на руках и плечах — потом переместилась ниже и она прикусила нижнюю губу.

Она не спрашивает что случилось, но может сделать это завтра. Мне плевать. Я рассказал бы ей правду про дядю испоганившего мое детство. Я избавился от тех воспоминаний. Сейчас, есть только мы. Никаких кошмаров.

— Великолепно.

Она скользит своим таинственным взглядом по моему телу, и я могу поклясться богом, что я чувствую ее взгляд на себе. Ах, так вот какого, когда я смотрю на нее. Я засмеялся, и ее взгляд переместились к моим глазам.

— Что смешного, сенатор?

Я подошел к ней, но она отошла назад.

— Я буду наблюдать за тобой. — Добавил я. — Прямо как сейчас.

— Ой, да ладно тебе?

— Будь уверена, так и будет.

Она собиралась отойти, но я был готов.

— Куда ты идешь? С этого момента тебе нельзя уходить без разрешения. Поняла?

Артерия на ее шее слишком быстро запульсировала. Одно из тех мест, до которых я не мог дотронуться, но так хотел. Я шагнул и стоял уже прямо перед ней. Голый, с безумно бьющим сердцем в груди.

— Сэр, могу я взглянуть, мне хочется сделать этот момент незабываемым.

Сэр. Черт. Я опустил пальцы вниз и начал ласкать член.

— Отсоси мне, маленькая саба. Отсоси мне жестко или по-другому. Я научу тебя как.

На ее лице появилась улыбка. Она жестко сжала его, улыбнулась и провела языком по члену.

— Кса... Зашипел я и провел пальцами по ее волосам, в то время, когда она сосала мою головку у себя во рту. Это великолепное чувство, ощущать свой член у нее во рту. — Посмотри на меня!

Я потянул ее за волосы, заставляя посмотреть на меня. Она застонала, — ее голос пустил вибрацию по моему телу.

— Бен. Позволь мне, — попросила она, облизывая губы.

Я опустил взгляд на ее прекрасное лицо.

— Я здесь главный. Я люблю твои прикосновения, твои губы, твою киску. Но я — главный. Ты называешь меня «Сэр» или «Мастер», когда мы голые. Каждая часть твоего тела

— моя. Ну что, согласна с таким сценарием?

— Да, *Мастер*, — повторила она мои слова. — Сэр, могу я заценить ваш член сейчас?

Я посмотрел на нее сверху вниз и провел своим членом со смазкой по ее губам.

— Давай, детка.

Она интенсивно мне отсасывала, держа член в мертвой хватке, облизывая сверху вниз; она раскрыла свое секретное оружие для меня — ее язычок. Мой член затвердел, и я начал двигать бедрами быстрее толкая член глубже. Ее язык на моем члене чувствуется отлично, теплый, мокрый — мечта сбылась. *Черт*. Я не могу сдерживать длинные стоны, что вырываются из моего рта.

*Прямо как сейчас.*

Я согнул ноги, наклоняясь ниже, чтобы быть глубже пока она не застонала мое имя. Она двигалась по моему члену вверх-вниз, а я запустил свои пальцы в ее волосы, чувствуя, что через мое тело словно пропустили электричество. Она сосет, ласкает, — берет все, что я ей даю.

— М-м-м. — Ее лукавый голос заставляет меня двигаться интенсивнее, и я не могу остановиться. Я толкаюсь бедрами, заставляя принять меня глубже и глубже, прямиком в горло. Я опережал бурю.

— Черт! — Экстаз, словно вспышки огней перед глазами, пронесся жаром по спине. Я не могу сдержаться от освобождения.

— Бен, — простонала она, обводя свои пальцы вокруг моего члена. Мой жезл блестит от ее слюны.

— Просто возьми его, красавица.

Она проглотила его своими губами; безжалостно, вот как она сосет, давая мне вколачиваться в ее маленький ротик.

— Кса... — Я издаю стон и бурно кончаю ей в рот. Я чувствую, как ток проходит по моим ногам, по торсу и по моим плечам. Одновременно, я еще достаточно голоден, чтобы остановить ее и трахнуть... но оказаться между ее губ так невероятно. Я не могу.

— Можешь взять больше... всего меня? — твердо спросил я.

Она кивнула, потом засмеялась и пробормотала:

— Вы готовы *пойти на это*?

Она издавалась надо мной, но меня это не волновало. *Черт*. Покачиваясь на пятках, я засовываю свой член глубже, пока не достигаю стенки горла. Своими пальцами я поглаживаю ее щеку. Она закрыла свои кристально голубые глаза, и я потянул ее за волосы.

— Нет. Открой свои красивые глаза. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда буду трахать твой маленький ротик.

Я задвигал бедрами быстрее, пока не достиг пика. Ксавия сосала сильнее, всасываясь в него со всей силы. Приблизившись к краю, я выпускаю струю горячего потока спермы ей в рот. Я толкаю пульсирующий член в ее рот, в то время как искры удовольствия проходят по моей коже. Она не перестает сосать.

Чтоб меня трижды...

Я полон решимости, идти дальше.

— Пора оказаться внутри тебя.

Я поднял ее и показал на место у кровати возле себя. Я смотрел, как она забирается на кровать, и ложится, опершись на локти.

— Ложись, — приказал я, переместившись к ней, раскрывая ее красивые ноги шире.

Я сосредоточился на ее киске. Затем запустил свои пальцы между ее ног; она мягкая, гладкая, шелковая. Моя. Вся моя. Мое сердце барабанит с такой силой, что готово выпрыгнуть из груди прямо сейчас. Она толкает свою киску мне на встречу, и я перемещаю свой взгляд на нее.

— Тебе нравятся минеты?

— Для тебя... да, — она засмеялась, и ее глаза начали манить меня. Наклонившись, я взял свой член в руку — черт, я такой твердый для этой женщины. Я поровнялся своим членом с ее входом и двинулся внутрь.

Быть похороненным внутри нее — умопомрачительное чувство.

— Беннетт. Черт.

Она задыхается; она закинула голову назад и согнула колени, принимая меня глубже.

— Правильно.

Я взял ее за бедра и начал двигаться между ее скользкими складочками. Я приказал себе делать это помедленнее. Но я не мог.

Она подо мной — мы голые — на кровати.

Я голодный, нуждающийся в том, чтобы обвить ее вокруг себя. Затем обнял ее руками вокруг тонких бедер и, вогнал всю свою длину в нее. Я опустил голову и поцеловал ее в опухшие губы. Затем поцеловал еще жестче, пока не потерялся в нашем поцелуе. Потерялся в ней. Отпустив ее бедра, я погружаю в нее мой член и притягиваю ее к себе. Принуждая взять меня целиком. Пот скользит по моему телу, я вынимаю свой член и погружаюсь опять. Она проводит ногтями вниз по моей спине и я вздрагиваю от удовольствия. Мышцы напряжены до предела и кажется, что мой мозг сейчас взорвется.

Но сейчас я хочу все. Ее. Меня. Нас.

Хорошо, опасно, дорога к гибели.

Мой личный портал отмеченный буквой «X» [ на английском имя Ксавия пишется через букву X — Xavia. прим. ред. ].

— Это то, что тебе нужно? — Я нуждаюсь в ее согласии.

— Да, очень сильно, — ответила она хриплым голосом. Ее дыхание было учащенным.

— Кса, — повторил я и погрузился в нее глубже. — Я хочу всю тебя.

— Ты не понял? — Она дотронулась до моего лица. — Беннетт, я уже вся твоя.

Она моя. Я хочу проводить все время так, кожа-к-коже, но черт... Я не могу. Мы трахаемся в гармонии. Каждый раз как я вхожу в нее полностью, наш ритм, наше дыхание, наша сила — это непревзойденное чувство обладания ею. Я готов взлететь на орбиту и взять ее с собой. Это ошеломляет до глубины души, я смеюсь и запоминаю эту ночь.

С того момента, как я ее встретил, я перестал чувствовать себя вещью...

Я мужчина.

С Кса я чувствую себя самим собой.

Какое-то время, она медленно двигает бедрами и покусывает мою шею. Но затем она прикикает ко мне ближе и шепчет:

— Я сломаюсь, Беннетт.

Как я могу сказать ей, что и я вместе сней? Голос прошепчет мне: «*Не говори ей правду*». Черт. Вместо того чтобы сказать правду, я укусил ее за шею, потом переместился к ее плечу и грубо поцеловал, затем начал сосать и сосать то место, куда я ее укусил, уверен, что у нее будет синяк, который испортит ее нежную кожу. С другой стороны — так я ее пометил. Доказательства. Молчание. Я хочу от нее большего, чем от кого-либо, кого я знал,

это трудно объяснить, но я хочу ее целиком и полностью. И есть только один выход, это взять от нее все, что только можно. Я наклоняюсь, пока мое лицо не встречается с ее другим плечом. Лишь одно решение, и я буду брать все, что могу. Мы лежим потные; подушечкой пальца я растираю укус, пока он не исчез. Мы голые... Но я хочу большего, чем видеть ее голой. Я не остановлюсь, пока она открыта для меня. Со мной... Помечена мной, ТОЛЬКО МОЯ... Посмотрев на нее, я вошел в нее сильнее и сказал:

— Поговори со мной. Скажи мне, что ты хочешь. Скажи, что ты чувствуешь.

Она посмотрела на меня и наши взгляды встретились.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я хочу знать!

Я начал двигаться внутри нее быстрее, жестче пока она со стоном мне не ответила:

— Потрясающе. Мне недостаточно. Я хочу тебя Беннетт. Ты как наркотик.

— Я хочу знать больше.

Я замедлился, и она с мольбой в голосе сказала:

— Пожалуйста... Не останавливайся.

Каждый звук, который она издает, мучает мои чувства. Я дразнил головкой члена ее вход, смотря на ее поражение.

— Посмотри на нас. Мы отлично смотримся вместе.

— Невероятно.

— Продолжай говорить и я буду продолжать трахать тебя.

— Придурок, — застонала она, но продолжала смеяться. — Ты потрясающий. Я никогда не встречала кого-то похожего на тебя. Она приподнимает голову и облизывает губы смотря туда, где соединяются наши тела.

— Хочешь большего?

Я остановился, раз она перестала говорить.

— Сенатор Стоун. Не... играйте...

Ее голос колеблется, она проходит своими ноготками по моей коже.

— Тебе нравится это, — шепчу ей, и поднимаю ее запястья над головой. Она обвила свои ноги вокруг моей талии, говоря, что она уже близко.

— Маленькая саба готова для меня.

Она зашептала мне в шею.

— Сэр. Я хочу, чтобы мы сделали это вместе.

Черт, она подталкивает меня ближе к краю, ближе к моменту. Я боюсь, что могу сказать ей всю правду. Я снова хочу быть в ней. Стуча членом об ее стенки. Святое дерьмо, ее киска сжимает мой член. Она кончает и выкрикивает мое имя. Вот оно — я не могу остановиться, и с новой силой вхожу в нее. Мои мышцы, мое тело, моя кровь. Я кончаю, отпуская на волю все мысли. Я прижал ее к себе, ласково и тяжело дыша произнес ее имя:

— Ксавия.

Я почувствовал себя в безопасности, когда мои глаза встретились с ее неотразимо-голубыми.

— Ты прекрасна. Просто чертовски невероятно.

— То же самое могу сказать про тебя. — Она улыбнулась.

Я улыбаюсь ей в ответ и начинаю целовать ее кожу.

— Я хочу знать больше о тебе. Возьми меня в свой клуб в субботу. Пообещай мне.

Я уставился на нее, мой пульс участился.

— Мы пойдем туда в субботу.

— Расскажи, чего мне ожидать, — прошептала она, целуя меня в губы.

— Готовься быть собственностью.

— На глазах у всех?

Ее глаза расширились. Пройдя пальцами по ее лодыжке, я ответил:

— Моей. Я позабочусь о том, что бы все знали, что ты моя. Только моя. Остальное зависит от тебя.

— Я твоя.

Наши ноги и руки переплелись, устроив беспорядок, но на это раз я четко знал свое будущее и она, черт возьми, была там.

...Это только начало...

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**